Н. Фирсов.

Вступление на престол Елизаветы Петровны.

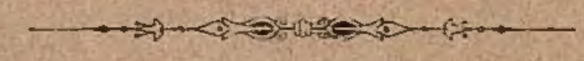

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Н. Н. ѲИРСОВА.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1888.

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Н. Н. ѲИРСОВА.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1887.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго университета. 14 апрѣля 1887 года.

Деканъ *Д. Бѣляевъ.*

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ[1].

Sine ira et studio.

Сначала мы кратко разскажемъ планъ, какой былъ задуманъ нами для разработки данной темы.

Самъ собою представляется вопросъ: *почему пало то правительство, которое правило Россіею до воцаренія императрицы Елизаветы?* Для рѣшенія этого вопроса несомнѣнно нужно обратиться къ эпохѣ, предшествовавшей названному факту, и въ ней отыскивать причины паденія этого правительства. Что̀ это за эпоха? Она извѣстна каждому грамотному Русскому подъ названіемъ „Бироновщины"; но мы думаемъ, что Бироновщину для большей точности удобнѣе называть періодомъ иноземнаго привительства въ Россіи, распространяя послѣднее наименованіе на время отъ начала 30-хъ годовъ XVIII в. до 25 Ноября 1741 г. Чтобы вполнѣ понять иноземное правительство мы должны обратиться къ описанію его; затѣмъ мы считаемъ необходимымъ отмѣтить факты, создавшіе причины паденія этого правительства: неослабный сборъ недоимокъ, государственныя его мѣропріятія и, особенно тѣ изъ нихъ, которыя касаются духовенства.

Съ поставленнымъ выше вопросомъ неразрывно связанъ другой: *почему императрица Елизавета, занявши силой пре-*

[1]) Эта монографія принадлежитъ студенту VI семестра. Она была представлена подъ приведеннымъ девизомъ въ качествѣ работы на тему, данную въ 1885 году Историко-филологическимъ факультетомъ Казанскаго университета для соисканія наградъ; удостоенная факультетомъ золотой медали, она печатается по его опредѣленію. *Ред.*

столъ, могла удержаться на немъ въ теченiи всей остальной ея жизни? Этотъ вопросъ напрашивается уже потому, что насильственный переворотъ, совершенный фельдмаршаломъ Минихомъ въ пользу Брауншвейгской фамилiи, не далъ такихъ-же результатовъ, какъ переворотъ Елизаветы. Рѣшивъ первый вопросъ, мы въ тоже время отвѣтимъ и на второй, вслѣдствiе ихъ связи, обусловливаемой тѣмъ, что причина, приведшая къ паденiю иноземное правительство, закрѣпила за Елизаветой право на престолъ. Но послѣднiй былъ занятъ посредствомъ дворцоваго переворота.

Выясненiе факторовъ этого переворота составитъ вторую часть нашей задачи. Само собою разумѣется,—факторы должны быть охарактеризованы, чтобы намъ вѣрнѣе понять самый заговоръ противъ иноземнаго правительства. Затѣмъ нужно указать на причины успѣха заговора, описать самое исполненiе послѣдняго въ ночь на 25-е ноября и кратко отмѣтить ближайшiя его слѣдствiя, въ качествѣ эпилога.

Кромѣ всего этого мы считаемъ нелишнимъ предпослать разработкѣ темы краткiй обзоръ сдѣланныхъ уже изслѣдователями Русской исторiи выводовъ и объясненiй, такъ или иначе относящихся къ нашей задачѣ.

Н. Ѳ.

I.

ОБЗОРЪ ВЫВОДОВЪ И ОБЪЯСНЕНІЙ,

существующихъ въ литературѣ по изслѣдуемому вопросу.

Начнемъ съ С. В. **Ешевскаго.** Этотъ историкъ спеціально не занимался интересующимъ насъ предметомъ; но во время профессорской дѣятельности въ Казани, гдѣ онъ недолго преподавалъ Русскую исторію, ему удалось прочесть обзоръ царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Предполагая, что для выясненія факта вступленія ея на престолъ, С. В. Ешевскій касается предъидущей эпохи, мы и обратились къ его „Очерку царствованія Елизаветы Петровны". О томъ, что получило у насъ прозваніе Бироновщины, у С. В. Ешевскаго нѣтъ почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ и общихъ фразъ, доказывающихъ, впрочемъ, что на ѳзначенный періодъ онъ смотритъ, какъ на страшное время [1]). Выясняя фактъ вступленія на престолъ Елизаветы, С. В. Ешевскій кратко указываетъ на значеніе гвардіи и на ненависть ея къ иноземцамъ [2]). Не имѣя никакого основанія и права требовать отъ С. В. Ешевскаго болѣе того, что онъ даетъ, нельзя не удивляться слѣдующему: въ его время, при тѣхъ научныхъ средствахъ, какія тогда онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, онъ отмѣчаетъ важное значеніе гвардіи въ нашихъ переворотахъ XVIII в. Бо́льшаго выясненія переворота, совершеннаго Елизаветой, отъ С. В. Ешевскаго нельзя ожидать

---

[1]) Сочиненія С. В. Ешевскаго, часть вторая; «Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны: напр., стр. 375, 368.

[2]) Ibidem., стр. 385.

уже потому, что онъ задался не спеціальнымъ трудомъ выясненія условій этого переворота, а предпринялъ изложеніе событій всего царствованія Елизаветы Петровны съ профессорской каѳедры.

Разработать фактически періодъ правленія иноземцевъ и сдѣлать выводы, объясняющіе вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы, выпало на долю **С. М. Соловьева** въ его „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Условіями, въ которыя было поставлено иноземное правительство, онъ объясняетъ переворотъ, совершенный Елизаветой Петровной. Наблюдая факты, характеризующіе начало царствованія Анны Ивановны, С. М. Соловьевъ дѣлаетъ выводъ, что оно было довольно робко: изъ желанія угодить дворянству отмѣняется законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи и учреждается кадетскій корпусъ (1730 и 1731 гг.), издается манифестъ противъ архіереевъ, пренебрегавшихъ крестными ходами. Но изъ дальнѣйшихъ фактовъ С. М. Соловьевъ усматриваетъ, что такое направленіе, которымъ началось царствованіе, скоро измѣнилось. Явились наказанія и опалы, направленныя на высокихъ духовныхъ лицъ, и на высшее дворянство, особенно, — на фамиліи, стремившіяся, при избраніи Анны Ивановны, ограничить самодержавіе. Потомъ начались праздники, сопровождавшіеся необычайною придворною роскошью, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ иностранные, такъ и русскіе источники. Въ результатѣ этой роскоши С. М. Соловьевъ видитъ два явленія: во первыхъ, вслѣдствіе отсутствія большихъ богатствъ у знати, она начинаетъ продавать имѣнія, и, во вторыхъ, такъ какъ для дорогихъ празднествъ деньги были нужны также императрицѣ и ея фаворитамъ, то правительство прибѣгаетъ къ сбиранію недоимокъ, запущенныхъ съ царствованія Екатерины I-й и Петра II-го. Теперь недоимки должны были заплатить въ три мѣсяца и помѣщики, и архіереи, и монастырскія власти. Такія мѣропріятія правительства произвели сильное недовольство имъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Но это недовольство, въ силу отсутствія у Русскихъ вождя, было неопасно для правительства, тѣмъ болѣе, что у Нѣмцевъ были такіе руководители, какъ Остерманъ и Минихъ. Согласившись съ „умнымъ" французомъ, что недовольные были слабы отсутствіемъ вождя, С. М. Соловьевъ спрашиваетъ: „Какъ же это

случилось, что Русскіе очутились безъ вождей, куда исчезли люди, которыхъ оставилъ Россіи Петръ Великій?" И тутъ же онъ, отвѣчая на поставленный имъ вопросъ, указываетъ на причину этого явленія: Русскіе не исполнили самой важной изъ завѣщанныхъ преобразователемъ задачъ: „выучиться всему нужному у чужихъ, не давши учителямъ значенія больше, чѣмъ сколько имъ слѣдовало, сохранивъ свое національное достоинство. Петръ оставилъ судьбы Россіи въ Русскихъ рукахъ". А Русскіе, вмѣсто того, чтобы исполнить другой завѣтъ Петра В.: „не складывать рукъ, не засыпать, постоянно упражнять свои силы" и т. д., завели между собой усобицы и сдѣлались сами виновниками замѣщенія своихъ должностей Нѣмцами. С. М. Соловьевъ готовъ бы помириться съ такими Нѣмцами, какъ Остерманъ и Минихъ, которые, будучи одними изъ лучшихъ учениковъ Петра В., связали свою судьбу съ судьбою Россіи; но его совершенно отталкиваютъ тѣ условія, которыя ихъ подняли и упрочили ихъ значеніе. Эти условія заключались въ фаворитизмѣ Бирона, сдѣлавшагося связью между трономъ и иноземцами. Какъ Биронъ, такъ и другой фаворитъ Левенвольде, сами, лично, не имѣли ровно никакихъ данныхъ, чтобы занимать высокія мѣста. Они „вмѣстѣ съ толпою иностранцевъ, ими поднятыхъ и имъ подобныхъ, были тѣми паразитами, которые произвели болѣзненное состояніе Россіи въ царствованіе Анны". Биронъ, главный паразитъ, не имѣлъ никакихъ другихъ стремленій, кромѣ корыстныхъ. Этихъ стремленій было достаточно для произведенія Бироновщины. [1])

Въ чемъ собственно выразилась Бироновщина, это С. М. Соловьевъ рисуетъ слѣдующими опредѣленными чертами: „Свергаютъ, заточаютъ архіереевъ, не заподозренныхъ въ народѣ относительно ихъ православія, пытаютъ, казнятъ вельможъ, самыхъ видныхъ; нѣтъ пощады и людямъ, менѣе значительнымъ. Тайная канцелярія свирѣпствуетъ страшно". [2]) Народная тягость увеличивалась двумя войнами, изъ которыхъ одна (польская) для непосвященныхъ была рѣшительно не-

---

[1]) Исторія Россіи, т. 19, стр. 241—331.
[2]) Ibid., т. 20, стр. 404.

понятна, а другая (турецкая), будучи понятной, дала такіе ничтожные результаты въ сравненіи съ пожертвованіями людьми и деньгами, что её можно считать неудавшейся: „дѣло съ начала до конца шло не такъ, какъ хотѣли, какъ надѣялись“. Болѣзненное состояніе Россіи въ царствованіе Анны, явившееся результатомъ всего вышеизложеннаго, не могло, понятно, измѣниться къ лучшему отъ Башкирскаго бунта, голода, пожаровъ, повальныхъ болѣзней и суровыхъ, неослабныхъ взысканій доимокъ. [1]) Предписывая собирать послѣднія, правительство въ указахъ часто ссылается на „Великаго Дядю“ императрицы Анны. Но это было простой фразой. Великій дядя не давалъ первенства иноземцамъ передъ Русскими; теперь было наоборотъ. „Народное чувство было сильно оскорблено, когда увидали небывалое явленіе — фаворита иноземца, когда увидали перваго кабинетъ-министра — иностранца, двоихъ дѣйствующихъ фельдмаршаловъ — иностранцевъ, президентовъ коллегій — иностранцевъ. Съ этимъ явленіемъ не могли помирить никакіе таланты, никакая благонамѣренность, никакой блестящій успѣхъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; а тутъ, какъ нарочно главное лицо, фаворитъ, былъ человѣкъ безъ достоинствъ, безплодно для Россіи кормившійся на ея счетъ“. [2])

Такимъ образомъ С. М. Соловьевъ рисуетъ и понимаетъ эпоху Бирона. Отсюда онъ весьма логично выясняетъ дальнѣйшія событія, завершившіяся вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы. Такое безотрадное положеніе Россіи, вызвавшее недовольство вскорѣ по воцареніи Анны, къ концу ея царствованія дѣлается еще безотраднѣе; сообразно съ этимъ увеличивается и степень напряженности общественнаго недовольства правительствомъ. Этимъ недовольствомъ прежде всего, послѣ смерти Анны Ивановны, поспѣшилъ воспользоваться фельдмаршалъ Минихъ: онъ арестовываетъ главнаго виновника недовольства, герцога Бирона. Тѣмъ же самымъ воспользовалось французское правительство, желавшее переворота въ Россіи въ пользу Елизаветы: Франція боялась союза Россіи съ Австріей, который поддерживался Остерманомъ. [3]) Маркизъ де ля-Шетарди, присланный францу-

---

[1]) Ист. Росс., 20 т., стр. 404.
[2]) Ibid., стр. 405.
[3]) Ibid., стр. 401, 402 и 403.

скимъ правительствомъ въ качествѣ посланника въ Петербургъ съ предписаніемъ интриговать въ пользу Елизаветы, вскорѣ понялъ, что самый горючій матеріалъ, готовый вспыхнуть при первомъ удобномъ случаѣ, представляетъ гвардія. Извѣстно, что во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ XVIII в. главную, рѣшающую роль играла гвардія, созданная Петромъ В. „Но изъ этого не слѣдуетъ,—говоритъ С. М. Соловьевъ—чтобы перевороты производились преторіанцами, янычарами по своекорыстнымъ побужденіямъ, войскомъ, оторваннымъ отъ страны и народа; не должно забывать, что гвардія заключала въ себѣ лучшихъ людей, которымъ были дороги интересы страны и народа, и доказательствомъ служитъ то, что всѣ эти перевороты имѣли цѣлью благо страны, производились по національнымъ побужденіямъ". Теперь эта гвардія была за Елизавету и ненавидѣла Бирона. [1] Цесаревна была весьма популярна въ гвардіи: она крестила дѣтей у гвардейцевъ и обходилась съ ними весьма радушно. Какъ солдаты, такъ и офицеры гвардіи имѣли возможность часто ее видѣть, такъ какъ у нея былъ домъ (Смольный или Смоляной дворъ) рядомъ съ гвардейскими казармами. Петербургскій дворъ тридцатыхъ годовъ XVIII в. зналъ, что Елизавета любима гвардіей и въ насмѣшку говорилъ: „у цесаревны Елизаветы ассамблеи для Преображенскихъ солдатъ", легкомысленно считая популярность Елизаветы среди гвардіи пустяками. Между тѣмъ это было серьезнымъ обстоятельствомъ, которое очень тревожило дальновиднаго политика Остермана. [2])

Тонкій наблюдатель маркизъ де-ля Шетарди съумѣлъ понять, что въ движеніи гвардіи слѣдуетъ видѣть пробужденіе національнаго сознанія. Дворъ Анны Леопольдовны, не понимая своей опасности, къ тому же представлялъ большую неурядицу: возникли нелады между Остерманомъ и Антономъ Ульрихомъ—съ одной стороны и правительницей и ея фаворитами—съ другой. При такихъ условіяхъ русская партія

---

[1]) Ibid., т. 21, стр. 12. Нѣсколько далѣе С. М. Соловьевъ приводитъ факты, напечатанные у Пекарскаго (Маркизъ де-ля Шетарди), факты открытаго недовольства гвардейцевъ существующимъ порядкомъ: гвардейцевъ — Ханыкова, Алфимова, Аргамакова, Пустошкина и капитана Бровцына, а также секретарей—Яковлева и Семенова. Они хотѣли поручить регенство принцу Антону-Ульриху. (Исторія Россіи, т. 21, стр. 12—17).

[2]) Ibid., стр. 129 и 130.

могла дѣйствовать успѣшно. Къ ней примкнулъ маркизъ де-ля Шетарди: онъ обѣщалъ ей и содѣйствіе Шведовъ, и помогалъ деньгами.

Тѣмъ не менѣе дѣло подвигалось впередъ медленно. Французскій дворъ сердился на Шетарди за эту медленность. Шетарди сваливалъ вину на цесаревну Елизавету и на ея приверженцевъ, говоря, что „они до тѣхъ поръ не станутъ дѣйствовать, пока не увидятъ, что ихъ поддерживаютъ". [1]) Между тѣмъ главные приверженцы Елизаветы—гвардейцы умоляли её отдать имъ приказанія. Елизавета умѣряла ихъ пылъ, прося ихъ вести себя смирно. [2]) Нерѣшительность цесаревны С. М. Соловьевъ объясняетъ ея затруднительнымъ положеніемъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что у нея, при множествѣ приверженцевъ, „не было человѣка, который бы сталъ во главѣ движенія, сдѣлалъ бы для нея, во имя ея то, что сдѣлалъ Минихъ для Анны Леопольдовны. Елизавета должна была сама начать дѣло, сама вести солдатъ: легко понять, какъ ей трудно было на это рѣшиться, какъ она должна была медлить и ждать". [3])

Но ждать долѣе 25-го Ноября 1741 года оказалось невозможнымъ, и такимъ образомъ сами обстоятельства заставили цесаревну произвести переворотъ, подготовленный предшествующимъ періодомъ иноземнаго правительства. Мы прослѣдили, на сколько возможно для нашей задачи, тѣ выводы, въ которыхъ выразилось пониманіе С. М. Соловьевымъ эпохи иноземнаго правительства. Чтобы рельефнѣе представить выводы С. М. Соловьева, мы сдѣлаемъ ихъ резюме. С. М. Соловьевъ періодъ Бироновщины считаетъ также, какъ и Ешевскій, страшнымъ временемъ въ исторіи русской жизни XVIII ст. Этотъ періодъ произвелъ недовольство во всѣхъ слояхъ русскаго общества и ненависть къ иноземцамъ. Гвардія явилась выразительницей этого народнаго настроенія. Иностранная политика пользуется недовольствомъ противъ правительства въ Россіи и интригуетъ въ пользу Елизаветы. Послѣдняя со своими приверженцами производитъ переворотъ тогда, когда уже нельзя было медлить.

---

[1]) Ibid., стр. 135 и 138.
[2]) Ibid., стр. 136.
[3]) Ibid., стр. 147 и 148.

Популярная книга **П. К. Щебальскаго** („Чтенія изъ Русской исторіи"), излагаетъ исторію Петра В. и остальныхъ царствованій XVIII в. Г. Щебальскій рисуетъ также въ мрачныхъ краскахъ внутреннее состояніе Россіи въ періодъ иноземнаго правительства; онъ указываетъ на роскошь при дворѣ, [1]) на выбиваніе недоимокъ и т. п., при чемъ останавливается и на судьбѣ крестьянъ. Онъ находитъ незавиднымъ положеніе крестьянскаго населенія. Недоимки падаютъ преимущественно на него, да еще на мѣщанъ и купцовъ. Вслѣдствіе указовъ сбирать недоимки съ монастырей и съ помѣщиковъ, тѣ и другіе выбивали недоимки съ крестьянъ.

Прямыя подати (70 к. съ души), акцизъ на соль, вино, плата за перевозы—все это, по Щебальскому, тяжело отзывалось на экономическомъ бытѣ крестьянъ [2]). Результатомъ тягостнаго положенія Россіи въ царствованіе Анны Ивановны и, вообще, въ правленіе Нѣмцевъ, является всеобщее недовольство: побѣги въ огромномъ количествѣ, бунтъ Башкирскій, заговоры дворянства (Смоленскаго губернатора князя Черкасскаго и другихъ), явленія самозванцевъ, недовольство духовенства. [3]) „Оскорбленное.... народное самолюбіе стало искать куда бы пріютиться; симпатіи раскольниковъ обращались, по прежнему, къ царевичу Алексѣю, подъ именемъ котораго являлись самозванцы, а сословія болѣе образованныя обратились къ цесаревнѣ Елизаветѣ, какъ къ единственной отрасли Петра І-го, уваженіе къ памяти котораго усиливалось.... по мѣрѣ того, какъ его идеи дѣлались идеями образованной части Русскаго общества". [4]) Елизавета была любима гвардіей, при помощи которой и взошла на престолъ своего отца. [5])

Затѣмъ въ русской исторической литературѣ можно найти нѣсколько статей, трактующихъ не о всей эпохѣ иноземнаго правительства, но объ отдѣльныхъ ея эпизодахъ. Такъ

---

[1]) Чтенія изъ Русской исторіи Щебальскаго; выпускъ четвертый, стр. 127 и 128.

[2]) Ibid., стр. 121.

[3]) Ibid , стр. 122—126.

[4]) Ibid., стр. 174 и 175.

[5]) О монографіи Н. П. Костомарова: «и-ца Анна Ивановна и ея царствованіе», помѣщенной въ журналѣ «Новь» за 1885 г. будетъ сказано ниже.

какъ эти эпизоды тѣсно и неразрывно связаны съ общимъ характеромъ времени, то это обстоятельство вынуждало авторовъ высказывать свои мнѣнія о всемъ періодѣ правленія иноземцевъ. Ихъ мнѣніями мы теперь и займемся.

I. Н. Шишкинъ въ своей статьѣ о Волынскомъ разсматриваетъ герцога Бирона—виновника ужасовъ его времени, какъ „грубаго, необразованнаго, неразвитаго и безпредѣльно честолюбиваго человѣка". Онъ пользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ „со всею жадностью человѣка, которому никогда и во снѣ не снилось того, чѣмъ онъ будетъ современемъ". Такое поведеніе, ясно, должно бы повести къ открытому выраженію недовольства, къ нарушенію общественнаго порядка. Временщику нужно было поступать такъ, чтобы этотъ порядокъ не нарушался. Отсюда на сцену являются разставленные караулы „для надлежащей безопасности", нещадное выбиваніе недоимокъ, застѣнки и тайники тайной канцеляріи и т. п. императрица Анна ничего этого не знала; а фаворитъ заботился о томъ, что-бы это незнаніе продолжалось до конца ея царствованія. Попытка раскрыть императрицѣ глаза на внутреннее состояніе государства обыкновенно оканчивалась „страшнымъ возмездіемъ" со стороны Бирона: такова была судьба Артемія Петровича Волынскаго.[1])

О Волынскомъ писалъ еще **Д. А. Корсаковъ**, [2]) который даетъ слѣдующую характеристику времени иноземнаго правительства. „Положеніе страны подъ управленіемъ Нѣмцевъ было ужасно. Сказочная роскошь двора поглощала громадное количество государственныхъ и частныхъ доходовъ. Государственные расходы сильно превышали

---

[1]) О. З. 1860 г., т. 2; статья Шишкина: «А. П. Волынскій», стр. 222 и 223. Напр.: «Каждая попытка дать понять Аннѣ Іоанновнѣ, что оффиціальные отчеты и донесенія тщательно обдумываются и сочиняются въ четырехъ стѣнахъ кабинета, съ помощью творческой фантазіи пишущаго; что народъ въ праздничной обстановкѣ, фейерверкахъ и т. п. торжествахъ и народъ, напр., въ доимочномъ приказѣ—двѣ вещи совершенно разныя, каждая попытка въ такомъ родѣ влекла за собой страшное возмездіе, отбивая всякую охоту къ патріотическимъ выходкамъ и актамъ гражданской доблести».

[2]) Подробная біографія А. П. Волынскаго напечатана имъ въ „Др. и Нов. Россіи» 1876 и 1877 гг.—Характеристика Волынскаго и его «конфидентовъ» помѣщена въ «Русской Старинѣ» 1885 г

доходы, идя преимущественно на армію и флотъ, которые находились въ плачевномъ состояніи". Далѣе указываются, какъ причины большаго отягощенія народа, Турецкая война, самодурство помѣщиковъ, переполненныя тюрьмы и Сибирь, заселяемая множествомъ ссыльныхъ, тайная канцелярія, дѣйствующая безостановочно, и страшное развитіе взяточничества, высасывающаго изъ народа послѣдніе соки. Результатомъ указанныхъ условій является слѣдующее положеніе вещей: „Всѣ сословія были разорены, торговля и промышленность въ совершенномъ застоѣ, внѣшній и внутренній кредитъ страшно подорваны.... Механизмъ государственнаго управленія былъ сильно расшатанъ." [1]). Вникая въ причины такой мрачной картины внутренняго состоянія Россіи въ разсматриваемую эпоху, Д. А. Корсаковъ не думаетъ, чтобы она создалась, какъ результатъ непривлекательныхъ качествъ Бирона. Онъ, очевидно, причину мрачнаго колорита эпохи усматриваетъ въ общемъ режимѣ времени, въ направленіи всего иноземнаго правительства. Что же касается герцога Бирона, то Д. А. Корсаковъ считаетъ его сыномъ того времени: Биронъ отличался отъ другихъ временщиковъ, фигурировавшихъ при Русскомъ дворѣ до и послѣ того, только своею національностью. „Многіе изъ нихъ были жестоки не меньше Бирона, не меньше его корыстолюбивы, не меньше его склонны къ интригамъ".... Отъ чего же о нихъ не сохранилось такой печальной памяти, какъ о Биронѣ?.... „Они были свои, и въ народной памяти всѣ ихъ злодѣянія олицетворились въ одномъ временщикѣ—нѣмцѣ Биронѣ" [2]). Печальное положеніе Россіи, созданное иноземнымъ управленіемъ ею, повлекло за собой недовольство въ обществѣ на иноземное правительство: явилось стремленіе освободиться отъ послѣдняго. Это стремленіе привело ко вступленію Елизаветы на Русскій престолъ. Но еще раньше, по предположенію Д. А. Корсакова, былъ замыселъ возвести её на тронъ, и это—замыселъ Артемія Петровича Волынскаго. Свое предположеніе Д. А. Корсаковъ основываетъ: 1) на той симпатіи, которую цесаревна всегда проявляла къ семейству Волынскаго, 2) на одномъ отрывкѣ, приводимомъ Татищевымъ въ его „Исторіи

---

[1]) Русская Старина 1885 г., стр. 28 и 29., Октябрь.

[2]) Ibid., 28 стр.

Россійской", 3) на французской книгѣ „Lettres Moscovites", 4) на извѣстіяхъ нѣмецкихъ дипломатовъ при С-Петербургскомъ дворѣ—объ одномъ политическомъ замыслѣ, относимомъ ими къ 1738 г. и до сихъ поръ мало розъясненномъ [1]). Всѣ эти документы предсказываютъ гибель иностранному правительству въ Россіи, указывая только на различныхъ инціаторовъ переворота [2]).

М. Д. Хмыровъ въ своей статьѣ: „Графъ Лестокъ", какъ и самое заглавіе ея показываетъ, останавливается главнымъ образомъ на дѣятельности Лестока. А такъ какъ самая выдающаяся фаза этой дѣятельности относится ко времени подготовленія переворота и къ самому перевороту, то онъ наиболѣе разбираетъ степень участія Лестока въ петербургскихъ событіяхъ 1741 г. Но, касаясь такого политическаго факта, какъ занятіе Елизаветой трона при помощи солдатъ, г. Хмыровъ не обходитъ и объясненія этого факта. Какъ и другіе изслѣдователи, онъ обращается къ предшествующему періоду и въ немъ ищетъ разгадку. Означенный періодъ оказывается невыносимымъ для Русскаго народа. Причина такого положенія понятна: „тайная канцелярія не закрывалась ни днемъ, ни ночью, пыточные листы исписывались кипами, заплечные мастера работали безъ устали; безчисленныя жертвы приволакивались безчисленными разсыльщиками со всѣхъ концовъ Россіи, гибли на плахахъ, увѣчились въ кровавыхъ застѣнкахъ".... И всё это по какой причинѣ? „По милостиего графскаго сіятельства", отвѣчаетъ намъ г. Хмыровъ. Подъ „графскимъ сіятельствомъ" разумѣется герцогъ Биронъ. „Милость" же является слѣдствіемъ качествъ этого герцога. Они слѣдующія. „Сильный и злобный еще въ Москвѣ, Эрнстъ Іоганнъ Биронъ оказался въ Петербургѣ могущественнѣйшимъ любимцемъ и совершеннѣйшимъ чудовищемъ". [3]) Какъ и другіе

[1]) Р. Стар. 1885 г., Октябрь стр 40.

[2]) Ibid., стр. 41—43. Что касается инціативы переворота, то она приписывается однимъ изъ посланниковъ—Долгорукимъ, а Зумомъ (саксонскимъ посланникомъ) и прусскимъ, Акселемъ Мардефельдомъ—Волынскому, съ тою только разницей, что первый дѣлаетъ цесаревну, при помощи Волынскаго, главой государства, а второй—заключаетъ ее въ монастырь.

[3]) Отечественныя записки 1866 г., 2-я статья: «графъ Лестокъ», стр. 251. Такой же взглядъ, какой высказанъ на эпоху Бирона

изслѣдователи, отмѣченные выше, такъ и г. Хмыровъ причиной переворота считаетъ бѣдственное положеніе народа во время Бироновщины, обрисованный имъ рѣзкими штрихами. Что же касается ближайшаго дѣятеля переворота, то г. Хмыровъ видитъ главную силу въ Лестокѣ, который собственно и произвелъ переворотъ. Сама цесаревна привыкла къ своему положенію. Она не желала короны и относилась съ уваженіемъ къ императрицѣ. [1]) Лестокъ же настраивалъ Елизавету въ томъ смыслѣ, что она имѣетъ всѣ права на корону, которую слѣдуетъ такъ или иначе ей получить. Онъ намекалъ на опасности, грозящія ей и ея приверженцамъ, если она не достигнетъ престола. Тутъ же Лестокъ рисовалъ людямъ, окружающимъ цесаревну, ихъ судьбу привлекательными красками, если ихъ повелительница явится на русскомъ престолѣ. Они съ удовольствіемъ выслушивали его, ибо „взятые вмѣстѣ, уступали въ смышленности Лестоку одному, а взятые порознь годились ему въ сыновья". [2]) Лестокъ, „стакнувшись" съ графомъ Нолькеномъ (Шведскимъ посланникомъ), насулилъ Швеціи „разныя разности", „до уступки Лифляндіи". Швеція повѣрила и объявила Россіи войну, между прочимъ, и за Елизавету. [3]) Лестокъ опяте началъ убѣждать цесаревну въ необходимости исполненія ужъ второй половины дѣла, ибо первая была совершена имъ. „Но цесаревна не знала, что дѣлать, жалѣла о сдѣланномъ, была готова отказаться отъ всего, чтобы только возвратить утраченное спокойствіе." Словомъ, по мнѣнію г. Хмырова, Лестокъ былъ „альфой и омегой происходившей передряги". [4])

Статья **Н. И. Костомарова**: „Фельдмаршалъ Минихъ" прямо не касается состоянія русскаго общества въ періодъ ино-

---

въ означенной статьѣ, г. Хмыровъ высказываетъ и въ другой, озаглавленной «Густавъ Биренъ» и напечатанной сначала въ повременномъ изданіи 1861 г.: «Русскій Міръ» (№ 2 и 3, а потомъ въ сборникѣ Бартенева: «18-й вѣкъ», т. 2, но съ перемѣнами и съ значительными дополненіями.

[1]) Отечественныя Записки 1866 г., 2-я статья: «графъ Лестокъ», стр. 354.

[2]) Ibid., стр. 358.

[3]) Ibid., статья 3-я, стр. 752 и 753.

[4]) Ibid., стр. 758.

земнаго правительства. Изъ косвенныхъ двухъ, трехъ намековъ можно съ натяжкой, впрочемъ, вывести заключеніе, что это состояніе во время Бирона, по мнѣнію Н. И. Костомарова, было незавидно. Такъ онъ говоритъ о неудовольствіѣ въ гвардіи на то, что регентомъ назначенъ иноземецъ—Биронъ. Замѣчаетъ также о стремленіяхъ герцога возвести на престолъ Елизавету, чтобы тѣмъ самымъ упрочить за собой высокое положеніе, занятое имъ въ царствованіе Анны и начавшее „въ послѣднее время... опускаться отъ всеобщей нелюбви къ нѣмцу временщику". Вотъ, кажется, и всё, что Н. И. Костомаровъ даетъ намъ для уразумѣнія того, какъ онъ понимаетъ эпоху, къ которой относится самая блестящая пора дѣятельности героя его разсказа. Фельдмаршалъ Минихъ понялъ всю опасность для себя отъ стремленій Бирона и поэтому арестовалъ его. Впрочемъ, Н. И. Костомарову и не надо было останавливаться на общественныхъ условіяхъ, созданныхъ иноземнымъ управленіемъ Россіей, ибо онъ не думаетъ видѣть въ нихъ основную причину вступленія на престолъ Елизаветы. Н. И. Костомаровъ объясняетъ дѣло проще: онъ видитъ причину придворной революціи въ недальновидности русской внѣшней политики. Правительству Россіи выгоднѣе было заключить союзъ съ Франціей и Пруссіей, чѣмъ съ Римскимъ императоромъ. Еслибы правительница сдѣлала это по совѣту Миниха, то не было бы и никакого переворота въ пользу Елизаветы.

А. А. Васильчиковъ, описывая семейство Разумовскихъ, касается, между прочимъ, личности Бирона, котораго онъ считаетъ „злодѣемъ"; отсюда ясно, какъ онъ понимаетъ время герцога. [1]) Изъ статьи **М. И. Семевскаго** „Елизавета Петровна до восшествія своего на престолъ" (1709—1741),—видно, что онъ причину воцаренія дочери Петра В. усматриваетъ въ неудовольствіѣ Русской знати, которая была оскорблена „незаслуженнымъ предпочтеніемъ" ей иноземцевъ. „Слѣдствіемъ сего неудовольства, говоритъ г. Семевскій, было то, что многіе родовитые князья и дворяне стали сожалѣть о своей опрометчивости, раскаялись въ сдѣланной ими ошибкѣ и стали искать случая поправить дѣло". [2])

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1881 г., книга 9-я стр. 7, 15 и 25.
[2]) Восемнадцатый вѣкъ, сборникъ Бартенева, т. 2. стр. 378.
[2]) Русское Слово, Февраль, 1859 г.

Теперь мы должны отмѣтить произведеніе, дающее иное объясненіе Бироновщины, чѣмъ то, какое мы видѣли до сихъ поръ. Мы разумѣемъ статью **Е. П. Карновича**: „Значеніе Бироновщины въ Русской исторіи". Г. Карновичъ разсмотрѣлъ отзывы о Биронѣ и Бироновщинѣ въ учебникахъ Кайданова, Устрялова и Иловайскаго, въ книгѣ Мальгина: „Зерцало Россійскихъ государей" (1791 г.), Запискѣ о древней и новой Россіи Карамзина и въ замѣткахъ гг. Хмырова и др., которые всѣ до одного рисуютъ Бироновщину ужаснымъ временемъ, изъ ряду выходящимъ по жестокости правительства и, въ особенности, главы его — герцога Бирона. Желая провѣрить этотъ взглядъ на періодъ Бироновщины, онъ предпринялъ самостоятельное изученіе этого времени, въ результатѣ чего и явилась его статья, на которой мы остановимся довольно подробно. Изъ нея прежде всего видно, что Карновичъ совершенно не согласенъ съ тѣмъ взглядомъ на Бироновщину, который онъ вычиталъ у перечисленныхъ авторовъ. Этотъ взглядъ онъ считаетъ традиціей, обязанной своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ извѣстному роману Лажечникова: „Ледяной домъ." [1]) По традиціи, Биронъ является извергомъ, и отсюда вся его эпоха полна всякихъ жестокостей и истязаній, которыя и увѣковѣчили о ней печальную славу, какъ о страшномъ времени въ Россіи. Въ силу того, что извѣстные авторы всю непривлекательную сторону періода Бироновщины производятъ отъ личности Курляндскаго герцога, Карновичъ и останавливается довольно долго на оцѣнкѣ этой личности. Онъ не можетъ, слѣдуя за предшествующими ему историками считать герцога Бирона какимъ-то особеннымъ извергомъ. По его мнѣнію Биронъ такой же карьеристъ, какъ, напр., Волынскій. Но, по заурядности, дюжинности своей, первый никогда бы не занялъ никакого мѣста въ исторіи, еслибы сами обстоятельства не выдвинули его наверхъ. [2])

[1]) Отечественныя Записки 1873 г., статья 1-я, стр. 544 и 545... «Въ Русскихъ сердцахъ почувствовалась та общая ненависть къ Бирону, которую породилъ главнымъ образомъ «Ледяной Домъ» Лажечникова».

[2]) Ibid. стр. 533... «онъ (Биронъ) въ сущности поступалъ точно также, какъ и знаменитый его противникъ Волынскій..... Онъ былъ самый обыкновенный человѣкъ, и имя его попало на страницу исторіи только вслѣдствіе благопріятно сложившихся для него обстоятельствъ.»

Поэтому, если говорить о Бироне, то надо различать его дѣйствія и дѣйствія той среды, въ которой онъ жилъ. [1]) Обращаясь къ тому, что приписывалось Бирону, Карповичъ останавливается на участіи его во внѣшней политикѣ. Оказывается, что этого участія почти не замѣтно. Внѣшнюю политику велъ графъ А. И. Остерманъ. Она весьма искусена.— Дѣлались очень сложныя комбинаціи, бывшія не подъ силу уму Бирона. [2]) Въ этой политикѣ Карповичъ видитъ только одну ошибку: это—уступка Персіи земель, пріобрѣтенныхъ Петромъ Великимъ. [3]) Но немного ниже онъ и эту ошибку начинаетъ считать „благоразумнымъ политическимъ расчетомъ.“ Петръ Великій, ведя войну съ Персіей, преслѣдовалъ торговые интересы, которые не оправдались, не смотря на успѣхи Русскаго оружія. Поэтому держать въ отдаленномъ краю военную силу сдѣлалось весьма невыгодно, тѣмъ болѣе, что климатъ дѣйствовалъ на неё очень вредно. [4]) Такимъ образомъ, если и здѣсь заподозрить участіе Бирона, то оно является не во вредъ, а, напротивъ, въ пользу Русской имперіи.

Война съ Турціей, помнѣнію Карповича, была цѣлесообразна, но онъ сильно сомнѣвается, что можно предполагать здѣсь дипломатическое участіе Бирона. [5]) Политика по отношенію къ Польшѣ была тоже разумна. [6]) Далѣе Карповичъ разсматриваетъ обвиненія Бирона: 1) въ томъ, что онъ старался подчинить внѣшнюю политику интересамъ Вѣнскаго двора и 2) въ корыстныхъ видахъ на Курляндію. Оба обвиненія Карповичемъ опровергаются. Первое тѣмъ, что „тяготѣніе“ Австрійскаго двора „надъ политикою Россіи началось при Екатеринѣ I-ой и продолжалось при Петрѣ II-омъ, вслѣдствіе родства его съ

---

[1]) Отеч. Зап. 1873 г., ст 1, стр. 554.

[2]) Ibid., стр. 557.

[3]) Ibid., стр. 560.

[4]) Ibid.—

[5]) Ibib, стр. 561: «Обстоятельства слагались такъ, что Россіи представлялось самое удобное время начать войну съ Турціей съ цѣлью уничтожить Прутскій договоръ.»

[6]) Ibid.,—стр. 564.. ... «въ русской политикѣ по отношенію къ Польшѣ, помимо вопросовъ о личныхъ интересахъ Бирона, проглядывалъ зрѣло обдуманный планъ, доведенный до конца при Екатеринѣ 2-ой».

Габсбургскимъ домомъ". Биронъ же, напротивъ, старался уничтожить вліяніе Вѣнскаго двора на русскую политику. Этимъ Карповичъ и заканчиваетъ свою защиту герцога Бирона противъ обвиненія его другими историками во вредной для Россіи внѣшней его политикѣ. Переходя къ внутреннимъ распорядкамъ времени Бирона, Карповичъ прежде всего сравниваетъ его съ другими временщиками, бывшими при русскомъ дворѣ до и послѣ него (Меншиковымъ, Долгорукими, Шуваловыми и др.), и изъ этого сравненія заключаетъ: Курляндскій герцогъ „не превосходилъ ихъ своимъ личнымъ произволомъ." [1]) Самое же внутреннее состояніе Россіи Карповичъ старается возстановить, наблюдая факты нашего законодательства въ эпоху Бироновщины. Эти факты доказываютъ ему, что въ эту пору было хорошее направленіе правительственной дѣятельности. Таковы постановленія относительно устройства лицъ военнаго званія, флота, сословныхъ порядковъ (25 лѣтъ обязательной службы для дворянъ, начиная съ 20-ти лѣтняго возраста и пр.,). Тоже самое направленіе усматривается Карповичемъ изъ указовъ, трактующихъ о понужденіи сенаторовъ пріѣзжать въ собраніе въ 7 часовъ утра и оставаться тамъ до 5 ч. вечера (1733 и 1739 гг.), изъ указа, повелѣвающаго исполнять судъ безъ взятокъ (1733 г.), изъ строгихъ приказаній (1733 г.) губернскимъ прокурорамъ, которымъ, между прочимъ, вмѣняется въ обязанность не держать долговременно колодниковъ, изъ указа (1737), заставляющаго обучать недорослей, [2]) изъ объявленія, чтобы доимку съ 1719 по 1726 г. брали не натурою, а деньгами, при чемъ взносъ слѣдующей за то суммы былъ ограниченъ 20 р.; хорошее направленіе, наконецъ, Карповичъ видитъ въ распространеніи обязанности учиться на всѣхъ солдатскихъ дѣтей, въ учрежденіи шляхетнаго корпуса и въ заботахъ о городскомъ благоустройствѣ (1733, 1736, 1737 и 1740 гг.). [3])

Анализируя эти постановленія, Карповичъ дѣлаетъ болѣе опредѣленный выводъ: законодательство въ эпоху

---

[1]) **Отеч. Зап., 1873 г., статья 1-я, стр. 570.**
[2]) **Ibid., стр. 579.**
[3]) **Ibid., 580 и 581.**

Бирона „по своему духу и по тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ стремилось, соотвѣтствовало прогрессивнымъ понятіямъ той поры и стояло нисколько не ниже того уровня, на которомъ оно находилось во времена,ближайшія къ Бироновщинѣ“.[1]) Что касается темныхъ сторонъ Бироновщины, то Карновичъ эти стороны считаетъ присущими не только времени Бирона, но и предъидущему, и послѣдующему. Таково присутствіе въ Россіи иноземцевъ, которые, по мнѣнію другихъ историковъ, успѣли крѣпко здѣсь утвердиться при содѣйствіи Бирона; таково „выгодное положеніе“ иностранцевъ въ Россіи, установленное при Петрѣ В., когда было приказано выдавать имъ жалованья болѣе, чѣмъ Русскимъ; при Биронѣ же произошло даже уравненіе въ этомъ отношеніи.[2]) Далѣе—доносы, шпіонство, тайные розыски, казни, пытки,—всё это „не представляетъ ничего такого, чего бы не было въ употребленіи у насъ или прежде, или послѣ этой эпохи“ (Бироновщины)[3]). Въ послѣднюю даже принимались мѣры противъ ложныхъ доносчиковъ, которые явились въ изобиліи, особенно изъ духовнаго званія.[4]) Вслѣдствіе того, что эти доносы не прощались лицамъ духовнаго званія, церковные витіи, по мнѣнію Карновича, и громили въ царствованіе Елизаветы предшествующую эпоху, отличавшуюся арестами и ссылками духовныхъ.[5]) Сборъ недоимокъ тоже не убѣждаетъ Карновича въ страшной жестокости времени: „сборъ производился и теперь такъ-же сурово, какъ и прежде“.[6]) Стараясь такимъ образомъ доказать, что между эпохой Бирона и ближайшими къ ней періодами не было качественной разницы, Карновичъ, добравшись до самаго чувствительнаго пункта, тѣмъ не менѣе не обходитъ его, а смѣло ставитъ вопросъ:

---

[1]) Отеч. Зап. 1873 г., ст. 1-я, стр. 582.

[2]) Ibid., статья 2-я, стр. 121.

[3]) Ibid., стр. 127 и далѣе.

[4]) Ibid., стр. 124 и 125.

[5]) Ibid., стр. 125.

[6]) Ibid., стр 138: «О томъ, что въ Бироновщину взысканіе недоимокъ и податей производилось съ чрезвычайной суровостью, излишне, кажется, и говорить; но мы видѣли, какъ много отъ этого терпѣлъ народъ еще и до Бирона»..... «Всѣ жестокости не были личнымъ изобрѣтеніемъ злобнаго временщика»....

не было ли количественной разницы? Рѣшеніе же этого вопроса сдѣлано имъ весьма уклончиво и обще. Онъ полагаетъ, что указаннаго вопроса нельзя рѣшить положительно. „Общія же фразы,—говоритъ Карповичъ—въ силу того предубѣжденія, о которомъ мы уже говорили, клонятся естественно къ тому, что именно Бироновщина отличалась жестокостью. Но такія фразы не доказываютъ ничего окончательно.“ [1]) Что же Биронъ? Ничего особеннаго: какъ уже сказано выше, это—обыкновенный смертный, котораго нельзя обвинять во многомъ уже потому, что окружающая его среда была нисколько не лучше его. Она не сдѣлала никакого отпора въ то время, когда Биронъ въ нее вошелъ. Здѣсь его встрѣтило раболѣпство, почему нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ зазнался. Отпора не было ни со стороны дворянства, ни со стороны духовенства. При томъ приниженіи, которое выказывали предъ Бирономъ наиболѣе вліятельные общественные элементы, ему легко было подняться до „степеней извѣстныхъ:“ „онъ не столько поднимался самъ, сколько поднимали его другіе.“ [2]) Всё добытое изслѣдованьемъ Карповичъ въ заключеніе резюмируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Послѣ подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія Бироновщины, ошибочно было бы, какъ намъ кажется, придавать ей то исключительное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то ужасающее значеніе, какое придаютъ ей наши историки. Между ею и ближайшими къ ней временами нѣтъ никакого существеннаго различія по условіямъ нашей государственной и народной жизни. Ничто новое, ничто небывалое не характеризуетъ Бироновщины. Самому же Бирону не было никакой надобности угнетать, мучить и кровавить рус-

---

[1]) Отъ Зап. 1873 г., ст. 2-й, стр. 130.

[2]) Ibid., стр. 98 и 105: «Не подлежитъ сомнѣнію, что среди дворцовой знати были усердные прислужники Бирона, которыя въ самую рѣшительную минуту не только не удерживали его отъ полученія регентства, но, напротивъ, подбивали къ тому. Вообще къ дѣлу о регентствѣ примѣняются, какъ нельзя болѣе, слова самого Бирона, объяснявшаго, что «никто такой христіанской совѣсти не имѣлъ, чтобы ему въ томъ отсовѣтовать». Это выраженіе весьма отчетливо обрисовываетъ личную ничтожность самого Бирона».

скій народъ, не оказывавшій ему ни малѣйшаго сопротивленія, да при томъ ретивыхъ дѣятелей по этой части было и безъ него у насъ весьма достаточно. Правда, что онъ былъ могущественнымъ и грознымъ владыкою при дворѣ, но и здѣсь онъ, и по своимъ честолюбивымъ замысламъ, и по личнымъ качествамъ, и по алчности къ наживѣ, и даже по наглымъ замашкамъ, не выдѣляется особенно изъ ряда подобныхъ ему временщиковъ, пользовавшихся необузданною властью. Вообще, не умъ Бирона, не твердая его воля, не могучая энергія, но только особыя обстоятельства и та обстановка, которая была для него уже готова въ тогдашней Россіи, поставили его высоко и сдѣлали изъ этого заурядпаго, во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка замѣтную историческую личность". [1])

Н. И. Костомаровъ, въ своей монографіи „Императрица Анна Ивановна и ея царствованіе",—(пом. въ журналѣ „Новь" 1885 г.), является также защитникомъ Бирона и нѣмцевъ-правителей, которымъ, по его мнѣнію, невозможно приписать огуломъ жестокій и крутой характеръ этого царствованія, даже потому, что нѣмцы-правители не составляли согласной корпораціи и дѣйствовали въ разбродъ. „Самъ Биронъ,—продолжаетъ Н. И. Костомаровъ—не управлялъ дѣлами... и не имѣлъ склонности заниматься ими, какъ и императрица; онъ не любилъ Россію и вообще мало интересовался ею. Онъ былъ эгоистъ довольно узкій, не умѣвшій расположить къ себѣ никакого кружка; сила его опиралась исключительно на личной милости императрицы, и съ ея смертію—онъ остался безъ почвы."... „Жестокости, бывшія при Аннѣ Ивановнѣ, были и до и послѣ нея, и лежатъ въ условіяхъ всего русскаго XVIII в., а вовсе не исходятъ отъ Бирона. Далеко не все правительство императрицы Анны состояло изъ нѣмцевъ, замѣчаетъ Костомаровъ, и это правительство въ общемъ своемъ характерѣ шло по пути, указанному Петромъ В. Благодаря „птенцамъ" Петровымъ, которымъ императрица поручала многія государственныя дѣла, „царствованіе Анны Ивановны во многихъ отношеніяхъ можетъ назваться продолженіемъ славнаго царствованія ея великаго дяди: вообще жизнь русская двигалась впередъ и не была въ застоѣ".

---

[1]) Отеч. Зап. 1873 г., ст. 2-я, стр. 142.

Есть еще одно произведеніе, касающееся также эпохи Бирона; но оно не принадлежитъ русской литературѣ; оно написано Нѣмцемъ и, по воззрѣніямъ автора, можетъ примыкать и къ русскимъ изслѣдованьямъ отрицательнаго характера по отношенію къ Бироновщинѣ и къ защитительной статьѣ Карповича; оно совмѣщаетъ и то, и другое—это причина, почему мы имъ заканчиваемъ нашъ обзоръ.

Вѣря вполнѣ въ тотъ фактъ, что герцогъ Биронъ былъ главнымъ правителемъ Россіи, **Германъ** въ своей „Исторіи Россійскаго государства“ считаетъ его весьма умѣлымъ правителемъ. Онъ „обнаружилъ умѣніе властвовать: онъ дѣйствовалъ разсудительно, хитро и строго“. Дворцовые перевороты въ періодъ иноземнаго управленія Россіею Германъ объясняетъ въ одномъ мѣстѣ тѣмъ, что русскій „безправный народъ былъ равнодушенъ къ дворцовымъ перемѣнамъ почему и явилась возможность легко ихъ совершать“. [2]) Въ другомъ мѣстѣ книги Германа картина правленія рисуется иная: „Императрица слѣпо покорялась Бирону; этотъ послѣдній своимъ высокомѣріемъ оскорблялъ вельможъ; придворный банкиръ Липманъ обогащался на счетъ страны; правительство вымогало у нея огромныя суммы, употреблявшіяся „на пустошныя удовольствія“. Затѣмъ, если къ этому прибавить совершенное пренебреженіе морской силой, „безпощадное обращеніе съ молодыми людьми, отданными въ военную службу, которыхъ не щадили, какъ бы животныхъ“, и обѣдненіе дворянства, вслѣдствіе тяжести налоговъ, то нельзя не видѣть, что Германъ забылъ объ умѣломъ правленіи Бирона и рисуетъ крайне неумѣлое. Видя картину неумѣлаго правленія Бирона, не удивляешься нисколько тому, что Германъ выводитъ дальше: „съ каждымъ го-

---

[2]) Русскій Архивъ 1866 г. стр. 163 и 164: Въ томъ, что народъ безучастенъ къ тому, что совершается, Германъ убѣжденъ безусловно по сообщеніямъ Нейбауера, который «думалъ» такимъ образомъ: «я думаю, писалъ онъ своему правительству, что врядъ ли теперь возможно какое-либо значительное возмущеніе; по крайней мѣрѣ, если и произойдетъ оно, то не будетъ имѣть общаго дѣйствія и возникнетъ не изъ среды народа, ибо *русскій народъ* пребываетъ въ полномъ безучастіи ко всему» (ne sent rien).—

домъ, говоритъ онъ, всё болѣе и болѣе увеличивалось неудовольствіе народа и въ особенности знати на правительство, на которое смотрѣли какъ на иноземное". [1]) При этомъ недовольствѣ не трудно было устраивать противъ него заговоры. Германъ вѣритъ въ заговоръ Долгорукихъ, жившихъ въ ссылкѣ, при чемъ разсказываетъ весьма любопытные эпизоды, въ финалѣ которыхъ является предполагаемое, по избіеніи всѣхъ Нѣмцевъ, провозглашеніе Елизаветы императрицею, а Нарышкина императоромъ. [2]) Далѣе разсказывается заговоръ Волынскаго съ романическими подробностями. Волынскій хотѣлъ, устранивъ всѣхъ Нѣмцевъ и Брауншвейскую фамилію, предложить императрицѣ Аннѣ выйти за него за-мужъ; если же она откажется, то заключить её въ монастырь. Затѣмъ онъ намѣревался обратиться съ тѣмъ же предложеніемъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ; если и она откажетъ, то и её въ монастырь... [3]) Разсказывая это и подобное, Германъ увѣренъ, что возстаніе было весьма вѣроятнымъ:" Чернь сбѣжалась бы къ Волынскому по первому его знаку, что можно грабить имущество иностранцевъ; при этомъ гвардія явилась бы первая. На чернь Волынскій могъ расчитывать тѣмъ болѣе, что она ненавидитъ иностранцевъ и „недовольна налогами и наборами, которые пришлось вытерпѣть въ теченіи войны: вдобавокъ по природѣ своей склонна къ воровству и грабежамъ". [4]) Отсюда нельзя сомнѣваться, что, благодаря такимъ наклонностямъ черни и солдатъ произошли бы большія несчастія, по вслѣдствіе „особой воли Провидѣнія", „заговоръ неожиданно былъ открытъ и при томъ еще во время". [5]) Впрочемъ, если бы онъ и удался, всё равно Русскіе „принуждены были бы опираться на способности иностранцевъ", такъ какъ „лица, облеченныя властью, сами не имѣли способностей." [6])

И вотъ на основаніи сообщеній Нейбауера, Германомъ рисуется снова безмятежное правленіе иноземцевъ въ Россіи: Би-

---

[1]) Русскій Архивъ 1866 г. стр. 671.
[2]) Ibid., стр. 672 и 673.
[3]) Ibid., 1366 и 1367.
[4]) Ibid., стр. 1368.
[5]) Ibid., стр. 1508.
[6]) Ibid., — —

ронъ правитъ единовластно, Остерманъ скромно занимаетъ должность какого-то „такъ сказать, предсѣдательствующаго министра", а императрица подписываетъ. [1]) И живутъ они между собой мирно: Остерманъ, „чуждый своекорыстія и и всегда довольный", во всемъ совѣтуется съ герцогомъ, не предпринимая безъ указаній и согласія послѣдняго ни одного шага; Биронъ платитъ ему тою же монетою [2])

Но Русскіе ненавидѣли иноземное правительство, въ силу чего „постепенно росло" неуваженіе къ нему. Въ тоже время „возрастала народная приверженность къ дочери Петра Великаго, цесаревнѣ Елизаветѣ, любимой не только за ея происхожденіе, но и за-то, что она жила по-русски и была вѣрна простонароднымъ обычаямъ." [3]) Она рѣшила воспользоваться настроеніемъ народа и занять отцовскій престолъ. [4]) Главная ея опора—„приверженность нѣкоторыхъ гвардейскихъ гренадеровъ". [5])

Мы разсмотрѣли, кажется, всё, что имѣется въ литературѣ изъ относящагося къ нашему вопросу. Прочитывающій эту главу, вѣроятно, уже замѣтилъ, что мы обозрѣвали „мнѣнія" не въ хронологическомъ порядкѣ. Имѣя въ виду не постепенное развитіе того или другаго отдѣльнаго мнѣнія, а совокупности различныхъ мнѣній, мы придерживались, такъ сказать, классификаціи ихъ. Такъ, сначала разсмотрѣли мнѣнія отрицательнаго характера, затѣмъ защитительнаго и, наконецъ, такія, которыя совмѣщаютъ въ себѣ черты того и другаго. Ограничившись простымъ констатированьемъ мнѣній, мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: если настоящій обзоръ поможетъ намъ удовлетворительно выполнить нашу работу, то онъ достигъ своей цѣли.

---

[1]) Ibid., стр. 1512.
[2]) Ibid., стр. 1513 и 1514.
[3]) Ibid., стр. 187.
[4]) Ibid.—
[5]) Ibid., стр. 188.

II.

Иноземное правительство Россіи въ періодъ отъ начала 30-хъ годовъ до 1741 г. (25 Ноября).

Чтобы ясно понять иноземное правительство, нужно обратиться къ разсмотрѣнію характеровъ личностей, составлявшихъ его. Во главѣ его оффиціально мы видимъ самодержавную императрицу Анну Ивановну, женщину чисто русскаго происхожденія, дочь царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи. Обстоятельства ея жизни и то, какъ она относилась къ дѣламъ, покажутъ намъ, что правительство Россіи въ указанный періодъ было всетаки иностраннымъ, не смотря на самодержавіе императрицы чисто русскаго происхожденія. Вслѣдствіе политическихъ соображеній Петра Великаго, царевна Анна была выдана имъ замужъ за герцога Курляндскаго Фридриха. Вскорѣ послѣ свадьбы, на пути въ свои владѣнія, герцогъ умеръ. Тѣмъ не менѣе Анна Ивановна ѣдетъ въ Курляндію, гдѣ и проводитъ 19 лѣтъ, среди Нѣмцевъ, къ которымъ во всякомъ случаѣ она въ столь продолжительное время успѣла привыкнуть.

У герцогини Курляндской за нѣсколько лѣтъ до избранія ея на русскій престолъ является любимецъ изъ нѣмцевъ Эристъ Іоганнъ Биренъ, который ѣдетъ, вслѣдъ за Анной Ивановной, въ Россію, преобразовывается здѣсь въ Бирона и привлекаетъ сюда немало своихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ русская императрица окружена „разными Курляндцами, Вестфальцами, Лифляндцами, Эстляндцами, бывшими между собою въ родствѣ, свойствѣ и кумовствѣ“. [1]) Въ ихъ-то руки перехо-

[1]) Шетарди, Пекарскаго, стр. 277; заимствовано изъ Geneal. Historischen Nachrichten, XLIII, S. S. 1106, 1109.

дитъ управленіе государствомъ, ибо Анна Ивановна „вмѣшивается только въ то, что касается развлеченій". [1]) Если мы обратимся къ нѣкоторымъ фактамъ ея быта, то совершенно убѣдимся въ справедливости замѣченнаго маркизомъ де-ля Шетарди. Императрицу Анну Ивановну очень интересуютъ обезьяны, „самчикъ и самка съ маленькою", которыхъ она выписываетъ изъ Москвы указомъ, подписаннымъ кабинетъ-министрами. [2]) Ея помышленія сосредоточены на калмычкахъ, [3]) скворцахъ, [4]) сватовствѣ за камеръ-юнкеровъ [5]) и придворныхъ служителей [6]) разныхъ дѣвицъ. Ея религіозное чувство выражается въ суевѣріи. По приказанію императрицы ея духовникъ Варлаамъ (26-го Іюля 1735 г.) пишетъ Московскому губернатору Салтыкову, чтобы тотъ позаботился доставить масло изъ лампады, „что есть надъ гробомъ блаженныя памяти государыни царевны и инокини Маргариты Алексѣевны". [7]) Всё это заявляетъ о недостаткѣ образованія, о довольно узкомъ умственномъ кругозорѣ. Императрица Анна Ивановна своимъ духовнымъ содержаніемъ, не смотря на свою жизнь среди Нѣмцевъ, не далеко ушла отъ типа до-Петровской русской царицы. Это ясно видно изъ ея способовъ развлекаться. Окруженная калмычками, шутами, шутихами, карлицами, обезьянами, скворцами, она всетаки скучаетъ: бѣснованія шутовъ и смѣхотворные разсказы карлицъ ей отъ частаго повторенія надоѣдаютъ. Она желаетъ насладиться пѣніемъ. Артистки подлѣ: это — фрейлины, которыя, кромѣ своего названія, нисколько еще не отличаются отъ сѣнныхъ дѣвушекъ. Анна Ивановна отворяетъ дверь въ комнату фрейлинъ и приказываетъ: „ну, дѣвки, пойте!" И дѣвки поютъ. Императрица слушаетъ. Но и онѣ надоѣли. Императрица кричитъ: „довольно." Для смѣны развлеченія отдается прика-

---

[1]) Шетарди, стр. 52.
[2]) Русскій Архивъ, 1873 г., 2 т., стр. 1650.
[3]) Ibid., стр. 1655.
[4]) Ibid., стр. 1669 и 1670.
[5]) Ibid., стр. 1664 и 1665.
[6]) Ibid., стр.—
[7]) Ibid., стр. 1651.

заніе призвать во дворецъ извѣстныхъ петербургскихъ барынь. Онѣ являются. Императрица заставляетъ ихъ предъ собою танцовать. Онѣ стѣсняются отъ боязни спутаться въ фигурахъ и спутываются. Императрица даетъ имъ по пощечинѣ. Призываются на мѣсто неудачницъ гвардейскіе солдаты со своими супругами: имъ императрица велитъ водить хороводы. [1]) Но скука не перестаетъ томить Анну Ивановну. Нужно новое какое нибудь развлеченіе. Императрица припоминаетъ нѣкую Настасью Филатовну, и ей хочется её видѣть у себя. Настасья Филатовна не заставляетъ себя ждать. Эта госпожа на нѣкоторое время тоже развлекаетъ Анну Ивановну. Послѣдняя начинаетъ „тѣшиться:" прежде всего „взяла меня, разсказываетъ Филатовна, за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажно больно мнѣ было". Затѣмъ Анна Ивановная подвела свою гостью къ окну, посмотрѣла ей въ глаза и говоритъ: „стара очень, не такъ, какъ была, Филатовна — столько пожелтѣла". Филатовна отвѣчаетъ: „Уже, матушка, запустила себя: прежде пачкалась бѣлилами, брови марала, румянилась". Императрица на это замѣчаетъ: „румяниться не надобно, а брови марай". Затѣмъ, спросивъ: стара-ли она сама, императрица, и получивъ пріятный отвѣтъ, она начала понукать Филатовну къ разсказамъ. Та разсказывала, но запасъ у нея истощался. Тогда Филатовна говорила: „не знаю, что, матушка, говорить; душа во мнѣ трепещется, дай отдохнуть". Аннѣ Ивановнѣ такая отговорка показалась смѣшною: „изволила тѣшиться." И опять скучающая императрица заставляла повѣствовать свою гостью то о разбойникахъ, то хорошо ли московскія барыни стрѣляютъ изъ ружей и т. п. [2]) Такимъ образомъ „тѣшилась" самодержавная императрица Россіи въ первой половинѣ XVIII ст. Мы нарочно остановились на фактахъ ея

---

[1]) Русская Старина 1873 г., статья Шубинскаго: «Императрица Анна Іоанновна.»

Для характеристики внѣшности придворной жизни въ разсматриваемое время много данныхъ можно извлечь изъ оффиціальнаго изданія подъ заглавіемъ: «Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го октября 1740 г. по 25-е Ноября 1741 года, по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министер. Юстиціи, 1880 г.

[2]) Русскій Архивъ 1873 г., 2 т. (1643—1647 стр.).

частнаго быта, потому что ея бытъ представляетъ черты быта тогдашняго высшаго русскаго общества. Люди не могли перемѣниться сразу. Теперь едва ли кто станетъ утверждать, что реформа Петра Великаго многое сразу измѣнила въ нравахъ общества

Отсюда понятно, почему императрица мало имѣетъ склонности заниматься государственными дѣлами: припомнивъ черты ея частнаго быта, мы видимъ предъ собою старинную московскую царицу. Тѣмъ не менѣе её нельзя разсматривать исключительно, какъ таковую: время сдѣлало то, что могло сдѣлать. Другая сторона ея быта заявляетъ о сильномъ европейскомъ вліяніи; эта сторона относится къ ея парадной жизни. Говоря о послѣдней, мы будемъ въ сущности говорить о бытѣ двора времени Анны Ивановны, что также послужитъ дополнительнымъ матеріаломъ къ характеристикѣ этой императрицы. Европейское вліяніе выразилось въ весьма расточительной роскоши двора. Объ ея колоссальныхъ размѣрахъ источники говорятъ въ одинъ голосъ. Даже маркизъ Шетарди, знакомый съ Версалемъ Людовика XV, считаетъ роскошь русскаго двора „безумною". [1]) Въ другомъ мѣстѣ маркизъ полагаетъ, что роскошь является одною изъ причинъ, разоряющихъ государство. [2]) Манштейнъ сообщаетъ: „роскошь была уже преувеличенная и стоила двору огромныхъ денегъ". [3]) О „великолѣпіи" двора мы имѣемъ свидѣтельство и фельдмаршала Миниха. [4]) Свидѣтельства современниковъ подтверждаются и кн. Щербатовымъ. Онъ видѣлъ дворъ Екатерины II-ой, но тѣмъ не менѣе удивляется, негодуя, роскоши двора Анны Ивановны: „и тако дворъ, который еще никакого учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворные чины, сребро и злато на всѣхъ

---

[1]) Шетарди, Пекарскаго, стр. 52.

[2]) Ibid., стр. 23 и 24. На Шетарди, который набрасывалъ черныя краски на время Анны Іоанновны, нельзя было бы положиться, еслибы его свидѣтельства не подтверждали другіе источники, рисующіе общую картину царствованія Анны Ивановны и характеръ ея личности совершенно иначе, чѣмъ французскій министръ.

[3]) Записки Манштейна о Россіи, 1724—1744 гг., изд. 1875 г., стр. 182.

[4]) Записки Миниха (отца), стр. 62.

придворныхъ возблистало, и даже ливрея царская сребромъ была покровенна". [1]) Роскошь и расточительность двора выражались также въ многочисленныхъ празднествахъ. Одно изъ нихъ намъ описываетъ леди Рондо. Она отмѣчаетъ изящную сторону празднества. Празднество, которое описываетъ леди Рондо, вѣроятно было устроено въ годовщину воцаренія Анны Ивановны. „Оно происходило, разсказываетъ леди, „во вновь построенной залѣ, которая гораздо обширнѣе, нежели зала св. Георга въ Виндзорѣ.... Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями въ полномъ цвѣту (это было зимой). Деревья, разставленныя шпалерами, образовали съ каждой стороны аллею, между тѣмъ какъ среди залы оставалось довольно пространства для танцевъ. Аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами въ праздничныхъ платьяхъ, въ замѣнъ костюмовъ аркадскихъ пастушковъ и нимфъ". Словомъ, обстановка праздника очень понравилась леди Рондо; она даже начала думать, что находится въ странѣ фей, и изъ ея головы „въ теченіи цѣлаго вечера не выходилъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь" Шекспира". [2]) Другому наблюдателю нарядной придворной жизни балы въ большіе праздники и въ коронацію представились съ нѣсколько иной стороны. Сдѣлавъ замѣчаніе о томъ, что Анна Ивановна не любила крѣпкихъ напитковъ, онъ упоминаетъ объ исключительныхъ праздникахъ, въ родѣ коронаціи, когда при дворѣ „царствовали свобода и веселіе": разносили обильно вина, „при чемъ императрица не только побуждала пить, но и сама изъ собственныхъ рукъ подносила кубки". [3]) Такова другая сторона жизни Анны Ивановны: это—придворная, праздничная сторона. Изъ обозрѣнія фактовъ, сюда относящихся, мы заключаемъ о сильномъ иноземномъ вліяніи, выразившемся во внѣшнемъ лоскѣ: здѣсь уже нѣтъ дѣвокъ (фрейлинъ), которыхъ императрица заставляетъ пѣть, нѣтъ хороводовъ изъ гвардейскихъ солдатъ и т. п., здѣсь „изящные кавалеры" и

---

[1]) Кн. Щербатовъ: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», стр. 51 и 53.

[2]) Письма леди Рондо, стр. 67 и 68.

[3]) Шетарди, стр. 290; у Гунеля въ Nordische Miscellanen. (VII st., 232—233).

„очаровательныя дамы". Но изъ сообщенія другаго наблюдателя видно, что и парадная сторона заключаетъ въ себѣ черты прежняго быта: хозяйка, какъ въ старину, заставляетъ пить, поднося изъ своихъ рукъ. Тѣмъ не менѣе мы сразу усматриваемъ коренную разницу между частнымъ бытомъ императрицы и бытомъ ея во время праздника. Тамъ она въ своихъ внѣшнихъ поступкахъ, никого не стѣсняясь, выражаетъ вполнѣ свою внутренюю суть; здѣсь, при посланникахъ иностранныхъ державъ, она уже привыкаетъ (а равно и другіе интеллигентные люди ея времени) облекать свои дѣйствія въ европейскія приличныя формы. Это, впрочемъ, на первыхъ порахъ не всегда удается: вспомнимъ о „милостивой" оплеухинѣ, полученной отъ нея Тредьяковскимъ во время одной торжественной церемоніи. Частые роскошные праздники давались при дворѣ Анны Ивановны несомнѣнно по той же самой причинѣ, по какой она призывала Филатовну: императрица скучала. Этой же скукой, удручавшей её, слѣдуетъ объяснить ея занятія стрѣльбой, постройку ледяваго дома для потѣшныхъ новобрачныхъ—шута и шутихи. Констатировавъ явленіе скуки, нетрудно рѣшить вопросъ о причинѣ ея. Всѣмъ извѣстно, что скука обыкновенно является отъ праздной, бездѣятельной жизни.

Не смотря на всё сказанное объ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, нужно отмѣтить свидѣтельства современниковъ иностранцевъ объ ея добротѣ, умѣ или, по крайней мѣрѣ, разсудкѣ, и ихъ возрѣніе на послѣдній положительно подтверждаетъ кн. Щербатовъ. [1])

[1]) Записки Миниха (отца), стр. 62.: «Она была великодушна, и однимъ изъ ея удовольствій было—дѣлать добро и щедро награждать заслуги» ... Она имѣла ясный, проницательный умъ, знала свойства окружавшихъ ее лицъ.» Записки Миниха (сына), стр. 177: «Императрица Анна одарена хорошимъ разумомъ, имѣла безпримѣрную память....» «Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ....» (Записки иностранцевъ Россіи). Манштейнъ, стр. 194: «Императрица Анна была по природѣ добра и сострадательна.»

Въ замѣчаніяхъ на записки Манштейна авторъ ихъ прибавляетъ къ ея краткой характеристикѣ сдѣланной первымъ: «Государыня сія была умна, судила о вещахъ здраво»..., (Рус. Стар. 1879 г. XXVI, стр. 400).

Де-Лиріа:.. «Очень любезна, отличается большимъ умомъ и поистинѣ достойна трона» (Восемнад. вѣк. т. 3, стр. 28 и 29).

Было бы также упущеніемъ, если бы мы не упомянули того, что уклоненіе императрицы отъ дѣлъ не было абсолютнымъ. Бывали минуты, впрочемъ, рѣдкія, когда она письменно высказывала свое мнѣніе объ интересующемъ ее дѣлѣ. Такъ напр., намъ извѣстны ея письма къ Остерману, излагающія ея политическіе взгляды [1]). Но это были дѣйствительно исключительныя минуты, доказывающія только, что Анна Ивановна не была лишена дара думать и соображать. Вообще же, эта императрица является неподготовленною къ занятію дѣлами, вслѣдствіе чего она не могла вліять на ихъ направленіе. И это бросалось въ глаза не одному Шетарди; другіе современники говорятъ тоже. „Недостатокъ ея, свидѣтельствуетъ фельдмаршалъ Минихъ, „заключался въ томъ, что она любила спокойствіе и совсѣмъ не занималась дѣлами" [2]). Минихъ, сынъ фельдмаршала, говоритъ, что ея воля „почти всегда болѣе зависѣла отъ другихъ, нежели отъ нея самой", [3]) Манштейнъ свидѣтельствуетъ о томъ же. [4])

Изъ всего сказаннаго понятно, почему императрица Анна Ивановна поручаетъ управленіе иноземцамъ. Фельдмаршалъ Минихъ замѣчаетъ, что императрица, не занимаясь дѣлами, передала ихъ своимъ министрамъ. [5]) По

Но испанскій посолъ, кажется, награждаетъ трономъ Анну Ивановну больше за то, что она его «почтила особымъ отличіемъ.»

Кн. Щербатовъ: «Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ.»

Одна княгиня Наталья Борисовна Долгорукая не увидала въ Аннѣ Ивановнѣ, сдѣлавшей ее несчастною, ничего хорошаго: «Престрашнаго была взору; отвратное лицо имѣла» и пр.—о внѣшности (сказ. иностр. о Россіи, ст. 178).

Обработанную характеристику Анны Іоановны см. у Д. А. Корсакова въ третьей главѣ соч.: «Воцареніе Анны Ивановны,» 58—76 стр.

[1]) Восемнадцатый вѣкъ т. 3, стр. 154—156.

[2]) Записки Фельдмарш. Миниха, стр. 62.

[3]) Записки Миниха—сына, стран. 177 (записки иностранцевъ о Россіи).

[4]) Манштейнъ, 194 стр.

[5]) Записки фельд. Миниха, стр. 62.

сообщеніямъ Манштейна, [1]) Миниха-сына [2]) и Шетарди [3]) министрами руководилъ Биронъ.

Такимъ образомъ характеристика императрицы оказала намъ двойную пользу. Она дала намъ возможность отмѣтить черты тогдашняго быта, а также показала всю ничтожность самостоятельнаго вліянія Анны Ивановны на государственныя дѣла, какъ самодержавной императрицы. Вліяніе принадлежало Бирону, Миниху и Остерману.

Переходя теперь къ ихъ характеристикамъ, мы собственно и приступаемъ къ описанію иноземнаго правительства въ Россіи.

Почти всѣ источники, описывающіе характеръ герцога Курляндскаго Бирона, говорятъ, что хотя онъ и не обладалъ выдающимся, замѣчательнымъ умомъ, всё же былъ человѣкомъ разсудительнымъ и умнымъ. [4]) Даже Манштейнъ,

---

[1]) Манштейнъ, 194 стр.

[2]) Минихъ-сынъ, стр. 177.

[3]) Шетарди, стр. 52

[4]) Замѣчанія на записки Манштейна, Рус. Стар., 1879 г. т. XXVI, стр. 376: «Биронъ былъ уменъ, и хотя онъ никакого языка не зналъ порядочно, но отъ природы одаренъ былъ краснорѣчіемъ.»

Гельбигъ (Русскіе избранники—Рус. Стар. 1886 г.): «Биронъ обладалъ большимъ умомъ»...

Кн. Щербатовъ (Поврежд нравовъ въ Россіи): «сей любимецъ ея, Биронъ,.. былъ человѣкъ, одаренный здравымъ разсудкомъ... (стр. 48).

Только фельдмаршалъ Минихъ не говоритъ объ умѣ Бирона, рисуя его человѣкомъ, крайне необразованнымъ и неразвитымъ (Записки, стр. 65 и 66). А дюкъ де-Лиріа, напротивъ, называя герцога «вѣжливымъ, внимательнымъ, хорошо воспитаннымъ, готовымъ на всякую услугу,» считаетъ въ тоже время ограниченнымъ человѣкомъ. (Записки иностр. о Россіи, т. I, стр. 195). Это, кажется, исключительно только два источника, которые изображаютъ умственную несостоятельность Бирона. Но ясно: первый былъ личнымъ и заклятымъ врагомъ его, почему не заслуживаетъ такого довѣрія, какъ другіе, а второй — человѣкомъ, уѣхавшимъ изъ Россіи въ 1731 г., что̀ не дало ему возможности, какъ слѣдуетъ, разсмотрѣть личность Бирона съ указанной нами стороны. Точно также де-Лиріа ошибся и относительно воспитанія Бирона: всѣ остальныя свидѣтельства говорятъ объ его грубости и жестокости.

его арестовавшій, не отрицаетъ въ немъ „нѣкотораго рода геніальности или здраваго смысла". Но тутъ же прибавляетъ, что нѣкоторые, впрочемъ, отрицали въ немъ это качество. [1]) Авторъ „замѣчаній на записки Манштейна" отвѣчаетъ на это: „кто сказалъ г. Манштейну, будто бы Биронъ не имѣлъ здраваго разсудка, тотъ худо зналъ сего герцога." [2]) Въ тоже время Биронъ, по тѣмъ же источникамъ, является человѣкомъ, если и не лишеннымъ нѣкотораго образованія, то совершенно безъ развитія альтруистической стороны натуры, какъ, впрочемъ, и громадное большинство людей того времени не только у насъ, но и въ Западной Европѣ. Вслѣдствіе этого онъ грубъ, жестокъ и склоненъ къ наживѣ на счетъ своихъ ближнихъ и казны чуждаго ему государства. [3]) Имѣя практическій умъ [4]) и не смягченное воспитаніемъ и образованіемъ черствое сердце, Биронъ для достиженія своихъ цѣлей не стѣсняется никакими средствами: таково общее качество людей безъ нравственнаго развитія.

Умъ ему говоритъ: „подъ тебя подкапывается твой врагъ;

---

[1]) Манштейнъ, стр. 31 и 32.

[2]) Замѣчанія на записки Манштейна, Рус. Старина 1879 г. XXVI, стр. 376.

[3]) Манштейнъ, стр. 32 и 194.

Записки придворнаго бриліантщика Позье (Русск. Стар. 1870 г. кн. II).

Леди Рондо: «Герцогъ очень тщеславенъ и вспыльчивъ и когда выходитъ изъ себя, то выражается запальчиво.» (стр. 108: письма). Тщеславіе его доказывается, напр., присвоеніемъ чужой фамиліи.

Записки Миниха—отца, 65 и 66 стр.; но къ нимъ въ отношеніи Бирона надо относится съ большей осторожностью, чѣмъ къ запискамъ Манштейна, лично едва ли питавшаго къ герцогу какую-нибудь особенную ненависть.

Гельбигъ (Рус. Избранники: Рус. Стар. 1886 г.): «Моральныхъ качествъ въ немъ не было. По характеру онъ любилъ роскошь, былъ властолюбивъ, честолюбивъ, неучтивъ, корыстолюбивъ, злопамятенъ и жестокъ.»

[4]) Д. А. Корсаковъ въ своей характеристикѣ Бирона замѣчаетъ, что послѣдній во время своего пребыванія въ Кёнигсбергскомъ университетѣ проявлялъ способность къ прикладнымъ наукамъ. (Воцар. Анны Иван., стр. 70).

онъ силенъ и можетъ лишить тебя всего, что ты имѣешь. Ты имѣешь въ рукахъ власть. Ты долженъ воспользоваться ею, чтобы не потерять её: онъ долженъ умереть". И онъ настойчиво и твердо идетъ къ своей цѣли, пока ея не достигнетъ: тутъ пускается въ ходъ и клевета, и подлогъ, и застращиванье и т. п. „Ты, говоритъ Бирону его умъ, какъ первое лицо въ государствѣ, долженъ жить ослѣпительно роскошно. Для этого нужны огромныя богатства. Гдѣ ихъ взять? Казна тебѣ, первому человѣку, должна ихъ доставить". И онъ спокойно запускаетъ руки въ казенную шкатулку, какъ въ свою собственную. Таковъ нравственный портретъ Бирона, если изобразить сущность свидѣтельствъ источниковъ, дающихъ намъ его характеристики. Лучшія изъ нихъ и наиболѣе, кажется, вѣрныя принадлежатъ кн. Щербатову [1]) и Прусскому королю Фридриху II-му, между прочимъ, замѣтившему: „Жадный къ пріобрѣтенію и вмѣстѣ съ тѣмъ расточительный, онъ (Биронъ) обладалъ нѣсколькими полезными качествами, не имѣя ни одного хорошаго и привлекательнаго." [2]) Можетъ быть отсутствіе въ характерѣ Бирона „привлекательныхъ качествъ" и выражалось на его красивомъ лицѣ: „взглядъ у него отталкивающій," [3]) замѣчаетъ леди Рондо, сообщая свое первое впечатлѣніе, произведенное на неё Бирономъ.

До сихъ поръ мы говорили о Биронѣ исключительно на основаніи сличенія разныхъ мнѣній источниковъ. Чтобы совершенно покончить съ личностью Бирона, остановимся на фактахъ, которые послужатъ дополненіемъ къ характеристикѣ этого человѣка и, главнымъ образомъ, уяснятъ намъ его время вообще.

Правдивыя сообщенія кн. Шаховскаго отчетливо намъ рисуютъ, какъ герцогъ Биронъ относился къ Русскимъ, и какъ въ свою очередь послѣдніе относились къ нему.

Герцогу было донесено, что дядя кн. Шаховскаго неисправно исполняетъ свои служебныя обязанности. Биронъ,

---

[1]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 48; далѣе кн. Щербатовъ говоритъ и о грубости Бирона.

[2]) Записки иностранцевъ о Россіи т. I, стр. 197 (изъ Oeuvres historiques de Frederic II 1830 т. 2, стр. 46).

[3]) Письма Леди Рондо (т. I, записки иностр. о Россіи), стр. 52.

призвавъ племянника, выразилъ ему это. Князь Шаховской, „робкимъ быть за стыдъ почитая“ „на тѣ его свѣтлости рѣчи, не запнувшись, съ твердымъ духомъ отвѣчалъ, что то донесено несправедливо“. Герцогу возраженіе не понравилось: какъ смѣетъ кн. Шаховской такъ „отважно“ говорить? воскликнулъ Биронъ. Кн. Шаховской снова отвѣчалъ въ оправдывающемъ дядю смыслѣ. „Такова моя смѣлость паивящe разсердила его, и уже въ великой запалчивости“ герцогъ сказалъ кн. Шаховскому: „вы, Русскіе, часто такъ смѣло и въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете“. Господа, бывшіе въ палатѣ, гдѣ происходило это объясненіе, испугались и одинъ за другимъ „ретировались вонъ“. Когда же кн. Шаховской вышелъ отъ герцога, то одинъ изъ нихъ спрашивалъ „изъ любопытства“, чѣмъ кончился разговоръ его, кн. Шаховскаго, съ его свѣтлостью, другой удивлялся дерзости князя, а третьи же просто „отдалялись“ отъ него и не хотѣли на него взглянуть. Кн. Шаховской, возвратившись домой, „остатки того дня проводилъ въ разныхъ размышленіяхъ“. На слѣдующій же день поѣхалъ во дворецъ и началъ ожидать герцога не въ той палатѣ, „куда между прочими знатными персонами прежде входилъ, а въ другой, гдѣ маломощные и незнакомые бѣдняки ожидали своихъ жребіевъ.“ Онъ зналъ, что сюда Биронъ входитъ на короткое время, отъ однихъ принимаетъ просьбы, а отъ другихъ только поклоны, нѣкоторыхъ же удостоиваетъ разговорами. Такъ случилось и теперь. Герцогъ замѣтилъ и кн. Шаховскаго, „въ унынiи стоящаго“ и спросилъ его: что онъ тутъ стоитъ и не идетъ въ слѣдующую палату? Съ этого момента начинается благоволеніе Бирона къ кн. Шаховскому, прервавшееся, впрочемъ, на нѣкоторое время. Дѣло въ томъ, что въ хорошихъ же отношеніяхъ кн. Шаховской находился и съ кабинетъ-министромъ Волынскимъ, который выставлялъ его заслуги передъ императрицей. Это было извѣстно и Бирону. Волынскій незаслуженно погибъ. Кн. Шаховской, какъ человѣкъ, расположенный къ нему, тоже подвергся опалѣ, что выразилось въ назначеніи его въ полицію совѣтникомъ и въ тѣхъ придиркахъ, которыя дѣлались къ нему на первыхъ порахъ его новой службы. Но вотъ Биронъ—регентъ Россійской имперіи. Онъ понимаетъ всю важность для него полиціи и желаетъ снова привлечь къ себѣ исполнительнаго и усерд-

наго кн. Шаховскаго. Послѣдній пожалованъ „статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и главнымъ въ полицію“. Благоволеніе выразилось и въ рѣчахъ Бирона. Однажды онъ остановился предъ кн. Шаховскимъ, благодарящимъ его за повышеніе и провожающимъ его до той комнаты, „куда всѣмъ ходить дозволено было“. Остановился и сказалъ: „Вотъ, кн. Шаховской, я не забылъ дружбу дяди твоего и тебя любилъ, а ты промѣнялъ было меня на Волынскаго. Но я сіе предаю теперь въ забвеніе, и въ томъ будьте увѣрены, что я вашъ всегдашній доброжелатель“. Такія рѣчи дали смѣлость „языку“ кн. Шаховскаго „велерѣчествовать“. Онъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что нельзя было не пріобрѣтать благосклонности Волынскаго, ибо онъ имѣлъ доступъ къ государынѣ и могъ всегда „просвѣтить или затемнить“ его, Шаховскаго, „службы и добрыя поведенія“. „Его высочество, заканчиваетъ свой разсказъ кн. Шаховской объ этомъ достопамятномъ для него днѣ, „оказалъ мнѣ благосклонный видъ и, повторивъ, что онъ всё прошедшее забываетъ, пошелъ во внутреннія свои комнаты, а я, обрадованьемъ восхищенный, поѣхалъ домой. [1])

Скоро сдѣлалось вполнѣ яснымъ, почему герцогъ Биронъ преложилъ гнѣвъ на милость. Мы объ этомъ уже замѣтили выше; далѣе приведемъ характеристичные факты изъ записокъ кн. Шаховскаго. Теперь же пока остановимся и сдѣлаемъ выводъ изъ разсказанныхъ фактовъ.

Герцогъ Биронъ, пользуясь большою властью въ государствѣ, смотритъ на Русскихъ съ большимъ пренебреженіемъ. Это доказывается также и тѣмъ довольно извѣстнымъ фактомъ, который мы находимъ у кн. Щербатова: Биронъ, вспыливъ за плохія дороги, кричалъ, что онъ велитъ ихъ мостить сенаторами [2]). Русскіе (и даже „знатныя“ особы) питаютъ къ нему чувство рабскаго страха, въ чемъ нельзя не усмотрѣть стараго времени, нравовъ до-Петровской Россіи. Таковы двѣ стороны вывода изъ правдиваго разсказа кн. Шаховскаго.

---

[1]) Записки кн. Шаховскаго, стр. 3—20.

[2]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, кн. Щербатовъ, стр. 48.

Но рабъ, до какой бы степени онъ ни утратилъ свое человѣческое достоинство, всегда питаетъ непріязнь къ своему господину. Когда же господинъ жестокъ, то непріязнь естественно интензивнѣе и, въ концѣ концовъ, можетъ перейти и нерѣдко переходитъ въ открытое возстаніе противъ своего повелителя.

Такимъ образомъ и „знатные“ Русскіе, хотя трепетали предъ Бирономъ, бѣгая отъ высокихъ звуковъ его голоса изъ комнаты, тѣмъ не менѣе естественно ненавидѣли его. Нечего и говорить, что это было извѣстно временщику. Онъ имѣлъ повсюду шпіоновъ и доносщиковъ. Шпіонство въ то время было такъ распространено и обыкновенно, что кн. Шаховской безъ малѣйшаго удивленія разсказываетъ, какъ онъ во время своего непріятнаго разговора съ Бирономъ замѣтилъ императрицу, которая стояла за ширмой изъ матеріи и подслушивала. [1]) О крайнемъ развитіи шпіонства говорятъ и иностранцы: „здѣсь невозможно имѣть, пишетъ маркизъ де-ля Шетарди, какъ въ другихъ мѣстахъ, частную переписку и держать её въ тайнѣ. Видятъ даже глубину души; подсматриваютъ за дѣйствіями каждаго, распечатываютъ всѣ письма, и ничтожная новость рождаетъ сильныя подозрѣнія“. [2]) Шпіонство обратилось въ ремесло. Минихъ-сынъ сообщаетъ, что „многія знатныя и высшихъ чиновъ особы не стыдились быть доносщиками“. [3])

Вслѣдствіе того, что Биронъ получалъ обо всемъ „обстоятельныя извѣстія“, сдѣлавшись регентомъ Русской имперіи, онъ начинаетъ, видимо, безпокоиться; ибо узнаетъ, какъ велико къ нему нерасположеніе людей, которыхъ онъ презиралъ. Онъ ими пользуется, какъ шпіонами, но, зная, что всѣхъ нельзя сдѣлать таковыми, желаетъ зорко смотрѣть за настроеніемъ въ Петербургѣ посредствомъ полиціи. Съ этою цѣлью герцогъ призываетъ къ себѣ кн. Шаховскаго, начальника полиціи. Послѣдній увидалъ регента, въ третьей комнатѣ „въ спальномъ платьѣ сидящаго въ креслахъ и держащаго въ рукахъ чашку кофе“. Биронъ приказалъ подать кофе и кн. Шаховскому, пригласивъ его кстати сѣсть.

---

[1]) Записки кн. Шаховскаго, стр. 6.
[2]) Шетарди, стр. 289.
[3]) Ibid, стр. 290.

въ кресло. Но онъ, „всегда привыкшій предъ его высочествомъ стоять", „началъ было поклонами отъ того отрицаться. Его высочество учтиво припудило кн. Шаховскаго сѣсть, подчуя при этомъ и кофе „съ весьма ласковымъ привѣтствіемъ". Затѣмъ регентъ говорилъ кн. Шаховскому, что у послѣдняго довольно разума, „чтобы полицію въ лучшее состояніе привести"; а если „кого въ помощь" и „какія вспоможенія надобно", то Биронъ обѣщался всё исполнить. Кн. Шаховской отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что онъ радъ стараться, хотя увѣренъ въ грядущей ненависти „за безпристрастные поступки" „отъ многихъ знатныхъ господъ". Герцогъ поднялся съ кресла. Онъ „въ знакъ своей милостивой довѣренности къ начальнику полиціи „далъ послѣднему свою руку, а „другою, указывая на дверь, говорилъ, что онъ всегда въ оную камеру безъ докладу входить и персонально съ нимъ изъясняться позволяетъ". „Вы не бойтесь никого, говорилъ онъ, „только поступайте честно и говорите со мною безъ всякой манности о всёмъ справедливо; я васъ не выдамъ и буду стараться ваши достоинства и заслуги къ государству награждать, и въ томъ будьте увѣрены" [1]).

Биронъ чувствовалъ близкую опасность. Пускаясь на всѣ средства, чтобы её предотвратить, онъ не останавливается предъ заискиваньемъ и подличаньемъ, какъ это мы сейчасъ увидѣли изъ простодушнаго разсказа кн. Шаховскаго; здѣсь мы видимъ Бирона точно такъ-же унижающимся предъ своимъ подчиненнымъ, какъ цѣлая толпа придворныхъ унижалась предъ нимъ самимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что придворные господа не давали руки, а сами бросались ловить руку герцога, какъ величайшую для себя милость.

Теперь Биронъ слышалъ, какъ почва начинаетъ подъ нимъ колебаться. Недовольство среди гвардіи и знати дѣлается ему быстро извѣстнымъ. Лейбъ-гвардіи капитанъ Ханыковъ и поручикъ Аргамаковъ взяты были подъ стражу за нескромныя рѣчи и преданы пыткѣ. Гр. Панинъ сообщаетъ, что Биронъ домогался „вывѣдать отъ нихъ, въ чемъ состояло злоумышленіе ихъ, и кто были сообщники ихъ". Но пытка дала только тѣ результаты, что они виновны въ одномъ „изъявленіи неудовольствія". Тутъ-же пытали и одного

---

[1]) Записки кн. Шаховскаго, стр. 21 и 22.

кабинетскаго секретаря [1]). Предчувствуя приближающійся конецъ, Биронъ не брезгаетъ и жестокими пытками, которымъ подвергаетъ мало-мальски заподозрѣнныхъ людей. „Но всѣ сіи жестокости, замѣчаетъ графъ Панинъ, „не произвели дѣйствія, Бирономъ ожидаемаго: вмѣсто того, чтобы устрашить прочихъ, онѣ вяще раздражали умы и всѣхъ возбуждали ко мщенію“ [2]). Въ числѣ желающихъ свերженія Бирона, по свидѣтельству гр. Панина, былъ графъ Головкинъ, пользовавшійся въ началѣ царствованія Анны Ивановны „при дворѣ большимъ уваженіемъ“, но впослѣдствіи отодвинутый отъ дѣлъ. Множество недовольныхъ отставныхъ офицеровъ приходило въ домъ Головкина. Здѣсь они отводили душу. Графъ спросилъ ихъ однажды: „о чемъ говорятъ въ городѣ“? Они отвѣчали, что всѣ, вообще, негодуютъ на возвышеніе Бирона и соболѣзнуютъ объ участи Анны Леопольдовны. Къ этому они прибавили, что знаютъ многихъ гвардейскихъ офицеровъ, готовыхъ на всё отважиться для отмщенія оскорбленія, нанесеннаго родительницѣ императора. По дальнѣйшему сообщенію гр. Панина слѣдуютъ обстоятельства, извѣстныя также по пересказу ихъ въ монографіи Н. И. Костомарова— „Фельдмаршалъ Минихъ“: будто-бы недовольные жаловались на то, что не имѣютъ вождя, будто-бы Головкинъ предложилъ для низверженія Бирона средство, которое въ 1730 году было употреблено для возстановленія самодержавія, будто-бы получившіе такой совѣтъ отправились къ кабинетъ-министру кн. Черкасскому и разсказали ему о своихъ замыслахъ, а тотъ, испугавшись, поѣхалъ къ Бирону и разсказалъ ему всё; что, будто-бы, ихъ схватили и предали страшнымъ пыткамъ, во время которыхъ однако никто не упомянулъ о графѣ Головкинѣ, а правитель „россійской“ канцеляріи принца Браушвейгскаго объявилъ о другомъ важнѣйшемъ заговорѣ противъ Бирона, съ участіемъ въ немъ принца. Будто бы, далѣе, Биронъ укорялъ послѣдняго въ неблагодарности и, когда принцъ схватился за эфесъ шпаги, то „регентъ, принявъ сіё за угрозу и ударяя по своей, съ жаромъ закричалъ: „если сомнѣваетесь, чтобъ я рѣшился раздѣлаться съ вами и симъ путемъ, то изволь-

---

[1]) Русская Старина 1879 г. т. XXVI (Замѣчанія гр. Панина на записки Манштейна), стр. 569.

[2]) Ibid., стр. 570.

те испытать"... Всѣ эти сообщенія, переданныя не очевидцемъ, въ деталяхъ, впрочемъ, весьма интересныя, едва ли могутъ быть приняты вполнѣ на вѣру; но общее ихъ направленіе, совершенно подтверждающееся свидѣтельствами другихъ источниковъ, можетъ быть объявлено за дѣйствительный фактъ: это — ненависть Русскихъ къ Бирону, подкапывающаяся подъ него, не смотря на пытки и разставленные повсюду караулы Измайловскаго и Коннаго полковъ, на которые онъ, по мнѣнію гр. Панина, „легкомысленно возлагалъ надежду" [1]). Дѣйствительно, недовольныхъ среди гвардіи было слишкомъ много. Но они пока только попадались, не имѣя предводителя. Онъ скоро нашелся.

Въ ночь на 9-е Ноября 1740 г. фельдмаршалъ Минихъ, получивъ разрѣшеніе отъ Анны Леопольдовны, арестовалъ Бирона и главныхъ его клевретовъ. Всѣ были рады сверженію Бирона: съ улицъ были сняты пикеты, караулы [2]). Это сообщеніе принадлежитъ Манштейну, которому нельзя было бы въ этомъ случаѣ вполнѣ повѣрить, если бы его свидѣтельство не подтверждалъ правдивый кн. Шаховской, бывшій очевидцемъ этого настроенія. Спѣша во дворецъ, послѣдній видѣлъ, какъ „большею частью гвардіи офицеры съ унтеръ-офицерами и солдатами, толпами смѣшиваясь, смѣло, въ веселыхъ видахъ и не уступая никому мѣста, ходили". Одинъ изъ офицеровъ гвардіи, знакомый кн. Шаховскому, „съ радостнымъ восторгомъ ухватилъ" его „за руку и началъ поздравлять съ новою правительницей" [3]). Но радость была

---

[1]) Ibid., 171—173; Записки придворнаго бриліантщика Позье, Рус. Старина 1870 г., кн. II: «не трудно было заставить націю рѣшиться низвергнуть Бирона: онъ былъ жестокъ и погубилъ много бояръ, высказавшихъ неудовольствіе на его управленіе».

Записки Манштейна, стр. 195 и 196.

Гельбигъ, бывшій секретаремъ саксонскаго посольства въ Россіи въ 1781—1796 гг., говоритъ: «Его (Бирона) разрушительный деспотизмъ возбудилъ, наконецъ, такое неудовольствіе, что въ 1738 и 1739 гг. готово было вспыхнуть возстаніе противъ императрицы и Бирона». («Русскіе избранники» въ Русской Старинѣ, 1886 г., Апрѣль).

[2]) Записки Манштейна, стр. 202.

[3]) Записки кн. Шаховскаго, стр. 24.

О томъ же свидѣтельствуетъ маркизъ де-Шетарди: «не бы-

очень непродолжительна: правительство; хотя Бирона и не было въ немъ, оставалось, прежнимъ, и взоры гвардіи обратились въ иную сторону......

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ слѣдующее, относящееся къ личности Бирона: герцогъ былъ человѣкъ умный, но не имѣлъ въ своемъ умѣ ничего замѣчательнаго: (умъ его чисто практическаго склада). Неразвитый нравственно, вслѣдствіе чего онъ то энергиченъ и при этомъ суровъ и жестокъ, то крайне мелоченъ [1]) и даже пошелъ [2]). Словомъ, предъ нами человѣкъ, хотя и съ крѣпкимъ разсудкомъ, но самый обыкновенный, средній и по развитію, и по образованію даже для своего времени [3]).

Что касается фельдмаршала графа Миниха, то всѣ источники говорятъ о его ненасытномъ честолюбіи. Обладая недюжиннымъ умомъ и огромными военными дарованіями, онъ и воюетъ изъ честолюбія, и Бирона арестуетъ, увлеченный тѣмъ же самымъ побужденіемъ. „Честолюбіе его, говоритъ Манштейнъ, „не имѣло предѣловъ, и чтобы удовлетворить его, онъ жертвовалъ всѣмъ“ [4]). Дѣйствительно, его военная дѣятельность доказываетъ, что людей во время походовъ и битвъ онъ нисколько не жалѣлъ: лишь бы сдѣлано было то, что дастъ ему славу. Даже ревностный защитникъ Миниха противъ показаній Манштейна гр. Панинъ не можетъ однако обойти честолюбія фельдмаршала [5]).

Сущность указанной стороны характера Миниха мѣтко обрисована королемъ Прусскимъ Фридрихомъ II-мъ, замѣтившимъ, что Минихъ „гордый, надменный, самолюбивый и часто самовластный, не задумываясь, приносилъ жизнь

вало примѣра, чтобы дворъ былъ такъ многочисленъ и чтобы выражалось такое веселіе на всѣхъ лицахъ, какъ сегодня» (стр. 185).

[1]) Восемнадцатый вѣкъ, т. 3, стр. 157 и 158.

[2]) Архивъ князя Воронцова, стр. 525—546, т. 2-ой.

[3]) Характеристика Бирона у Д. А. Корсакова (Воцареніе Анны Іоанновны), стр. 69 и 70.; между прочимъ: «какъ нѣмецъ, онъ вообще смотрѣлъ на русскую службу съ пренебреженіемъ, что и высказалъ вполнѣ, получивъ въ руки ту обширную власть, которая была ему не подъ силу».

[4]) Записки Манштейна, стр. 238.

[5]) Русская Старина (Замѣч. гр. Панина на записки Манштейна, стр. 379).

солдатъ въ жертву своему честолюбію“ [1]). Какъ всѣ черезъчуръ честолюбивые люди, Минихъ былъ гордъ и тщеславенъ: „Гордость была главнымъ его порокомъ, замѣчаетъ Манштейнъ. „самыми лучшими для него людьми были тѣ, кто ловко умѣлъ льстить ему“ [2]). Ставя выше всего свои собственныя выгоды, фельдмаршалъ Минихъ, когда дѣло касалось этихъ послѣднихъ, былъ грубъ и жестокъ, не смотря на свое хорошее образованіе. Съ другой стороны, если обстоятельства требовали противоположнаго, то онъ могъ быть очень любезнымъ и человѣколюбивымъ. Отъ этой, вѣроятно, причины получилось въ его характерѣ то, что̀ Манштейнъ называетъ „совершенною противоположностью хорошихъ и дурныхъ качествъ“ [3]). Это-же подтверждаетъ и де-Лиріа, говоря: „онъ былъ лживъ, двоедушенъ, казался каждому другомъ, а на дѣлѣ не былъ ни чьимъ“ [4]).

Возвратясь изъ пороховаго дыма, фельдмаршалъ Минихъ, побуждаемый тщеславіемъ, стремится первенствовать на придворныхъ балахъ. Для этого нужна любезность и обворожительность: онъ давалъ и то, и другое. Леди Рондо, очень тонкая наблюдательница, подмѣчаетъ стараніе Миниха быть первымъ кавалеромъ при дворѣ. Она пишетъ:.... „онъ одинъ изъ самыхъ любезныхъ кавалеровъ здѣшняго дво-

---

[1]) Записки иностранцевъ о Россіи, т. I, стр. 188 (Oeuvres de Frederic le Grand 1830 т. 2, стр. 47). Затѣмъ свидѣтельства: де-Лиріа:.... «его (Миниха) самолюбіе, тщеславіе и честолюбіе выходило изъ всякихъ границъ» (Ibid. стр. 186). Графа Альгаротти: «Побуждаемый чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, онъ желалъ бы управлять всѣмъ на свѣтѣ».... (Записки, стр. 188); Леди Рондо: «что̀ касается другихъ сторонъ его (Миниха) характера, то, какъ воинъ, онъ предпріимчивъ и быстръ, и такъ часто успѣвалъ въ своихъ дерзскихъ предпріятіяхъ, что теперь влюбился въ нихъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что приноситъ въ жертву своему честолюбію множество людей».

(Письма леди Рондо въ I т. Записки иностр. о Россіи стр., 86).

Подобные отзывы о Минихѣ можно найти въ депешахъ саксонскаго послан. Лефорта, см. Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. 5, стр. 396. стр., 451—458 и др.).

[2]) Записки Манштейна, стр. 238.

[3]) Ibid.

[4]) Записки иностранц. о Россіи, т. I, стр. 186.

ра и, когда находится въ обществѣ дамъ, то старается высказывать веселость и нѣжность, которыя мнѣ очень не нравятся, вслѣдствіе ихъ искусственности.... Еслибы вы находились въ обществѣ этого господина, который, судя по газетамъ, убилъ тысячу и даже десять тысячъ людей. то вы очень бы удивились, увидѣвъ, какъ онъ, съ томными глазами, прислушивается къ вашему голосу, потомъ вдругъ схватываетъ вашу руку и цѣлуетъ её съ восторгомъ. Но вы удивились бы еще болѣе, замѣтивъ, что онъ считаетъ необходимымъ обращаться подобнымъ образомъ со всѣми женщинами [1]). Въ параллель этимъ „томнымъ глазамъ" могутъ быть поставлены тѣ „быстро растворенные глаза", замѣченные у Миниха кн. Шаховскимъ во время его посѣщенія фельдмаршала въ заключеніи, куда онъ былъ посаженъ по вступленіи на престолъ Елизаветы: „съ какими (глазами), поясняетъ кн. Шаховской, „его я имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видѣть" [2]). Эта параллель, думаемъ, во весь ростъ возстановляетъ намъ личность Миниха: обладающій колоссальнымъ честолюбіемъ и соотвѣтствующей силой воли, фельдмаршалъ Минихъ стремится обстоятельства покорять своимъ цѣлямъ. Первый на войнѣ, желающій быть первымъ на придворныхъ празднествахъ, онъ желаетъ быть первымъ въ управленіи государствомъ. Для этого онъ, воспользовавшись ненавистью гвардіи къ Бирону, свергаетъ его, будучи увѣренъ, что всё вліяніе, вся власть перейдутъ къ нему. Относительно Анны Леопольдовны Минихъ и не ошибался: это была женщина, совершенно неспособная къ самостоятельному правленію; [3]) но онъ не расчиталъ силъ своего конкурента графа Остермана, который воспользовался его оплошностью и непривычкой вести дѣла по управленію государствомъ.. Минихъ началъ свою правительственную дѣятельность съ утра 9-го Ноября (1740), въ ночь арестовавъ Бирона. О началѣ ея мы узнаемъ отъ его сына. Фельдмаршалъ, позвавъ по-

---

[1]) Письма леди Рондо, стр. 85 и 86,

[2]) Записки кн. Шаховскаго, стр. 46.

[3]) Больше мы узнаемъ о ней тогда, когда подойдемъ къ разсмотрѣнію ближайшихъ причинъ вступленія Елизаветы на престолъ.

слѣдняго, „купно съ президентомъ барономъ Менгденомъ, предложилъ, чтобы они представили ему списокъ лицъ, достойныхъ награды, и притомъ съ показаніемъ ихъ мнѣнія, чѣмъ и какъ кто наилучше награжденъ быть можетъ“. Они исполнили это. Тогда фельдмаршалъ велѣлъ взять сыну перо и писать то, что онъ будетъ диктовать. Диктантъ начался. Оказалось, что ея высочество регентша достойна ордена св. Андрея, а генералъ-фельдмаршалъ гр. Минихъ „за оказанную имъ услугу“ долженъ быть пожалованъ въ генералиссимуса. Сынъ покорно всё это написалъ, но ему показалось, что отецъ требуетъ для себя слишкомъ многаго. Минихъ-сынъ замѣтилъ своему отцу, что „хотя онъ по всѣмъ правамъ сего требовать можетъ, однако .....статься можетъ, принцъ Браунгшвейгскій для себя оное готовитъ, почему и нужно бы пристойнымъ образомъ у него развѣдать“. При этомъ сынъ совѣтовалъ отцу ограничиться должностью перваго министра. Отецъ согласился. Но потомъ, подумавъ, спросилъ у сына и Менгдена: „какъ же можетъ гр. Остерманъ надъ собою терпѣть перваго министра“? Тѣ ему отвѣтили, что и гр. Остермана надо пожаловать чѣмъ нибудь такимъ, чего онъ прежде не имѣлъ. Гр. Остерманъ былъ пожалованъ званіемъ великаго адмирала. На мѣсто канцлера былъ назначенъ кн. Черкасскій, хотя, по мнѣнію фельдмаршала, онъ заслуживалъ „за свои поступки больше наказанія, нежели награжденія“. Мѣсто вице-канцлера досталось графу Головкину [1]). Такимъ образомъ Минихъ, совершивъ дворцовый переворотъ, судилъ и рядилъ въ первое же утро. Честолюбіе этого человѣка здѣсь выразилось всецѣло. Отказавшись отъ титула генералиссимуса, фельдмаршалъ въ указѣ, объявляющемъ о пожалованіи этимъ званіемъ Антона Ульриха, не утерпѣлъ, чтобы не включить слѣдующихъ словъ: „хотя фельдмаршалъ графъ Минихъ, въ силу великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ государству, могъ бы расчитывать на должность генералиссима, тѣмъ не менѣе онъ отказался отъ нея въ пользу принца Антона Ульриха, отца императора, довольствуясь мѣстомъ перваго министра“ [2]). Эти слова послужили гр. Остерману

---

[1]) **Шетарди, стр. 186 и 187.**

[2]) **Записки Манштейна, стр. 204.**

поводомъ для того, чтобы бросить тѣнь на Миниха и такимъ образомъ ослабить къ нему довѣріе правительницы. Непомѣрная гордость Миниха и заносчивость его были причинами его безтактнаго обращенія съ принцемъ Антономъ Ульрахомъ, что не могло, конечно, укрѣпить довѣрія правительницы къ первому министру [1]. Его адъютантъ Манштейнъ даже думаетъ, что фельдмаршалъ Минихъ „не имѣлъ способностей для того, чтобы быть министромъ" [2]. Впрочемъ, дѣлами государства ему пришлось заниматься недолго. Герцогъ Курляндскій на слѣдствіи, между прочимъ, „совѣтовалъ великой княгинѣ остерегаться Миниха, какъ самаго опаснаго человѣка въ имперіи, и что если бы ея императорское высочество отказала Миниху въ чемъ-либо, то она не могла бы почитать себя безопасною на престолѣ" [3]. Нельзя было бы вѣрить на слово врагу Миниха, но его недоброжелатели и, въ особенности, гр. Остерманъ, при помощи сказаннаго сообщенія Бирона, сдѣлали такъ, что „принцесса, отъ природы робкая", согласилась удалить Миниха [4], когда тотъ, оскорбленный отнятіемъ нѣкоторыхъ должностей, подалъ въ отставку, въ увѣренности, что ему не дадутъ ея. При этомъ онъ вдобавокъ настаивалъ на возвращеніи ему всѣхъ должностей, если хотятъ видѣть его на службѣ [5]. Отставка ему была дана, и фельдмаршалъ Минихъ удаленъ отъ двора въ мартѣ 1741 г. [6]. Таковъ Минихъ въ отзывахъ о немъ и въ его собственныхъ дѣйствіяхъ.

Главная черта его характера—огромное честолюбіе. Ради его онъ ввелъ въ войскахъ суровую дисциплину [7], ради его онъ не жалѣлъ въ битвахъ русскихъ солдатъ [8]. Часто такой импульсъ, какъ личное честолюбіе дѣятеля и его собственныя выгоды, соединенныя съ усердіемъ и даровитостью, даютъ блестящіе результаты: таковыми и являются резуль-

---

[1]) Записки Манштейна, стр. 204.

[2]) Ibid., стр. 238.

[3]) Ibid., стр. 206

[4]) Ibid.

[5]) Ibid., стр. 205 и 206.

[6]) Ibid., стр. 208.

[7]) Записки иностранц. о Россіи т. I, стр. 186.

[8]) Ibid., 187 и 188.

Подробная біографія Миниха у Костомарова (статья его: «Фельдмаршалъ Минихъ» въ Вѣстникѣ Европы за 1884 г.).

таты инженерныхъ работъ Миниха, радовавшихъ Петра Великаго, и его громкія побѣды, стоившія въ войнѣ съ Турками Россіи много крови и денегъ, но давшія почти только одну славу вождю ея войскъ.

Человѣкъ, своими интригами удалившій отъ двора фельдмаршала Миниха, съ этого момента является полновластнымъ правителемъ Россіи. Теперь нѣтъ ни Бирона, ни Миниха, а остальные его послушныя орудія, не исключая и отца императора, принца Антона Ульриха. Графъ А. И. Остерманъ,—человѣкъ инаго типа, чѣмъ Минихъ, имѣлъ однако черту въ своемъ характерѣ, которая ихъ сближала. Онъ былъ такимъ же честолюбцемъ, какъ и послѣдній, но человѣкъ въ высокой степени хитрый и осторожный, онъ не проявлялъ своего честолюбія такъ открыто, какъ фельдмаршалъ. Онъ не терпѣлъ около себя равнаго себѣ, но подкапывался подъ него тихо и незамѣтно для поверхностнаго взгляда; за-то дѣлалъ это навѣрняка̀: такъ онъ подкопался подъ Волынскаго, въ казни котораго онъ виновенъ вмѣстѣ съ Бирономъ; такимъ-же образомъ онъ съумѣлъ устранить изъ правительства Миниха. Въ этихъ подкапываньяхъ наглядно усматривается хитрая и тонкая личность гр. Остермана.

Когда фельдмаршалъ произвелъ себя въ первые министры и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ почти всё управленіе государствомъ гр. А. И. Остерманъ, нѣсколько лѣтъ не выходившій изъ комнаты, приказывалъ себя часто переносить къ Аннѣ Леопольдовнѣ. Здѣсь онъ начинаетъ говорить: намекаетъ осторожно, что Миниху неизвѣстны дѣла внѣшней политики, которыми самъ онъ, Остерманъ, занимался 20 лѣтъ, что онъ съ своей бы стороны разсказалъ фельдмаршалу всё, касающееся внѣшнихъ дѣлъ, но болѣзнь его, Остермана, не позволяетъ ему выѣзжать. Кстати тутъ же онъ дѣлаетъ намекъ, что едва-ли Минихъ, какъ человѣкъ военный, знакомъ надлежащимъ образомъ и съ внутренними дѣлами. Въ результатѣ такихъ разговоровъ, часто повторяемыхъ, получилось изъятіе изъ вѣдѣнія Миниха иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и оставленіе подъ его управленіемъ одного военнаго вѣдомства, вслѣдствіе чего онъ, недовольный этимъ, и подалъ въ отставку [1]). Остерману, обладавшему способ-

---

[1]) **Записки Манштейна, стр. 205.**

ностью хитро, тонко и осторожно вести интригу, много помогало его образцовое умѣніе говорить такъ, какъ, по его мнѣнію, было нужно. Когда онъ считалъ цѣлесообразнымъ скрывать свой собственный взглядъ, „онъ говорилъ такъ странно, что немногіе могли похвастать, что понимаютъ его хорошо; послѣ двухчасовыхъ бесѣдъ, которыя онъ имѣлъ съ иностранными министрами, послѣдніе, выходя изъ его кабинета, такъ-же мало знали, на что̀ онъ рѣшился, какъ въ ту минуту, когда они туда входили. Всё, что онъ говорилъ и писалъ, можно было понимать двоякимъ образомъ“ [1]). Это несомнѣнно было результатомъ скрытности [2]), недовѣрчивости и подозрительности [3]), чертами, отличительными въ характерѣ гр. Остермана. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ качествъ, при сильномъ, гибкомъ, логическомъ умѣ, онъ имѣлъ полную возможность считаться у современниковъ однимъ изъ лучшихъ министровъ Европы [4]). Мы закончимъ характеристику (конечно, въ общихъ чертахъ) гр. Остемана, если отмѣтимъ, какимъ онъ являлся въ обществѣ. „Когда Остерманъ перестаетъ быть министромъ, замѣчаетъ леди Рондо, то дѣлается чрезвычайно занимательнымъ собесѣдникомъ“ [5]).

Если мы припомнимъ, что такой человѣкъ во весь періодъ иноземнаго правительства стоялъ во главѣ правленія,

---

[1]) Записки Манштейна., стр. 204.

[2]) Письма леди Рондо, стр. 112.

[3]) Записки иностранц. о Россіи, т. I. стр. 225.

[4]) Ibid., стр. 241.

[5]) Записки Манштейна, стр. 240: «графъ Остерманъ былъ, безспорно, однимъ изъ величайшихъ министровъ своего времени».

Письма леди Рондо, стр. 112: «по способностямъ Остермана считаютъ величайшимъ министромъ въ Европѣ».

Фридрихъ II, король прусскій: «царствованіе Петра Великаго образовало человѣка, какъ бы нарочно созданнаго для того, чтобы нести на себѣ бремя государственнаго управленія при преемникахъ Петра,—графа Остермана». (Записки Иностр., стр. 200).

Де-Лирія: «Остерманъ единственный человѣкъ, который доселѣ поддерживалъ идеи Великаго Петра Перваго и давалъ этой монархіи значеніе во всѣхъ дѣлахъ Европы».

(Восемнадцатый вѣкъ, т. III стр. 41), А затѣмъ: «У него были всѣ необходимыя дарованія для хорошаго министра, и онъ былъ неутомимъ» (Записки иностр., т. I, стр. 241).

то мы остановимся въ затрудненіи предъ вопросомъ: кто болѣе вліялъ на внутреннія дѣла,—Биронъ ли, человѣкъ умный, но заурядный, хотя и сильный милостью императрицы, или гр. А. И. Остерманъ, человѣкъ огромнаго и проницательнаго ума?

О другихъ членахъ „Кабинета" мы говорить не станемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: даровитый Волынскій скоро погибъ, Бестужевъ былъ клевретомъ Бирона, а кн. Черкасскій, какъ говорили современники, былъ только тѣломъ „Кабинета", душою котораго являлся гр. Остерманъ. Для описанія иноземнаго правительства въ Россіи мы ограничиваемся характеристикой трехъ лицъ, имѣвшихъ наиболѣе сильное вліяніе на состояніе общественныхъ элементовъ въ ихъ время [1]).

Правленіе было сосредоточено въ ихъ рукахъ, особенно Бирона и Остермана, досидѣвшаго въ правительствѣ до воцаренія Елизаветы Петровны. За тремя основными фигурами виднѣется цѣлая плеяда разныхъ Менгденовъ, Бревернов, Левенвольдовъ и т. под. Не странно ли это? Русскій народъ и государство съ одной стороны и иноземное правительство въ немъ—съ другой? Нѣтъ, это было неизбѣжно и потому естественно, такъ какъ вполнѣ обусловливалось ходомъ русской исторіи или, точнѣе, русскаго развитія.

Русскій народъ, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условій, запоздалъ своимъ умственнымъ развитіемъ, сравнительно съ народами Западной Европы, которымъ выпало на долю получить въ наслѣдство памятники Греко-римской цивилизаціи. Отправившись отъ этого исходнаго пункта, Западно-Европейскіе народы мало по малу усвоили и затѣмъ переработали греко-римскую науку и искусство и въ XVII в. уже дѣлаютъ огромныя самостоятельныя завоеванія

---

[1]) Левенвольде, который тоже фигурируетъ при дворѣ въ указанный періодъ, не имѣлъ самостоятельнаго значенія, почему его характеристика и опущена. См. Записки Манштейна, стр. 242; хотя, при Аннѣ Леопольдовнѣ, по свидѣтельству Манштейна, Левенвольде вынужденъ былъ высказать, между прочимъ, мнѣніе, чтобы Анна Леопольдовна объявила себя императрицей. См. характеристику Левендвольда у Д. А. Корсакова (Воцареніе Анны Іоанновны, стр. 82 и 83).

въ указанныхъ областяхъ. Между тѣмъ славянскія и финскія племена, изъ слиянія которыхъ образовался Русскій народъ, сѣли, по переселеніи ихъ съ общей аріо-европейской родины, на территоріи, представлявшей не памятники прежней блестящей культуры, а раздольныя степи, топкія болота и дремучіе лѣса, кишѣвшія всякимъ звѣрьемъ.

Нужна была черная работа: борьба съ природой. Эта исключительная борьба является исходнымъ пунктомъ исторіи Русскаго народа, и она-то, главнымъ образомъ, и задержала его культурное развитіе. Но эта же борьба создала крѣпкій, устойчивый характеръ Великоросса и его организаторскій геній. Послѣднимъ создается прочное государство, называвшееся иноземцами Московіей. Тѣмъ не менѣе та культура, которую мы наблюдаемъ въ Московіи во время окончательнаго образованія государства, культура, создавшаяся подъ вліяніемъ Византіи и, особенно, христіанства, была слишкомъ безсильна въ сравненіи съ молодой и сильной цивилизаціей Европы. И вотъ по тому соціальному закону [1]), по которому слабѣйшая культура подчиняется вліянію сильнѣйшей: съ XV в. (Ивана III) начинается непрерывное вліяніе Запада на русскую жизнь.

Сначала оно довольно слабо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ всё сильнѣе и сильнѣе. Во вторую половину XVII в. на столько сильно, что даетъ цѣлый рядъ людей, проникнутыхъ глубокимъ уваженіемъ къ западно-европейской жизни и образованности: таковы—Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, князья Голицыны и др. При дворѣ царя Алексѣя Михайловича начинаютъ появляться разныя заморскія „выдумки"—комедійныя потѣхи и т. под. Начинается эмансипація женщины, которая выходитъ изъ терема.

Это движеніе подготовило Петра В., продолжателя тѣхъ лучшихъ людей XVII в., о которыхъ сказано выше. Извѣстныя условія его воспитанія и развитія способствовали его проникновенію тѣмъ западно-европейскимъ вліяніемъ, которое давно уже пробивалось освѣжающей струей въ русскую жизнь. Геніальный ребенокъ выростаетъ подъ вліяніемъ этой струи въ

---

[1]) Такова судьба Греціи по отношенію къ Востоку, Рима къ Греціи, Западной Европы по отношенію къ Греко-римской культурѣ.

геніальнаго царя; ему принадлежитъ самодержавная власть. Опираясь на эту власть, Петръ даетъ сильный толчекъ движенію, раньше задерживаемому консервативными элементами государства, Изъ западной Европы при Петрѣ В. переходитъ къ намъ въ болѣе полномъ и совершенномъ видѣ техническое знаніе, при этомъ царѣ закладываются у насъ начатки науки, литературы и, вообще образованія, по чисто техническаго, необходимаго для самыхъ первыхъ и неотлагательныхъ нуждъ государства. [1])

Если бы мы дальше стали наблюдать эту сторону жизни въ XVIII в., то мы увидали бы, какъ утилитарное направленіе въ литературѣ и наукѣ постепенно переходитъ въ теоретическое, въ западно-европейскомъ же вкусѣ. Такова литература и наука Тредьяковскаго и Ломоносова, непонятныя тогдашнему обществу, которое во многихъ отношеніяхъ даетъ намъ черты стараго времени, на первыхъ порахъ перенявъ съ Запада чисто внѣшнюю сторону. Но Тредьяковскій и Ломоносовъ были учениками Западной Европы; учениковъ мало: къ намъ приходятъ сами учителя, но они еще болѣе непонятны и даже не желательны массѣ русскаго общества. Тѣмъ не менѣе они являются къ намъ, и это явленіе есть результатъ сильнаго воздѣйствія Западной Европы на Россію. Въ немъ же, мы думаемъ, кроется основная причина внѣдренія у насъ иноземнаго правительства.

Съ только-что указанной точки зрѣнія иноземное правительство въ Россіи представляется неизбѣжностью, зависящею не отъ случайныхъ причинъ, а отъ общей и основной,—заключающейся въ воздѣйствіи Запада на Россію. Волей или не волей, а мы должны были пережить въ нашей государственной жизни этотъ періодъ иноземнаго управленія, подобно тому, какъ должны были пережить такой же на первый взглядъ странный—„иноземный“ періодъ въ исторіи литературы и науки.

Изъ характеристикъ главныхъ членовъ иноземнаго правительства мы видѣли, что всѣ они люди умные; двое изъ нихъ даже отличались замѣчательнымъ умомъ и талантами въ двухъ различныхъ областяхъ. Въ виду, этого можно бы-

---

[1]) Подробное развитіе этого воззрѣнія см. въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. 14 и послѣд.

ло ожидать отъ нихъ много хорошихъ. постановленій. [1]) Но съ другой стороны иноземное ихъ происхожденіе создало, по всей вѣроятности, тѣ факты, которые явились причиною ихъ паденія. Къ этимъ-то фактамъ мы теперь и перейдемъ.

---

[1]) Такія постановленія мы видѣли отчасти, излагая въ первой главѣ воззрѣнія Карновича: самостоятельное изложеніе ихъ не относится къ нашей задачѣ—къ выясненію причинъ вступленія Елизаветы на престолъ.

III.

Различные классы русскаго общества въ періодъ иноземнаго правительства.

Въ царствованія Екатерины I и Петра II-го правительство не обращало особеннаго вниманія на недоимки: они были запущены и достигли ко времени Анны Ивановны значительныхъ размѣровъ. Иноземное правительство начинаетъ взыскивать ихъ съ логическою послѣдовательностью и при томъ такъ усердно, какъ онѣ не взыскивались даже при Петрѣ В., объявившемъ сенату: „деньги какъ можно сбирать.“ Тщательный сборъ недоимокъ проходитъ чрезъ весь періодъ иноземнаго правительства.

Въ настоящей главѣ мы прежде всего постараемся нарисовать по правительственнымъ указамъ картину этого сбора, ибо она является основною причиною того общественнаго настроенія, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

27-го Апрѣля 1731 г. канцеляріи конфискаціи объявляется отъ имени сената указъ, чтобы она собирала недоимки и налагала запрещенія на имѣнія неисправныхъ плательщиковъ. [1]) 11 Ноября того же года мы встрѣчаемся съ указомъ, повелѣвающимъ по прежнему ея величества указу помѣщикамъ, архіереямъ, монастырскимъ властямъ и „прочихъ чиновъ людямъ“ заплатить недоимку „безъ всякаго отлагательства.“ Если въ назначенный срокъ „кто не заплатитъ, то тѣ доимочныя деньги будутъ взысканы на нихъ со штрафомъ.“ [2]) А чтобы впредь не накоплялась не-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. VIII, 5748. (Арабскія цифры означаетъ у насъ вездѣ № указа, или правительственн. распоряж.)

[2]) Ibid., VIII, 5873.

доимка, правительство въ регламентѣ, изданномъ въ томъ же году, указываетъ, какимъ образомъ успѣшнѣе собирать подушныя деньги. Прежде всего оно выражаетъ съ своей стороны желаніе, „чтобы тотъ подушный сборъ бездоимочно въ казну доходилъ;“ онъ необходимъ и для надлежащаго содержанія арміи, да и очень полезенъ для самихъ помѣщиковъ, потому что, если они постепенно будутъ исправно платить, то недоимки не накопится на ихъ крестьянахъ, послѣдніе „съ разореніемъ правлены не будутъ,“ вслѣдствіе чего и придутъ въ лучшее состояніе. Объяснивъ такимъ образомъ пользу исправнаго платежа подушныхъ денегъ, правительство тутъ же пугаетъ помѣщиковъ и управителей, что, если они исправно не станутъ собирать подушныя деньги, то эти деньги будутъ взяты съ нихъ самихъ. Чтобы не подвергнуться этому помѣщикамъ, правительство совѣтуетъ имъ собирать съ крестьянъ подушныя деньги „зарапѣе,“ „дабы всѣ къ платежу были готовы.“ Когда наступитъ срокъ его, „тогда имъ, не дожидаясь о томъ указа или повѣстки, тѣ деньги отвозить самимъ въ городъ и платить воеводамъ.“ Если же деньги не будутъ заплачены въ срокъ, то правительство приказываетъ полковникамъ, „обрѣтающимся на вѣчныхъ квартирахъ,“ „въ такія деревни для правежа тѣхъ денегъ“ посылать „экзекуцію.“ Правежъ касается помѣщиковъ, а, гдѣ ихъ нѣтъ, прикащиковъ и старостъ, „чтобы они сбирали съ крестьянъ.“ Тѣ изъ крестьянъ, которые не отдадутъ подушныхъ денегъ прикащикамъ и старостамъ, должны быть отосланы къ воеводамъ. Регламентъ предвидитъ и такое положеніе дѣла: не смотря на экзекуцію, деньги могутъ быть выплачены только къ тому времени, когда уже наступитъ новый срокъ платежа. Въ этомъ случаѣ онъ предписываетъ воеводамъ немедленно увѣдомлять губернаторовъ, а этимъ послѣднимъ писать въ Камеръ-коллегію, при чемъ точно обозначать, сколько на комъ имѣется доимки отъ перваго срока, и отъ какой причины она явилась: „отъ скудости или лѣности и несмотрѣнія?“

Также губернаторы обязаны отписать, сами ли помѣщики живутъ въ задолжавшихъ деревняхъ или, вмѣсто ихъ, прикащики. Камеръ-коллегія, которой доносится всё это, въ свою очередь препровождаетъ донесенное въ Сенатъ. Пока идутъ указанныя отписки, посланные для экзекуцій, „не

дожидаясь указа“, должны продолжать свою дѣятельность. Точно такимъ же образомъ регламентъ приказываетъ ратушамъ собирать съ купечества. Что же касается членовъ экзекуціи, то чинъ и число ихъ опредѣляются сообразно съ суммой недоимокъ. Если недоимка отъ 500 р. до 1000 или больше, то посылать одного изъ оберъ-офицеровъ, двухъ унтеръ-офицеровъ и человѣкъ 5 или 6 рядовыхъ. Гдѣ недоимка отъ 100 до 500 рублей, туда одного унтеръ-офицера и человѣка два или три рядовыхъ. Если же недоимка состоитъ изъ суммы меньше 100 руб., то члены команды для экзекуціи ограничиваются однимъ унтеръ-офицеромъ и однимъ рядовымъ. Кормленіе членовъ команды возлагается на помѣщиковъ. Регламентъ точно опредѣляетъ, сколько помѣщикъ обязанъ отпускать имъ въ день кормовыхъ денегъ, хлѣба и мяса. Такъ, оберъ-офицерамъ на день полагалось 15 коп., унтеръ-офицерамъ по 5, рядовымъ по три копѣйки. Сверхъ этого послѣднимъ двумъ чинамъ по три фунта хлѣба „на пропитаніе“, мяса, „какое случится“, ветчины, или баранины, или говядины — по одному фунту на человѣка. Кромѣ того помѣщики обязаны были давать членамъ команды на прокормленіе лошадей. „Если они будутъ ѣздить на своихъ лошадяхъ“, то съ того числа, какъ они будутъ отправлены, помѣщики должны выдавать въ осеннее и въ зимнее время оберъ-офицерамъ на три лошади, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ на одну лошадь, „а въ лѣтнее время пускать въ поле“. Если же члены команды будутъ посланы для экзекуціи на ямскихъ или уѣздныхъ лошадяхъ, то съ помѣщиковъ повелѣвается брать прогонныя деньги. Члены команды не должны „въ тѣхъ деревняхъ“ заживаться, а выѣзжать изъ нихъ тотчасъ же, какъ собрана доимка, обидъ не дѣлать, „отъ чегобъ могла происходить крестьянству какая тягость;“ на проѣздъ посланныхъ для экзекуціи полагается не менѣе 30 верстъ въ день. За соблюденіемъ всего этого обязаны накрѣпко смотрѣть губернаторы и воеводы. И если посланные „будутъ чинить“ „на экзекуціяхъ“ противъ сего и, особенно, будутъ брать лишнее „для своихъ прихотей“, таковыхъ губернаторы и воеводы должны отдавать подъ судъ и наказывать „по военному артикулу.“ [1]) 1732 годъ

[1]) **Полн. Собр. Зак. VIII, 5789.**

даетъ намъ цѣлый рядъ указовъ, касающихся сбора недоимокъ; только одинъ изъ такихъ указовъ, вообще строгихъ, заявляетъ о невзысканіи, именно съ переяславскихъ сокольихъ помытчиковъ, полтиннаго сбора и о сложеніи числящейся на нихъ доимки. [1]) Обращаясь къ именному указу, данному Сенату отъ 13-го марта, мы узнаемъ изъ него, 1) въ какихъ статьяхъ явились недоимки, 2) какимъ образомъ правительство объясняетъ ихъ происхожденіе. Недоимки оказываются на разныхъ откупахъ, на подрядчикахъ, взявшихъ изъ казны деньги, но впослѣдствіи не уплатившихъ, на купцахъ, которымъ казна отдавала мѣдь, желѣзо, рыбу, икру, клей „и прочіе казенные товары", „съ немалымъ казеннымъ ущербомъ." Это случилось, особенно благодаря судьямъ, прежде бывшимъ въ Камеръ-коллегіи.— Они продавали въ долгъ товары, не обращая вниманія на то—можно ли вѣрить этимъ купцамъ; даже случалось, что отдавали такимъ, которые были банкротами, и безъ-того уже состояли должниками казны. Эти судьи Камеръ-коллегіи не взыскивали въ срокъ долга на самихъ купцахъ, а принимали отъ нихъ заемныя письма „на другихъ, партикулярныхъ людей, которые имъ были должны," заплатить же были не въ состояніи. Съ этихъ-то послѣднихъ судьи „по письмамъ" начинали взыскивать, что̀ и приводило должниковъ къ „совершенному разоренію," за которымъ слѣдовала каторжная работа. Такое поведеніе судей повлекло за собой то, что многіе купцы, „оставя свое настоящее купечество и торги," начали „домогаться", какъ-бы имъ взять изъ казны денегъ „подъ образомъ какихъ либо подрядовъ", или купить въ долгъ же казенные товары. Съ такихъ-то людей и повелѣвается взыскивать недоимки безъ всякаго послабленія, „особенно же съ тѣхъ, которые платить въ состояніи." При этомъ приказывается разсматривать, законно ли были отданы откупы или подряды и проданы казенные товары. И если окажется, что „поступали противно" закону, а недоимка запущена небреженіемъ и слабостью, то её — взыскивать „жесточаѣ;" за послабленіе же съ судей и приказныхъ людей брать штрафъ въ размѣрѣ не менѣе 10 процентовъ на годъ. [2])

---

[1]) П. С. З. VIII, 6006.
[2]) Ibid, VIII, 5983.

21-го марта (1732 г.) издается новый указъ о взысканіи недоимокъ съ уѣздныхъ людей; отъ взысканія освобождаются только тѣ раскольники, которые обратятся въ православную вѣру. [1]) 30-го марта—тоже: „накрѣпко взыскивать и неослабно править“. [2]) Немного позже является подтвержденіе собирать крестьянскія подушныя деньги съ управителей и старостъ; а если эти послѣдніе не исполнятъ приказаннаго, то посылать въ тѣ деревни экзекуціи, съ тѣмъ, чтобы они помогали управителямъ и старостамъ добывать у крестьянъ деньги. [3]) Офицеры экзекуціонной команды обязаны были понуждать и воеводъ, чтобы тѣ сочиняли и присылали вѣдомости и рапорты о доимкахъ: „на воеводахъ всякое взысканіе и слѣдствіе имѣть безъ всякаго послабленія и упущенія“. [4]) 24-го іюля вышелъ указъ о канцелярскихъ деньгахъ. По приговорамъ 1715 г. было установлено брать судебныя пошлины: съ праваго по алтыну, а съ виноватаго по гривнѣ съ рубля; въ 1727 г. эти пошлины были отмѣнены. Настоящимъ указомъ повелѣвается взыскивать ихъ снова и „неослабно“. [5])

Правительство однако не было довольно усердіемъ тѣхъ, кому было поручено взыскивать недоимки. Изъ вѣдомостей, полученныхъ изъ канцеляріи конфискаціи, оно узнало, что съ 1727 г. накопилось недоимокъ 2,457,401 р.; означенной канцеляріи и было поручено взыскать эти деньги. Она же до сихъ поръ (до 26-го сентября 1732 г.) взыскала только 152,892 руб. Въ силу такого незначительнаго сбора канцеляріи конфискаціи предписывается имѣть „крѣпкое взысканіе“ недоимокъ „безъ упущенія.“ [6]) 1732-й годъ въ разсматриваемомъ отношеніи заканчивается указомъ, который предписываетъ не слагать доимку „безъ указа.“ Причина такого напоминанія выясняется тутъ же. Въ прежнее время за таможней числилось 91, 697 руб.; сюда вошли деньги, назначенныя за „непоставку выписей.“ Такъ какъ заплатить было нечѣмъ, то эта доимка была сложена. Теперь

---

[1]) П. С. З. VIII, 5998.
[2]) Ibid., VIII, 6012.
[3]) Ibid., VIII, 6016.
[4]) Ibid., VIII, 6194.
[5]) Ibid., VIII, 6135.
[6]) Ibid., VIII, 6241.

же, сверхъ указанной, накопилось доимки „многое число": въ Камеръ-коллегіи на иноземцахъ съ 1721 г. по 1724 г.— 761 руб. 74 коп., въ акцизной конторѣ съ двухъ иноземцевъ сложено 2820 руб., а оставлено безъ взысканія канцеляріей конфискаціи 36,874 р. Что же касается того, сколько еще можетъ „найтиться этой доимки въ губерніяхъ и провинціяхъ, то о томъ неизвѣстно." Приказывается всё перечисленное взыскивать „безъ упущенія". [1]) Въ 1734 году мы замѣчаемъ, что правительство за неплатежъ доимокъ начинаетъ продавать деревни должниковъ, а самихъ ихъ отдавать въ работу, ежели, послѣ продажи имѣнія, доимка не будетъ уплачена сполна. Таковъ указъ 5-го мая. [2]) А 27-го іюня является предупрежденіе о невозвращеніи проданныхъ имѣній должникамъ, „чтобы тѣ виновные прилежнѣе за тѣми дѣлами хожденіе имѣли". [3]) Затѣмъ, въ этомъ же году правительство продолжаетъ заботиться о сборѣ недоимокъ „по разнымъ сборамъ". Въ указѣ отъ 21-го марта послѣдніе снова перечисляются: это—откупа, таможенные, кабацкіе и канцелярскіе сборы. При этомъ прибавлено: если откупщики, или ихъ „поручики" умерли, то недоимку править на родственникахъ ихъ; въ случаѣ же неимѣнія ихъ или засвидѣтельствованной ихъ крайней бѣдности, „такія недоимки взыскивать на генералъ-губернаторахъ, губернаторахъ и вице-губернаторахъ съ товарищами, или воеводахъ и на прочихъ управителяхъ, и на приказныхъ людяхъ." Правительство думаетъ, что недоимка запущена небреженіемъ этихъ начальственныхъ лицъ: или они отдавали откупа такимъ людямъ, которымъ нельзя было вѣрить, или просто они „долговременно не взыскивали и опускали." О таможенныхъ, канцелярскихъ и кабацкихъ сборахъ объявлено, чтобы недоимки по нимъ взыскивать съ ратушъ и со всего „того посада купечества." „Для взысканія же и правежа тѣхъ доимокъ" и здѣсь приказано „выбрать особеннаго прилежнаго человѣка, придавъ къ нему 2-хъ товарищей" „и потребное число приказныхъ служителей". [4]) Отъ взыска-

---

[1]) П. С. З. VIII, 6260.

[2]) Ibid., IX, 6385: «а ежели за продажею имѣній въ тое доимку чего не достаетъ, и за оную тѣхъ должниковъ посылать по указу въ работу».

[3]) Ibid., 6451.

[4]) Ibid., 6358, 6391.

нія недоимокъ мы и теперь видимъ освобожденными раскольниковъ, вернувшихся въ православіе. [1]) Вообще, дѣла о сборѣ недоимокъ такъ разрослись, что явилось необходимымъ выдѣлить для нихъ въ канцеляріи конфискаціи особое мѣсто. Еще въ началѣ 1732 г. было предписано назвать это мѣсто конторой конфискаціи. [2]) Дѣло о доимкахъ кипѣло. Экстракты дѣлъ присылались въ Сенатъ, при которомъ впослѣдствіи была учреждена доимочная канцелярія.

Одинъ изъ указовъ 1734 года объявляетъ о такой присылкѣ; изъ экстрактовъ сенатъ усматриваетъ, что „въ доимкѣ показано:" по Московской губерніи 3,179 руб. 88 ¼ коп., по Бѣлогородской 717 руб. 82 ⅝ к., по Нижегородской 1627 руб. ¾ к., всего: 5,524 руб. 71 ⅝ копейки. Доимочный приказъ, откуда пришли экстракты, при этомъ представилъ, что доимка эта произошла отъ явнаго послабленія губернаторовъ, воеводъ „и прочихъ управителей и приказныхъ людей." Указъ предписываетъ сначала править объявленную сумму на самихъ задолжавшихъ, а потомъ наложить её въ качествѣ штрафа на означенныхъ начальственныхъ лицъ „по нижеслѣдующей пропорціи": съ губернатора—половину того, что представляетъ вся сумма, [3]) съ вице-губернатора половину того, что съ перваго; а изъ оставшейся послѣ нихъ суммы двѣ трети съ секретаря и треть съ подъячаго; если же губернатора нѣтъ, а только—вице-губернаторъ и при немъ товарищъ, то вице-губернаторъ платитъ столько, сколько платитъ губернаторъ, а товарищъ вице-губернатора долженъ платить такой штрафъ какой онъ положенъ на вице-губернатора, состоящаго при губернаторѣ; когда же не имѣется губернатора, но при вице-губернаторѣ товарища нѣтъ, то вице-губернаторъ платитъ двѣ трети и „изъ достальной затѣмъ трети съ секретаря—двѣ доли, а достальныя—съ подъячаго." Съ городоваго воеводы, если при немъ есть товарищъ, приказано брать столько, сколько съ вице-губернатора, когда при немъ находится товарищъ; если же товарища, а равно и секретарей нѣтъ, то съ воеводы три доли, а четвертую съ подъячаго. [4]) Такимъ образомъ правительство расклады-

---

[1]) П. С. З., IX, 6442.
[2]) Ibid., 6322.
[3]) Конечно, только съ его губерніи.
[4]) Ibid., 6587.

вало величину штрафа на начальственныхъ лицъ за ихъ послабленіе въ сборѣ доимки, при чемъ вся сумма штрафа для всѣхъ виновныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, равнялась суммѣ запущенной доимки.

Обращаясь къ наблюденію требованія недоимокъ въ слѣдующемъ, 1735 г., мы снова должны отмѣтить нѣсколько грозныхъ указовъ. Такъ, 23-го января мы видимъ два указа, повелѣвающіе собрать доимку и подушныя деньги въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. [1]) На слѣдующій день опять два указа: правительство торопитъ губернаторовъ и воеводъ присылать въ доимочный приказъ ежемѣсячныя вѣдомости, которыя должны обозначать, сколько накопилось недоимки и какого она порядка. Говоря объ этомъ въ одномъ указѣ, въ другомъ правительство предписываетъ доимочному приказу взыскивать „зачетныя деньги“ съ чиновниковъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи, а также собирать недоимку съ содержателей оброчныхъ казенныхъ земель. [2]) Въ своей погонѣ за недоимками правительство не ограничивается штрафомъ, налагаемымъ на губернаторовъ и др., но начинаетъ, кромѣ его, обѣщать имъ конфискацію ихъ имѣній. „А ежели кто, читаемъ въ указѣ 1736 г. отъ 14-го марта, „губернаторы, воеводы и сборщики въ сборахъ оплошно поступать станутъ и плательщикамъ послабленіе чинить: такіе жестоко штрафованы и недвижимыя ихъ имѣнія конфискованы будутъ безповоротно“. Обязанность смотрѣть за радѣніемъ губернаторовъ и воеводъ въ сборѣ недоимокъ возлагается на Военную и Камеръ-коллегіи: „о нерадивыхъ немедленно доносить въ Сенатъ.“ Если же и эти коллегіи со своей стороны не исполнятъ своего назначенія, а станутъ слабо смотрѣть за губернаторами и воеводами, то всѣ доимки и недоборы будутъ взысканы „на тѣхъ коллегіяхъ.“ [3])

Въ 1737-омъ году является новое подтвержденіе о продажѣ имѣній тѣхъ, кто не заплатитъ доимки: такіе господа должны быть изгнаны изъ домовъ своихъ, имъ отказывается отъ владѣнія заводомъ, и крестьяне ихъ могутъ имъ ни въ чемъ не повиноваться; послѣднее даже прямо внушается. [4])

---

[1]) П. С. З., IX, 6674, 6675.

[2]) Ibid., 6676, 6678.

[3]) Ibid., 7037, 6907.

[4]) Ibid., X, 7372: «ежели, сказано здѣсь, платить не будутъ, то должниковъ выслать изъ домовъ ихъ, и отъ заводовъ имъ отка-

Одинъ изъ указовъ 1738 года, изданный 24-го января, весьма любопытенъ главнымъ образомъ потому, что въ немъ самимъ правительствомъ констатируется фактъ крестьянскаго разоренія. Причину этого разоренія правительство видитъ въ неумѣренной требовательности, предъявляемой помѣщиками крестьянамъ. Съ послѣднихъ помѣщики для себя собираютъ безъ доимки; отъ такого-то отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и накапливается, по мнѣнію правительства, государственная доимка, ибо „крестьянамъ не токмо на подати государственныя, но и на свое годовое пропитаніе хлѣба изъ земли добыть времени не достаетъ." Недоимка же по таможеннымъ, канцелярскимъ и кабацкимъ сборамъ, съ оброчныхъ земель, съ сѣнныхъ покосовъ и рыбныхъ ловель происходитъ не отъ бѣдности лицъ, взявшихъ означенныя статьи дохода, а просто отъ нежеланія этихъ должниковъ платить. Вслѣдствіе всего изложеннаго правительство требуетъ отъ высокихъ и низкихъ чиновъ и отъ „прочаго достоинства и званія людей", чтобы они заплатили имѣющуюся на нихъ недоимку въ мѣсяцъ; тутъ же предупреждаютъ, что отговорку невѣдѣніемъ не станутъ принимать. [1]) Въ такомъ же грозномъ духѣ написаны указы 17-го августа и 20 декабря 1738-же года, при чемъ въ послѣднемъ опять подтверждается, что, если доимка не будетъ собрана, то платить её заставятъ губернаторовъ, воеводъ, ихъ товарищей и секретарей. [2]) Недоимки начали было уплачивать не наличными деньгами, можетъ быть, не имѣя таковыхъ, а долговыми обязательствами, взятыми съ другихъ частныхъ же лицъ. Указомъ 28-го марта 1738 года такая уплата была запрещена: велѣно платить наличными деньгами. [3])

Къ концу періода иноземнаго правительства въ Россіи сборъ недоимокъ сдѣлался еще интензивнѣе. Особенно много мы находимъ указовъ, относящихся къ этому предмету, за 1739 годъ. Правительство отмѣчаетъ открывающіяся

зать и людямъ и крестьянамъ ихъ ни въ чемъ слушать не велѣть, и ежели кто положеннаго на нихъ штрафа не заплатилъ,... то ихъ имѣнія безъ всякаго отлагательства и понаровки продавать».

[1]) X, 7494.

[2]) X, 7632, 7711.

[3]) Ibid., 7547.

предъ его взорами новыя суммы недоимокъ и велитъ ихъ неослабно взыскивать подъ опасеніемъ извѣстныхъ намъ наказаній за послабленіе. Въ тоже время оно старается, чтобы не накопились новыя недоимки; оно предписываетъ неослабно взыскивать подушныя деньги, не допуская при этомъ никакихъ доимокъ: допустившіе наказываются штрафомъ. Таковъ указъ, изданный 12-го января. [1]) А черезъ два дня, 15-го января, мы встрѣчаемъ указъ, въ которомъ правительство сѣтуетъ на то, что вѣдомости о недоимкахъ присланы только изъ 119 городовъ, а изъ 94 неприсланы; на 119 городахъ было доимки 1,622,908 руб.; не взятой оказывается 800,070 руб. Правительство велитъ эту недоимку разложить на купечество и государственныхъ крестьянъ сообразно съ достаткомъ каждаго, не опуская, впрочемъ, платежа за умершихъ, убогихъ и бѣглыхъ. Вся недоимка должна быть выплачена до 1-го апрѣля 1739 года. О губернаторахъ, воеводахъ, ратушскихъ бурмистрахъ говорится прежнее: что изъ недоимки къ означенному сроку не будетъ доставлено, то взыщутъ изъ ихъ собственныхъ имѣній „за послабленіе". [2]) 20-го марта снова указъ о неослабномъ дѣйствіи коммиссіи во взысканіи недоимочныхъ денегъ. [3]) 4-го іюня Сенатъ напоминаетъ, чтобы не забывали прежнихъ указовъ, говорящихъ о взысканіи недоимокъ. [4]) 11-го іюля повелѣвается офицерамъ, состоящимъ подъ вѣдѣніемъ Адмиралтействъ-коллегіи, содѣйствовать при взысканіи недоимокъ; тутъ же предписывается посылать въ учрежденную при Сенатѣ доимочную канцелярію донесенія о собираемыхъ доимочныхъ деньгахъ. [5]) 15-го ноября указъ говоритъ о взысканіи доимокъ и штрафовъ. [6]) Первый мѣсяцъ слѣдующаго года (1740) не проходитъ безъ напоминанія о недоимкахъ: указъ 21-го января повелѣваетъ ненакапливать доимки въ сборѣ за гербовую бумагу; напоминается также секретарямъ, что бы они отсылали полученныя деньги за упомянутый предметъ сбора, „куда надлежитъ".

---

[1]) П. С. З., X, 7731.
[2]) Ibid., 7732.
[3]) Ibid , 7779.
[4]) Ibid., 7832.
[5]) Ibid., 7848.
[6]) Ibid , 7946.

На этомъ указѣ въ разсматриваемомъ отношеніи заканчивается царствованіе Анны Ивановны. Въ непродолжительное правленіе Анны Леопольдовны, не говоря уже о кратковременномъ регентствѣ Бирона, мы видимъ преслѣдованіе той же самой системы относительно сбора недоимокъ. Указъ 1740 г., 26-го апрѣля, говоритъ о взысканіи недоимокъ, при чемъ запрещается требовать ихъ вдвойнѣ за неплатежъ податей въ срокъ. [1]) Указъ же 16-го января 1741 г. напоминаетъ о непремѣнномъ слѣдованіи въ сборѣ недоимокъ указамъ посланнымъ въ губерніи и провинціи въ царствованіе Анны Ивановны. [2])

Сборъ недоимокъ, какъ это видно изъ вышеизложеннаго, касаясь всѣхъ слоевъ общества, несомнѣнно всего тяжелѣе отзывался на крестьянахъ и мѣщанахъ. Обозрѣніе взиманія недоимокъ показываетъ намъ, что правительство употребило радикальную мѣру, чтобы взиманіе шло успѣшнѣе: оно грозитъ помѣщикамъ, губернаторамъ, воеводамъ и др. ихъ экономическимъ ущербомъ, если они не соберутъ доимку сполна. Само собою разумѣется, что эти лица подъ страхомъ штрафа или продажи имѣнія являлись усердными исполнителями указовъ. Но съ другой стороны, если обратить вниманіе на то, что правительство постоянно говоритъ объ ихъ послабленіи, конечно, невѣроятномъ, то мы вправѣ заключить, что недоимка, сбираемая съ торговыхъ (мелкихъ) людей и, особенно, съ крестьянства за значительный промежутокъ времени взяла всё, что только могли сбить съ должниковъ губернаторы, воеводы, ратуши, помѣщики, и уже болѣе нечего было брать. Въ такомъ только случаѣ перечисленныя лица и даже цѣлыя учрежденія и общины осмѣливались, нѣтъ сомнѣнія, представлять несполна собранную доимку: ихъ побуждала къ тому настоятельная и довольно печальная необходимость, такъ какъ они за неполный сборъ лишались значительныхъ суммъ и даже имѣній.

Изъ обозрѣнія фактовъ сбора мы также видѣли, что много недоимки оказывалось на разныхъ откупщикахъ и под-

---

[1]) Ibid., XI, 8080.
[2]) Ibid., — 8318.

рядчикахъ; но мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, сколько именно было на нихъ и сколько на бѣднѣйшемъ общественномъ классѣ—крестьянахъ. Если предположить, что только половина всей суммы недоимки падала на крестьянское населеніе, то, принявъ во вниманіе малочисленность послѣдняго (вѣроятно 6,000,000 съ „большой“ половиной, ибо по второй ревизіи 1744—1745 г. ихъ было 7,000,000) и дороговизну денегъ въ то время, мы должны прійти къ заключенію, что крестьянамъ было трудно выплачивать недоимку вмѣстѣ съ суммой текущей подушной подати (74 к. съ души). Кромѣ того приходилось платить не только за себя, но за бѣглыхъ, умершихъ, взятыхъ въ солдаты. Несостоятельность плательщиковъ увеличивалась, кромѣ физическихъ бѣдствій, въ родѣ неурожая, еще многочисленными другими сборами и повинностями податнаго населенія. Изъ послѣднихъ достаточно указать на наборы рекрутъ, производившіеся усердно въ царствованіе Анны Ивановны: количество поставленныхъ рекрутъ отъ 1733 г. до 1739 г. достигаетъ 241,431 ч. [1]) При этомъ вся тяжесть двухъ войнъ и продовольствія войскъ падала на тоже податное населеніе; отъ послѣдней повинности освобождались только избранные. Указъ 1739 года освобождаетъ отъ сбора фуража ингерманландскія дворцовыя мызы, а также и мастеровыхъ Ингерманландіи, возлагая означенную повинность на новгородскихъ казенныхъ крестьянъ. [2])

Принявъ къ свѣдѣнію всѣ изложенные факты, мы не удивимся, слыша о крестьянскомъ разореніи при иноземномъ правительствѣ. Выше мы видѣли, что этотъ фактъ былъ отмѣченъ самимъ правительствомъ: такъ оно видитъ причину его въ алчности помѣщиковъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ. Въ другихъ указахъ сама скудость крестьянская отмѣчается, какъ причина того, что крестьяне подушной не отдаютъ и „ничего не платятъ“ „экзекуцныхъ“ кормовыхъ денегъ. Такое извѣстіе пришло въ Сенатъ, чрезъ сенатскую контору и коммиссаріатъ, въ 1734 г., когда взиманіе доимокъ не достигло еще своего максимальнаго напряженія. Сенатъ, до-

---

[1]) Напр. указ. VIII. 5749; VIII, 6045; VIII, 5645; X, 7466; X, 7610; X, 7611; X, 7684; X, 7502; X, 7698; X, 7378.

[2]) П. С. З. т. X, 7862.

нося объ этомъ высшей власти, проситъ остановить взысканіе подушныхъ денегъ и выслать экзекуцію изъ тѣхъ деревень, „гдѣ въ хлѣбѣ настоятельная нужда есть“ и до тѣхъ поръ пріостановить взысканіе, „какъ новый хлѣбъ поспѣетъ“. Къ этому Сенатъ присовокупляетъ, что, какъ ему извѣстно, въ такихъ обѣднѣвшихъ деревняхъ не только хлѣба и сѣмянъ у крестьянъ нѣтъ, но даже послѣдній скотъ и лошадей продаютъ, чтобы заплатить офицерамъ и солдатамъ кормовыя и фуражныя деньги; такимъ образомъ доимку платить становится совсѣмъ нечѣмъ. Читая подобныя заявленія, верховная власть продолжаетъ посылать указы о взысканіи доимокъ, но въ тоже время заботится о прекращеніи „народной въ хлѣбѣ нужды“. Она приказываетъ описать лишній хлѣбъ помѣщиковъ, „чей бы онъ ни былъ“, и продавать крестьянамъ по умѣренной цѣнѣ, смотрѣть за купцами, чтобы они дорого не продавали хлѣбъ; гдѣ же существуютъ провіантскіе магазины, то чтобы помѣщики или ихъ управители отдавали крестьянамъ хлѣбъ безденежно, съ росписками взаймы. Въ 1735 г. правительству дѣлается извѣстнымъ, что во многихъ мѣстахъ „крестьяне отъ глада пухнутъ и лежатъ больны, а нѣкоторые умираютъ“. Для такихъ „неимущихъ“ правительство тоже велитъ купить провіантъ въ Нижнемъ на сумму до 5,000 руб., въ Арзамаской провинціи—до 2000 руб., въ Московской губерніи—до 6,000 р. и раздавать тотъ хлѣбъ крестьянамъ взаймы, съ росписками. [1]) Отсюда мы заключаемъ, что само правительство обратило вниманіе на крестьянское разореніе съ цѣлью облегчить нужду крестьянъ. Разореніе было на столько сильно, что крестьяне начали умирать съ голода: тогда правительство пускаетъ въ употребленіе мѣры, которыя могутъ быть названы палліативными, ибо самая система взысканія недоимокъ не отмѣнялась. А эта-то система и приносила много вреда. Извѣстный Волынскій въ своемъ „мнѣніи“, поданномъ имъ Аннѣ Ивановнѣ, прямо указываетъ, что

---

[1]) Ibid., IX, 6570; IX, 6682; «и раздавать тотъ хлѣбъ совершенно неимущимъ, которые крестьянъ своихъ пропитать не могутъ, въ займы, съ росписками; а самымъ бѣднымъ крестьянамъ, которые, ходя по міру, гладъ претерпѣваютъ, давать въ милостыню съ росписками (IX 6653; IX, 6569)... во многихъ мѣстахъ крестьяне отъ глада пухнутъ и лежатъ больны, а нѣкоторые умираютъ» (№ 6782).

офицеры, „которые бываютъ у сборовъ подушныхъ денегъ", во многихъ мѣстахъ такъ довольствуются властью, распоряжаясь съ плательщиками, какъ съ собственными крестьянами, что „оттого имъ, яко безгласнымъ людямъ", „чинятся превеликіе убытки, паче нежели положенныя подати государственныя". [1]) Вслѣдствіе такого положенія податнаго населенія, въ немъ въ періодъ иноземнаго правительства замѣчается недовольство. Народъ, разсѣянный по огромному пространству территоріи, не могъ опредѣленно знать, что это за правительство, которое приказываетъ брать съ него послѣднее. Всѣ свои бѣдствія онъ приписываетъ женскому правленію. Изъ его массы слышался недовольный голосъ: „гдѣ ей столько знать, какъ мужской полъ? будетъ вѣровать боярамъ; бабьи городы никогда не стоятъ, бабьи сѣни высоко не стоятъ. Хлѣбъ не родится потому, что женскій полъ царствомъ владѣетъ. При первомъ императорѣ намъ житье было добро, а нынѣ намъ стало, что годъ, то хуже; какое нынѣ житье за бабою?" Взятый въ тайную канцелярію „крестьянинъ винился, замѣчаетъ проф. С. М. Соловьевъ, „что говорилъ дурныя слова про императрицу Анну отъ горести, что за неплатежъ подушныхъ денегъ былъ битъ на правежѣ". Будучи недоволенъ женскимъ правленіемъ, народъ выставляетъ самозванцевъ. Въ 1734 году явились два самозванца: Тимоѳей Труженикъ, назвавшійся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, и Стародубцевъ, принявшій имя царевича Петра Петровича. Оба были схвачены и казнены. [2]) Маіоръ Даниловъ свидѣтельствуетъ о бунтѣ крестьянъ въ одной мѣстности, но эта вспышка была быстро потушена воинскими командами. [3]) Всѣ эти выраженія недовольства были однако единичны и слабы. Болѣе рѣзко проявилось недовольство въ старинномъ способѣ: недовольные бѣгутъ изъ государства, требовавшаго отъ нихъ несоразмѣрно съ ихъ платежными силами; бѣгутъ и отъ ненавистнаго рекрутства. Ни угрозы, ни обѣщанія прощенія не въ состояніи остановить бѣглецовъ;

---

[1]) Отечественныя записки 1860 г. Іюнь, стр. 594 и 595.

[2]) Исторія Россіи Соловьева т. 20, стр. 415 и 416. Манштейнъ, стр. 154 и 155.

[3]) Записки Данилова, стр. 45—47.

къ нимъ присоединяются новыя толпы, и тоже бѣгутъ, куда глаза глядятъ, ищутъ лучшаго житья, чѣмъ дома, гдѣ жилось, „что годъ, то хуже.“ [1]).

Такимъ образомъ, вообще мы должны прійти къ заключенію, что недовольный правленіемъ Анны Ивановны народъ относился пассивно къ своему положенію; а потому онъ не могъ относиться активно къ вопросу о перемѣнѣ правительства, если не считать слабыхъ попытокъ въ этомъ родѣ, выразившихся въ явленіи двухъ самозванцевъ, которые были схвачены, не возбудивъ сколько нибудь серьезнаго сопротивленія въ массѣ. Только въ бѣгахъ отъ податной тяготы и отъ притѣсненія правителей и помѣщиковъ выражалась его глухая оппозиція существовавшему порядку, созданному иноземнымъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря этой оппозиціи, Елизавета Петровна и ея приверженцы могли ожидать, что народъ, молча, признаетъ за дочерью Петра Великаго право на престолъ.

Причину своихъ страданій, какъ и въ старину, народъ приписывалъ не царской власти, а боярамъ, которые овладѣли правленіемъ, ибо на тронѣ сидѣлъ „женскій полъ“. Но народъ не могъ знать опредѣленно, что это за бояре, такъ какъ ему не были извѣстны придворныя отношенія. Это и понятно: народъ стоялъ очень далеко отъ нихъ. То, что не было извѣстно податной массѣ, хорошо знали люди, жившіе въ центрахъ и прежде всего въ Петербургѣ. Здѣсь распространителями свѣдѣній о вліятельныхъ лицахъ въ правительствѣ были, напр., разные служащіе при дворѣ, которые зорко слѣдили, какъ люди комнатные, за придворною жизнью. „Я, сообщаетъ одинъ изъ таковыхъ дру-

---

[1]) См. напр. Полн. Собр. Зак. VIII, 5954; VIII, 6024; IX, 6555, IX, 6854; IX, 6612 и др.

Какъ одинъ изъ результатовъ побѣговъ—развитіе мошенничества и разбойничества; статья Есипова «Ванька Каинъ» рисуетъ эту сторону русской жизни въ первую половину XVIII в.: разбойничество процвѣтало не только въ глуши, но близь Москвы и даже въ самой старой столицѣ. (Восемнадц. вѣкъ, т. 3, стр. 395, 296, 298 и 299).

гому, „видѣлъ, что нынѣ оберъ-камергеръ со всемилостивѣйшею государынею во дворцѣ на горѣ при великихъ персонахъ сидѣлъ на стулѣ и держалъ ее за ручку, а у насъ нынѣ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, генералъ-фельдмаршалъ и князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій изстари старые слуги, а они всѣ стоятъ." Товарищъ пояснилъ наблюдателю: „далеко кому такой милости искать—вѣдь оберъ-камергеръ не далече отъ государыни живетъ". [1]) Здѣсь констатируется фактъ вліянія Бирона на государыню. Служилый классъ не хуже придворныхъ служителей знаетъ объ этомъ вліяніи, а равно и о вліяніи другихъ иноземцевъ на дѣла.

При обозрѣніи сбора недоимокъ мы видѣли, что онъ коснулся сильно экономической стороны и служилаго класса. Если при этомъ не упускать изъ вниманія той истины, что экономическій ущербъ скорѣе всего можетъ произвести недовольство, то едва ли кому покажется удивительною та рѣчь служилаго человѣка, которую мы сейчасъ приведемъ. Въ 1732 г. тайный совѣтникъ Ѳеодоръ Наумовъ на охотѣ въ Симбирской губерніи говорилъ своему знакомому маіору Бахметьеву: „нынѣ силу великую имѣютъ господинъ оберъ-камергеръ и фельдмаршалъ Фонъ-Минихъ, которые, что хотятъ, то и дѣлаютъ и всѣхъ насъ губятъ: а именно, Александръ Румянцевъ сосланъ и пропадаетъ отъ нихъ; также генералъ Ягужинскій сосланъ отъ нихъ же, а Долгорукіе и всѣ отъ нихъ пропали, и никто не смѣетъ съ ними говорить. Однакожъ Богъ имъ заплатитъ, и сами тогожъ будутъ ждать". [2])

Существуютъ данныя предполагать, что въ Смоленской губерніи губернаторъ князь Черкасскій очень недоволенъ былъ правленіемъ и замышлялъ „отчислить Смоленскую губернію къ Голштиніи." [3]) На гр. Скавронскаго было донесено, что онъ говорилъ у себя за ужиномъ о близкой смерти императрицы и, мечтая быть императоромъ, хвалился, что разошлетъ „тогда по всѣмъ городамъ указы, чтобъ у всякаго чина людей освидѣтельствовать и переписать, сколько у кого денегъ

---

[1]) Шетарди, стр 51.

[2]) Ibid. —

[3]) Г. Буренинъ въ своей статьѣ въ №№ 7—9 журнала Зари полагаетъ, что дѣйствительно князь Черкасскій имѣлъ замыселъ отдѣлить

имѣется". Доносчикъ Урядовъ, слышавшій это, замѣтилъ: „хорошу-бъ изволилъ ты народу прибыль сдѣлать". Другой человѣкъ на очной ставкѣ сказалъ: „Скавронскій говорилъ, что крестьяне, де, оскудѣли, а у посадскихъ мужиковъ денегъ много, обобрать бы, де, у нихъ, да нищимъ крестьянамъ роздать". Самъ Скавронскій заявилъ, что онъ не помнитъ, чтобы говорилъ о близкой смерти государыни, но въ своихъ словахъ о скудости крестьянской и указахъ сознался; онъ, по его признанію, говорилъ такъ: „какъ бы я былъ императоромъ, тобъ разослалъ тогда по всѣмъ городамъ указы" и пр. Но такія слова имъ были сказаны „безъ всякаго умыслу, съ простоты своей" [1]).

Во всякомъ случаѣ въ этомъ разговорѣ выражается неодобреніе существовавшему въ то время правительству. Такъ высказывали недовольство люди довольно солиднаго общественнаго положенія. Мы видѣли, что они были также недовольны и опалами наиболѣе вліятельныхъ раньше людей въ правительствѣ. То, что̀ говорилъ Наумовъ о Долгорукихъ и др., было дѣйствительными фактами. Правительство, гнѣвное въ особенности на родовитыхъ людей за ихъ стремленіе ограничить самодержавіе, кромѣ князей Долгорукихъ [2]), обрушилось и на князей Голицыныхъ. Такъ, въ 1736 г. кн. Дмитрій Голицынъ былъ приговоренъ къ смер-

къ Голштиніи Смоленскую губернію, подговаривая къ тому шляхтича Милашевича. Но г. Буренинъ думаетъ, что дворянство Смоленской губерніи въ этомъ замыслѣ не имѣло никакого участія. С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи 20 т., 406 и 407 стр.) считаетъ князя Черкасскаго невиннымъ. Если справедливо, что кн. Черкасскій мечталъ о присоединеніи Смоленской губерніи къ Голштиніи, т. е., о признаніи Голштинскаго герцога государемъ, то несомнѣнно, что онъ надѣялся на какой нибудь общественный классъ и, всего вѣроятнѣе, на Смоленское дворянство, хотя, можетъ быть, и не успѣлъ пока навербовать изъ него дѣятельныхъ приверженцевъ. То же обстоятельство, что дѣло кн. Черкасскаго породило значительное число указовъ,—заставляетъ скорѣе думать, что Смоленскій губернаторъ не былъ такъ невиненъ, какъ полагаетъ С. М. Соловьевъ (Указы въ Рус. Арх., 1871 г.).

[1]) Сборникъ отд. русск. языка. и словесности, 9 т., стр. 109.—112.

[2]) Имѣнія кн. Долгорукихъ, послѣ конфискаціи, были пожало-

ти, и только милостью императрицы смертная казнь была замѣнена ссылкой въ Шлиссельбургъ. Мстя за извѣстную попытку, правительство не оставило въ покоѣ даже княжны Юсуповой, дочери умершаго князя Григорія Юсупова, одного изъ участниковъ въ замыслѣ верховниковъ. Въ 1730 г. она была сослана въ женскій Тихвинскій монастырь, а въ 1735 г., по

ваны разнымъ лицамъ. Это пожалованіе имѣетъ цѣлую исторію, до извѣстной степени любопытную по той настойчивости и поспѣшности, съ которыми происходила раздача сказанныхъ имѣній. Впрочемъ, прежде всего нѣкоторыя деревни кн. Василія и Алексѣя Долгорукихъ, а именно, села въ Московскомъ уѣздѣ—Пеклюдово, Горенки, Волынское и Хотунь (14-го Сентября, 1730 г.)—приписываются къ дворцовымъ вотчинамъ (Опись высоч. указ. и повелѣніямъ, хранящихся въ С.-Петерб. сенатскомъ арх. за XVIII вѣкъ, т. 2, № 3876; сост. П. Барановъ, 1875 г.). Далѣе уже начинается раздача. 27-го октября (1730 г.) 1493 души въ Керенскомъ уѣздѣ изъ отписныхъ вотчинъ кн. Василія Долгорукаго были пожалованы кн. Алексѣю Гагарину (Ibid., № 3902); 30-го Октября (1730 г.) крестьянами кн. Долгорукихъ въ одинъ день были снабжены двое—Александръ Кайсаровъ и интендантъ Петръ Мошковъ—(Ibid., №№ 3903 и 3904).

Въ 1731 г. (21-го марта) княжна Гагарина получила въ вѣчное владѣніе 200 крестьянскихъ дворовъ «изъ конфискованныхъ гдѣ-либо деревень кн. Долгоруковыхъ»—(№ 3974). Изъ этихъ же послѣднихъ деревень 2-го Мая того же года были даны крестьяне генералу Семену Нарышкину (№ 3995). Въ 1732 г. (3-го Января) Аннѣ Головиной правительство пожаловало въ вѣчное владѣніе домъ въ Москвѣ, отписанный въ казну у князя Ивана Долгорукаго (№ 4133). Въ томъ же году (9-го Октября) вышелъ указъ, давшій князю Александру Куракину, «изъ отписныхъ у кн Василія Долгорукова вотчинъ», Рятильскую мызу съ деревнями, а также три деревни изъ Виликинской и Перелѣской мызъ (№ 4384).

Правительству хотѣлось не только недвижимое имущество кн. Долгорукихъ, но *и движимое* размѣстить поскорѣе по своему усмотрѣнію. Поэтому въ 1733 г. (11-го апрѣля) оно внушало лицамъ, имѣющимъ у себя имущество, принадлежавшее сосланнымъ князьямъ Алексѣю и Василію Долгорукимъ и ихъ семействамъ,—добровольно объявлять о немъ, «подъ опасеніемъ наказанія» (№ 4591).

27-го іюля (1733 г.) Василій Салтыковъ получилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе приморскій загородный дворъ въ С.-Петербургѣ, принадлежавшій кн. Василію Долгорукому (№ 4705). Этихъ данныхъ достаточно для характеристики заботливости правительства въ отношеніи имѣній кн. Долгорукихъ. Отмѣтивъ эти данныя,

высѣченіи кнутомъ, въ Сибирь, въ Введенскій монастырь [1]). Люди „захудалой" родовитости или же прямо незнаменитые своимъ происхожденіемъ, но получившіе важное значеніе въ глазахъ русскаго общества, благодаря личнымъ заслугамъ, тоже терпятъ униженіе отъ иноземнаго правительства. Такъ впадаетъ въ немилость и отдается подъ судъ извѣстный Василій Никитичъ Татищевъ, „и его опала, говоритъ С. М. Соловьевъ, могла быть приписана только ненависти Нѣмцевъ къ русской знаменитости или высказавшейся въ чемъ нибудь враждѣ русскаго патріота къ ненавистному владычеству иноземцевъ" [2]). Такъ, другой русскій человѣкъ Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, сильный своимъ вліяніемъ при Петрѣ В. и Екатеринѣ I-й, теперь сидитъ въ тюрьмѣ, пока ищутъ доказательствъ его виновности, которыя однако почему-то не отыскиваются [3]). „Какая вина?" спрашиваетъ С. М. Соловьевъ, и отвѣчаетъ: „никакой вины нѣтъ; одна вина: Русскій, а теперь въ приближеніи одни иноземцы" [4]).

Но всего рельефнѣе высказалась нетерпимость иноземцевъ къ русскимъ даровитымъ людямъ въ столь извѣстномъ процессѣ Артемія Петровича Волынскаго, описаннымъ уже нѣсколько разъ нашими историками. Грубая недобросовѣстность суда надъ кабинетъ-министромъ вполнѣ выяснена наукой и сознана массой образованнаго русскаго общества. Постановкой памятника надъ могилой Волынскаго и его товарищей русское общество произнесло свой послѣдній и безпристрастный приговоръ надъ памятью этихъ лицъ, пострадавшихъ за оппозицію иноземному правительству и тѣмъ искупившихъ предъ потомствомъ свои недостатки и пороки.

Всѣ приведенныя политическія мѣропріятія иноземнаго правительства противъ высшей знати и лицъ, выдававшихся своими талантами и заслугами, служатъ добавленіемъ къ

можно думать, что *только село* Замотрино, предоставленное указомъ 1730 г. (9-го Ноября) «на пропитаніе» кн. Сергѣю Долгорукому, *и не было* тронуто правительствомъ.

[1]) Исторія Россіи, 20 т., ст. 405—414.

[2]) Истор. Росс., т. 20, стр. 413.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. стр. 414.

мѣропріятіямъ экономическаго характера въ разсматриваемомъ нами отношеніи: для каждаго служилаго человѣка, безъ различія степени родовитости, было обидно сознаніе, что *русскихъ* родовитыхъ людей погубили *иноземцы*.

Въ 1737 году бывшій совѣтникъ Тимоѳей Тарбѣевъ говорилъ камергеру Бѣликову при бывшемъ же совѣтникѣ Иванѣ Анненковѣ и ассесорѣ Константинѣ Скороходовѣ такія рѣчи: „Биронъ взялъ силу, и государыня безъ него ничего не сдѣлаетъ; какъ всѣмъ о томъ извѣстно, что донесутъ ей, то и сдѣлается. Всѣмъ нынѣ овладѣли иноземцы. Лещинскій изъ Данцига уѣхалъ мильонахъ на двухъ; не даромъ его генералъ графъ фонъ-Минихъ упустилъ; это всё въ его волѣ было. Графъ Ягужинскій обо всемъ писалъ государынѣ, и съ тѣми письмами до уреченной почты ѣздилъ сынъ мой Петръ, бывшій тогда у гр. Ягужинскаго адъютантомъ. И когда графъ фонъ-Минихъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и повидался съ Бирономъ, то и нѣтъ ничего, и всё пропало: знать, что подѣлился съ нимъ. Вотъ какія фигуры дѣлаются у насъ! Государыня ничего безъ Бирона не сдѣлаетъ—всё дѣлаетъ Биронъ. Нѣтъ у нихъ никакого добраго порядку. Овладѣли всё у насъ иноземцы—Биронъ всѣмъ овладѣлъ“ [1]). Такъ говорили приказные люди. Нѣтъ ничего въ этомъ удивительнаго: суровый фискальный режимъ иноземнаго правительства задѣвалъ сильно и ихъ: имъ жилось жутко, они были постоянно подъ опасеніемъ лишенія своего имущества или, по крайней мѣрѣ, значительной части его. Неоспоримо, что въ неудовольствіи ихъ, какъ и вообще всего служилаго класса, большую роль играло національное чувство и въ особенности, вѣроятно, чувство оскорбленнаго національнаго достоинства; но эти чувства питалось тѣми экономическими ущербами, которые непосредственно вытекали изъ суроваго фискальнаго режима.

Думаемъ, причина этого режима коренится въ томъ, что правительство было *иноземнаго* происхожденія. Какъ люди умные, правители увидали, что для поправленія финансовъ необходимо взыскать огромной долгъ населенія государству; отсюда и возникаетъ доимочная канцелярія. „Явилось, говоритъ

---

[1]) **Шетарди, стр. 50 и 51.**

профессоръ Градовскій, истинно кабинетское учрежденіе—доимочная канцелярія, долженствовавшая пополнить казну, истощенную владычествомъ иноземцевъ" [1]. Рѣшивъ это, послѣдніе повели свое дѣло съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и настойчивостью. И тутъ выразилось ихъ происхожденіе: они ариометически, такъ сказать, были убѣждены въ необходимости скорѣйшаго сбора недоимокъ и логически исполняли свою задачу, но они не расчитали платежныхъ средствъ населенія, которыя, вообще, были очень невелики, не расчитали въ силу того, что, какъ Нѣмцы, смотрѣли на чуждый имъ народъ слишкомъ отвлеченно, какъ на нѣчто, почти неодушевленное, существующее только для того, чтобы платить и платить. Вслѣдствіе такого, какъ намъ кажется, отношенія къ управляемымъ и явилось то жгучее недовольство иноземцами, которое выразилось въ словахъ: „нѣтъ у нихъ никакого порядку."

Недовольство это, понятно, не уменьшалось, а усиливалось оттого, что за „неблагонамѣренныя рѣчи" тащили въ тайную канцелярію и жестоко наказывали. „Тайная канцелярія, говоритъ С. М. Соловьевъ, работала" съ небывалымъ усердіемъ, преслѣдуя „дѣло и слово", охраняя спокойствіе страны и честь оберъ-камергера" [2].

Факты доказываютъ справедливость этихъ словъ: всѣ лица, разговоры которыхъ нами переданы, были пытаны и наказаны. Такъ наприм., гр. Мартына Скавронскаго били плетьми нещадно [3], кн. Черкасскаго приговорили къ смерти, но по „милосердію" императрицы, сослали въ Сибирь [4], Тарбѣева высѣкли публично плетьми и сослали въ Камчатку, Авненкова и Скороходова за то, что они слушали Тарбѣева и не донесли на него, сослали „на вѣчно" въ Азовъ [5]. Раскольниковъ тоже таскали въ тайную канцелярію, но не за вѣру, такъ какъ, по мнѣнію автора исторіи Выговской пустыни Ивана Филиппова,—„ея императорское величество вѣры не-

---

[1]) Высшая администрація Россіи XVIII стол. и генералъ-прокуроры, соч. А. Градовскаго, стр. 153.

[2]) Исторія Россіи, 20 т., стр. 418.

[3]) Сборн. отд. Русск. язык. и словесн. 9 т., стр. 112.

[4]) Русскій архивъ, 1871 г.

[5]) Шетарди, стр. 51.

отымаетъ,“ а—за „клеветы,“ вслѣдствіе которыхъ „спрашиваютъ и истязуютъ“ [1]). Огромное количество было ссылаемо въ Сибирь. Если Манштейнъ и преувеличиваетъ, какъ думаетъ гр. Панинъ [2]), число сосланныхъ въ Сибирь, то все-таки оно было очень значительно. Манштейнъ же свидѣтельствуетъ, что во все царствованіе Анны Ивановны таковыхъ было болѣе 20,000 [3]).

На кого же надѣялись недовольные правительствомъ? На кого обращали свои взоры? 17-го Мая 1736 г. одинъ изъ нихъ, послѣ нѣсколькихъ жестокихъ пытокъ, повинился подъ пыткой же, между прочимъ, въ слѣдующемъ: „въ Нерчинскѣ, подавая милостыню нищимъ, говорилъ, чтобы они молились за цесаревну Елизавету Петровну.“ А раньше на вопросъ:„ ты желалъ быть на престолѣ сперва цесаревнѣ, потомъ принцессѣ?“ онъ отвѣчалъ: „до ссылки желалъ цесаревнѣ“ [4]).

Такимъ образомъ недовольство существующимъ правительствомъ создало въ обществѣ желаніе видѣть на престолѣ дочь Петра.

Это желаніе опредѣленнѣе и рѣшительнѣе другихъ общественныхъ классовъ высказало духовенство что̀ можетъ быть объяснено только исключительною судьбою его въ періодъ иноземнаго правительства. Описаніемъ ея мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

---

[1]) Раскольн. дѣла XVIII., т. 1., стр. 408; Исторія Выговской пустыни, стр. 384.

[2]) Русская Старина XXVI т., 1879 г., стр. 610: «число ссыльныхъ, говоритъ гр. Панинъ, въ правленіе Анны Іоанновны показано г. Манштейномъ по народнымъ слухамъ, обыкновенно всё увеличивающимъ».

[3]) Манштейнъ, стр. 248.

[4]) Русская Старина 1873 г. II очень многіе, недовольные своимъ положеніемъ, обращалися къ цесаревнѣ Елизаветѣ, которую они знали тоже за недовольную, съ просьбами о помощи и защитѣ (въ 1 т. Арх. Кн. Воронц. 31—77 стр. заняты цѣлымъ рядомъ такихъ просьбъ въ письмахъ.)

IV.

Духовенство въ періодъ иноземнаго правительства.

Отличительной чертой положенія духовенства въ указанный періодъ является полное невниманіе къ его духовному авторитету со стороны правительства.

И Петръ Великій относился къ духовенству далеко не такъ, какъ его предшественники; но ему, русскому человѣку, было ясно, какую силу заключаетъ въ себѣ этотъ классъ, и поэтому его мѣропріятія по отношенію къ нему отличаются значительною умѣренностью сравнительно съ тѣми, которыя были сдѣланы иноземнымъ правительствомъ. Послѣднее во многихъ случаяхъ опиралось на идеи, наблюдаемыя въ указахъ Петра В.; но, будучи не русскаго происхожденія, оно слишкомъ преувеличивало для себя опасность со стороны духовенства, почему и предпринимало въ отношеніи его черезъ-чуръ радикальныя мѣры. Намѣтивъ эти общія черты различія между временемъ Петра В. и—иноземнаго правительства, мы остановимся еще на этомъ различіи впослѣдствіи теперь же обратимся къ эпохѣ Петра В. и постараемся нарисовать картину мѣропріятій, касающихся духовенства въ этотъ періодъ русской жизни.

Всѣ мѣропріятія Петра Великаго относительно духовенства имѣли въ своей основѣ пользу всего государства и въ частности пользу того же духовенства. Они обусловливались умственнымъ движеніемъ въ Россіи въ XVII в., (особенно,—конца его) и въ началѣ XVIII, когда этимъ движеніемъ начало руководить само правительство, а также экономическими нуждами Россіи въ Петровское время, когда великій императоръ призывалъ на службу государству всѣ общественные элементы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы опустимъ, напр., первую и главную причину мѣропріятій при Петрѣ, то намъ совершенно будетъ непонятно, отъ чего

исчезло въ означенное время сильное вліяніе духовенства на свѣтскую власть, вліяніе, рельефно выступавшее въ московской жизни. Церковь въ Московскомъ государствѣ, оказавши значительныя услуги московскимъ князьямъ при сплоченіи ими разрозненныхъ областей въ единое общественное тѣло, мало по малу, ко времени учрежденія патріаршества развилась въ установленіе вполнѣ самостоятельное, ставшее рядомъ со свѣтскимъ государствомъ. Такимъ образомъ въ государствѣ московскихъ царей мы видимъ государство патріарховъ: Филаретъ и Никонъ называются наравнѣ съ царемъ государями. Повидимому, Московское государство было близко къ теократіи. Но въ то время, какъ происходилъ отмѣченный процессъ, рядомъ съ нимъ постепенно шло другое движеніе въ русскомъ обществѣ, все болѣе и болѣе разростаясь по мѣрѣ наплыва въ Россію европейскихъ идей. Уже въ XV в. оно выразилось въ раціоналистическихъ ересяхъ, а въ XVII в. дало возможность сдѣлать тотъ первый почипъ борьбы свѣтскаго государства съ духовнымъ, который выразился въ паденіи патріарха Никона: при послѣднемъ вліяніе церкви достигло своей высшей точки; съ этого момента можно наблюдать обратный процессъ разложенія этого вліянія.

Геніальный Петръ, явившись яркимъ выразителемъ идей намѣченнаго движенія, идетъ дальше своего отца въ направленіи освобожденія государственной власти отъ опеки духовенства. И это совершается благодаря тому, что онъ прежде всего ѣдетъ учиться въ Европу. Здѣсь у Альбертсона онъ учится математикѣ и навигаціи, у Адама Сило черченію. Въ свое пребываніе въ Амстердамѣ онъ является въ музей Якова Вильде, гдѣ разсматриваетъ археологическія коллекціи. [1]) Въ Амстердамѣ же Петръ учится гравировать. [2]) Затѣмъ при помощи Витзена онъ знакомится съ учеными знаменитостями Германіи, при чемъ разсматриваетъ анатомическій кабинетъ профессора анатоміи Рюйша, о которомъ онъ вспомнилъ въ трудное для себя и Россіи время, въ 1701 г., пославъ ему и Витзену нѣсколько экземпляровъ ящерицъ и

[1]) Пекарскій, Наука и литерат. въ Рос. при Петрѣ В., стр. 8.
[2]) Ibid.,—

червей [1]). Въ Лейденѣ Петръ посѣщаетъ доктора Бэргавена, у котораго тоже осматриваетъ анатомическій кабинетъ [2]). У ахитектора Симона Шейнфойта царь разсматриваетъ коллекцію для изученія натуральной исторіи [3]). Эти немногіе факты приведены нами съ цѣлью охарактеризовать умственное движеніе, послужившее причиной перемѣны взгляда правительства на духовенство. Приведенные и многіе другіе факты, собранные академикомъ Пекарскимъ, показываютъ, что наука, которой интересовался Петръ Великій, реальнаго характера. Отсюда ясно, что умственное движеніе, да еще вдобавокъ съ означеннымъ направленіемъ, не могло ужиться рядомъ съ сильною духовною властью, которая считала почти всякое знаніе ересью, совѣтуя поступать въ отношеніи его слѣдующимъ образомъ: „братіе, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речетъ: вѣси ли всего философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ—учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ“ [4]). Такіе взгляды на науку идутъ рука объ руку съ нетерпимостью къ чужимъ религіямъ [5]). Между тѣмъ то умственное движеніе въ русской жизни, знамя котораго взялъ въ руки самодержавный царь, естественно повлекло за собой изданіе гуманнаго манифеста 16-го Апрѣля 1702 г.: „Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о бла-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid., 10 стр.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid., стр. 3.

[5]) Въ одномъ завѣщаніи царямъ Петру и Іоанну даются совѣты крайней нетерпимости: «костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, татарамъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаніи всеконечно не давати строити нигдѣ; новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ не вводити, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства, во удобствіи имать постригатися и вѣра во Господа Бога возрасти день отъ дне». (Пекарскій, Н. и Л., т. I, стр. 3).

женствѣ души своея..... и накрѣпко станемъ смотрѣть, чтобы никто, какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ отправленіи богослуженія обезпокоиваемъ не былъ" [1]). Такое направленіе не могло ужиться рядомъ съ тѣмъ, представительницей котораго была высшая духовная власть. Она готова была на каждомъ шагу противодѣйствовать всему тому, что основывалось па свѣтскомъ реальномъ знаніи и, какъ на результатѣ его, вѣротерпимости. Петръ Великій, остановившій свою мысль именно на томъ, отъ чего совѣтовала бѣжать старая московская Русь, — хорошо понималъ несовмѣстимость власти духовенства, съ свѣтскими задачами государства. Отсюда является уничтоженіе главы этой власти—патріаршества, оффиціально обнародованное въ извѣстномъ Духовномъ Регламентѣ, гдѣ подвергается рѣзкой критикѣ и ниспроверженію самый принципъ этого учрежденія указаніемъ, главнымъ образомъ, на вредъ, который вытекаетъ изъ совмѣстнаго существованія двухъ почти одинаковыхъ по значенію властей, причемъ духовная, какъ римскій папа, стремится стать выше свѣтской. Такимъ образомъ этимъ актомъ церковь, какъ общественный элементъ, подчинялась государству. Слѣдствіемъ же подчиненія было привлеченіе духовенства къ отбыванію службы государству. Но и тутъ Петръ не обходится безъ аргументаціи. Онъ доказываетъ, что монастыри не должны быть разсадниками дармоѣдовъ, какими они нерѣдко были въ дѣйствительности, а, напротивъ, ихъ назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы брать примѣръ съ древнихъ монастырей, питавшихся отъ трудовъ рукъ своихъ. Подобные монастыри, древняго типа, могутъ принести пользу государству. Исходя изъ такой теоріи, Петръ Великій русскіе монастыри обращаетъ въ богадѣльни для призрѣнія нищихъ, которымъ братія обязана служить, а Невскій монастырь онъ стремится сдѣлать разсадникомъ учителей и дѣятелей для духовно-административнаго поприща; такихъ людей, по мнѣнію Петра, надо „облегчить въ обѣщаніи", ибо монашество для нихъ „является по нуждѣ". Самъ Петръ лично не былъ убѣжденъ въ пользѣ монашества, ибо „прежде съ триста лѣтъ по Хри-

---

[1]) Морозовъ: «Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель», стр. 67 (изъ П. С. З., IV, № 1911).

стѣ не монахи были и многія чудеса на соборахъ явили" [1]), но Петръ В. считалъ невозможнымъ уничтожить монашество, слѣдуя апостолу Павлу, „который хотя обрѣзаніе *и отрицалъ всячески,* по ученика своего Тимоѳея обрѣза, *Іудей ради,* на мѣстѣ" [2]).

Экономическія нужды государства обусловливали собой мѣры правительства, имѣвшія своею цѣлью попользоваться имуществомъ чернаго духовенства и лишними людьми, накопившимися въ средѣ бѣлаго духовенства. Такъ въ 1701 г. былъ возстановленъ учрежденный при царѣ Алексеѣ Михаиловичѣ. Монастырскій приказъ съ цѣлью „управленія патріаршаго и архіерейскаго домовъ и монастырскихъ дѣлъ и имѣній". Суммы, полученныя со всего этого, начинаютъ расходоваться по Высочайшимъ указамъ [3]). Отъ блюстителя патріаршаго престола отнимается производство всѣхъ дѣлъ, кромѣ духовныхъ, но и въ нихъ компетенція его значительно ограничивается [4]). Въ 1711 году въ церковные суды вводятся фискалы отъ правительства [5]). Настоятельная нужда въ деньгахъ въ эпоху преобразованія потребовала на службу государству монастырскіе капиталы: Петръ беретъ изъ монастырей деньги въ значительномъ количествѣ [6]). Но лишь только нужда въ денежныхъ средствахъ сдѣлалась поменьше, какъ преобразователь дѣлаетъ уступку черному духовенству; а именно, въ 1720 г. монастырскія вотчины, изъятыя изъ вѣдѣнія монастырей, снова предоставляются ихъ вѣдѣнію.

Черное духовенство, затронутое Петромъ политическими и экономическими мѣрами, было имъ недовольно и выставляло ему глухую оппозицію. Въ монастыряхъ писались прокламаціи, призывавшія народъ къ бунту [7]). Петръ В.

[1]) Чистовичъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ): указъ о монастыряхъ въ приложеніи.—Этотъ указъ былъ изданъ въ 1724.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., стр. 60, прим. 3: П. С. З., № 1874.

[4]) Ibid., стр. 60.

[5]) Ibid., стр. 61.

[6]) Цифры суммъ, взятыхъ Петромъ изъ монастырей, приведены въ 16 т. Исторіи Россіи С. М. Соловьева, стр. 347 и 348.

[7]) Чистовичъ стр. 59, прим. I.

запретилъ держать въ келіяхъ монастырскихъ чернила и бумагу [1]). „Вотъ, говорилъ о Петрѣ Ѳеодосій,—только коснулся духовныхъ дѣлъ и имѣній, Богъ его взялъ“ [2]).

Что́ касается бѣлаго духовенства, то такъ называемые разборы его въ царствованіе Петра В. обусловливались пользой отъ нихъ не только для государства исключительно, но при этомъ имѣлась въ виду и польза самого приходскаго духовенства. Извѣстно, что эти разборы приходскаго духовенства въ солдаты были слѣдствіемъ точнаго установленія для него штатовъ. Установленіе же штатовъ было вызвано тѣмъ, что въ приходскомъ духовенствѣ, въ силу создавшагося понятія о наслѣдственности церковныхъ мѣстъ, накопилось чрезмѣрное количество лицъ, не имѣвшихъ никакого опредѣленнаго занятія. Это явленіе было невыгодно для народа, кормившаго такихъ лишнихъ людей въ духовенствѣ; невыгодно было и для самого приходскаго духовенства, ибо при обиліи желающихъ получать священно-церковнослужительскія мѣста приходы сдѣлались очень незначительными и бѣдными. [3]). Вслѣдствіе этого еще въ 1660 г. (7168) правительство приказывало отдавать въ военную службу излишнихъ церковно-служительскихъ дѣтей отъ „двух-третьяго“ [4]); но это постановленіе было скоро отмѣнено [5]). Петръ В. повелъ дѣло рѣшительно. Сначала онъ просто приступилъ къ набору лишнихъ людей изъ бѣлаго духовенства въ солдаты, въ которыхъ тогда была великая государственная нужда (1705 и 1708) [6]), а потомъ, когда безмѣстные священно и церковно-служители бросились занимать духовныя мѣста, правительство и приступило къ точному установленію приходскихъ штатовъ

---

[1]) Ibid., стр. 60 (изъ П. С. З. VI. № 3891)

[2]) Ibid., стр. 151, также 162.

[3]) Такъ, встрѣчались приходы въ 15 дворовъ при двоихъ священникахъ: на 400 дворовъ помѣщалось до 7, а на нѣсколько болѣе до 14 священниковъ; причетниковъ попадалось до 50 человѣкъ на 5 свящ. (Знаменскій: «Приходское духовенство», стр. 181; имъ взято изъ Обозр. способ. содер. духов. Любимова, 166—167).

[4]) П. С. З., № 288.

[5]) П. С. З., № 291; упоминается и у Знаменскаго (Приходское духовенство), стр. 181).

[6]) Знаменскій стр 182; имъ взято изъ «Мон. приказа» Горчакова, стр. 226—227.; П. С. З. №№ №2186, и 2308.

(указъ 1722 г.)[1]. Оставшихся за штатомъ, безмѣстныхъ и потому праздныхъ церковниковъ, „отъ чего пользы государственной надѣяться не можно, а токмо умножается воровство“[2], правительство записываетъ въ податное состояніе[3], что́, впрочемъ, начинаетъ практиковаться еще до указа о духовныхъ штатахъ[4] Въ тоже время правительство въ трудные для народа моменты привлекаетъ къ отбыванію повинностей и штатное духовенство, какъ, напр., собираетъ съ него лошадьми и т. п.[5].

Таковы въ общихъ чертахъ мѣропріятія относительно духовенства въ эпоху преобразованія. Съ нихъ мы начали настоящую главу по той причинѣ, чтобы вѣрнѣе понять характеръ мѣропріятій правительства въ отношеніи того же класса въ періодъ иноземнаго правительства.

Послѣ непродолжительной реакціи Петровскимъ постановленіямъ, касающимся духовенства, когда Георгій Дашковъ мечталъ о возстановленіи патріаршества[6] во главѣ русскаго государства является иноземное правительство; оно конечно, не имѣетъ тенденцій реакціи; напротивъ, всѣ его симпатіи на сторонѣ реформы. Но тѣмъ не менѣе факты, которые мы сейчасъ передадимъ, покажутъ все отличіе мѣропріятій этого времени отъ эпохи Петра В.; они вполнѣ докажутъ справедливость того, что́ высказано нами въ началѣ главы.

Отличіе особенно велико въ мѣропріятіяхъ относительно бѣлаго духовенства, и проявляется это отличіе съ самаго начала, съ причины. Мы знаемъ, какія причины влекли за собой мѣропріятія Петра В.; теперь совершенно иное: причина заключается въ стремленіи иноземнаго правительства сдѣлать для себя безвреднымъ бѣлое духовенство.

Въ 1730 г. новымъ правительствомъ издается манифестъ о приведеніи подданныхъ къ присягѣ.[7] Но такъ какъ огра-

---

[1]) П. С. З. VI, 4076.
[2]) Ibid, VI, 4036.
[3]) Ibid, 4072.
[4]) Ibid, № 3932.
[5]) Ibid., № 2142.
[6]) Чистовичъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ», стр. 189 и 229.
[7]) Знаменскій (Приходск. дух.), стр. 218.

пичительныя условія, при которыхъ Анна Ивановна вступила на престолъ, были измѣнены въ духѣ неограниченнаго самодержавія, то правительство нашло необходимымъ констатировать эту перемѣну новымъ манифестомъ и указами о присягахъ, при чемъ одинъ изъ послѣднихъ былъ данъ отъ Синода въ особенности для лицъ духовнаго званія. [1]) Этотъ новый манифестъ и указы вышли въ томъ же, 1730 г. Правительство не остановилось на требованіи означенныхъ двухъ присягъ. Въ 1731 г. оно издаетъ указъ, требующій новой присяги со всѣхъ чиновъ государства. Но этимъ дѣло не кончилось. Издавъ столько указовъ о приведеніи къ присягамъ, правительство пожелало въ точности изслѣдовать,—всѣ ли лица духовнаго званія были у присягъ. Съ этою цѣлью образовывается особая коммиссія. [2]) Изслѣдованіе ея показало, что 5000 человѣкъ въ духовномъ вѣдомствѣ не присягали. [3]) Правительство еще подозрительнѣе начало смотрѣть на духовенство, издавъ въ 1735 году указъ объ отправленіи въ высокоторжественные дни молебствія, а по усопшимъ Императорскимъ предкамъ и родственникамъ—панихидъ. [4]) И по этой части явились опущенія; о виновныхъ правительство въ 1736 г. велитъ присылать извѣщенія въ формѣ экстрактовъ. [5]) Между тѣмъ начались дѣла объ опущенныхъ присягахъ. Эти дѣла сначала производились въ духовныхъ правленіяхъ, но въ 1735 г. они были переданы въ Тайную канцелярію. [6]) Здѣсь разбирательство тянулось до 1736 г., когда для приходскаго духовенства начался цѣлый рядъ наказаній, состоявшихъ главнымъ образомъ въ разборахъ членовъ этого сословія въ солдаты. Хотя и шла тогда турецкая война, но указъ не объясняетъ разборъ исключительною нуждой въ людяхъ для воинскихъ дѣйствій. Онъ говоритъ такимъ образомъ: всѣхъ, небывшихъ у при-

---

[1]) Знаменскій (Прих. духов., стр. 218.
[2]) Ibid., стр. 220.
[3]) П. С. З. IX., 7133.
[4]) Ibid., — 6832.
[5]) Ibid., — 6937.
[6]) Знаменскій, стр. 223.

сяги (которыхъ оказалось болѣе 5000 чел.), а также и тѣхъ, которые будутъ виновны въ томъ же,—губернаторы и воеводы обязаны немедленно разобрать и годныхъ изъ нихъ взять въ солдаты, „дабы видя то, другіе такъ безстрашно чинить не отваживались". [1]) Впрочемъ, изъ таковыхъ повелѣвалось оставить столько, сколько потребно для церковной службы и при томъ тѣхъ, которые къ присягамъ уже приведены и посвящены въ какой-нибудь изъ духовныхъ сановъ. Въ 1736 г. правительство приказываетъ взять въ военную службу 7000 человѣкъ изъ неслужащихъ и незаписанныхъ въ подушный окладъ церковниковъ, которыхъ оставалось еще значительное число, по свидѣтельству указа. [2])

За 1737 годъ можно также привести нѣсколько правительственныхъ предписаній о наборѣ въ солдаты небывшихъ у присяги церковниковъ. Такова резолюція кабинетъ-министровъ, данная 2-го Января. Указъ 13-го Января говоритъ, чтобы брали въ солдаты даже тѣхъ, которые положены въ подушный окладъ, если они не были у присяги, также для примѣра другихъ, какъ въ вышеприведенномъ указѣ 1735 года. [3]) Въ указѣ 20-го Января мы находимъ неположенныхъ въ подушный окладъ церковниковъ въ количествѣ 66,602 человѣкъ; изъ нихъ въ одномъ Петербургѣ и Новгородѣ небывшихъ у присяги оказывается 5,624 человѣка. Изъ тѣхъ и другихъ годныхъ въ службу было приказано взять въ солдаты до окончанія Февраля 1737 года. [4]) Въ томъ же году правительство повелѣваетъ брать въ солдаты безъ разбору, всѣхъ церковниковъ отъ 15 до 40 лѣтъ, годныхъ для военной службы: „развѣ кто изъ нихъ увѣчны, такихъ оставлять." [5])

Правительство настойчиво требовало исполненія своихъ указовъ: вскорѣ послѣ отмѣченнаго указа является его подтвержденіе. [6]) Замѣчанія Синода, что наборы въ такомъ раз-

---

[1]) П. С. З. IX, 7133.
[2]) Ibid., — 7070.
[3]) Ibid., — 7159.
[4]) Ibid., X, 7164.
[5]) Ibid., — 7364.
[6]) Ibid., — 7389.

мѣрѣ влекутъ за собой запустѣніе церквей, сначала не произвели большаго впечатлѣнія на правительство. Оно ограничилось только тѣмъ, что на „убылыя мѣста“ приказало помѣщать такихъ изъ небывшихъ у присяги, которые приведены къ ней и посвящены; это—15-го Марта 1737 года [1]. И затѣмъ, въ томъ же году (30-го Сентября) было позволено, вмѣсто отбыванія виновными въ небытіи у присягъ военной службы, платить 200 руб., или ставить, вмѣсто себя, рекрутъ. [2] Къ этому присовокупляется, что внесшіе 200 руб., или поставившіе за себя рекрутъ, должны быть записаны въ купечество, или въ цехи, и положены въ подушный окладъ. Однако отдѣлываться деньгами не позволялось разстригамъ, которыхъ было велѣно разсылать по гарнизонамъ. [3] Если же мы припомнимъ дороговизну денегъ въ то время, когда 200 руб. были огромною суммой, и бѣдность духовенства, то будетъ очевиднымъ, что очень немногіе могли пользоваться такой льготой даже и изъ неразстригъ. Въ 1738 г. можно отмѣтить нѣкоторыя дополненія къ взиманію штрафа въ видѣ денегъ или купленныхъ рекрутъ. Указами 22-го Января и 19-го Августа объявлено, что тѣ, которые не въ состояніи заплатить штрафа, а въ военную службу негодны, должны быть записываемы въ разсыльщики и биты плетьми; отъ послѣдняго наказанія освобождались только бывшіе до Іюня 1732 г. не свыше 12 лѣтъ. [4] Разборы и наборы въ солдаты произвели опустошеніе въ средѣ приходскаго духовенства. Синодъ, ничего не добившись существеннаго простыми указаніями на убываніе членовъ въ приходскомъ духовенствѣ, представилъ болѣе убѣдительные факты, сообщая которые онъ нѣсколько разъ повторялъ о „крайнемъ недостаткѣ“ лицъ въ клирѣ, отчего многія церкви стоятъ „праздны“. [5] Статистическія свѣдѣнія [6] представленныя изъ разныхъ мѣстъ Россіи не только духовными властями, но и свѣтскими, наглядно убѣждали правительство, чтобы, прекра-

---

[1] П. С. З., X, 7198.
[2] Ibid., — 7989.
[3] Ibid., — 7473.
[4] Ibid., — 7634, 7490.
[5] Ibid., — 7790.
[6] Такъ, Псковская консисторія доносила, что въ ея Епархіи

тивъ разборы, приступить къ исправленію получившагося отъ нихъ зла. Иноземное правительство испугалось того, что надѣлала его неумѣренная подозрительность. Отсюда является рядъ указовъ въ 1738 году, начиная съ Марта этого года и до Апрѣля 1740 г., указовъ, направленныхъ къ восполненію недостатка лицъ въ клирѣ; [1]) но это было уже тогда, когда правленію иноземцевъ былъ близокъ конецъ. [2]).

Теперь, когда мы закончили обозрѣніе мѣропріятій относительно приходскаго духовенства въ періодъ иноземнаго правительства, мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія. Прежде всего отличительной чертой наборовъ духовныхъ лицъ въ указанное время является то, что эти наборы касаются штатныхъ церковниковъ, признанныхъ Петромъ Великимъ необходимыми для русской жизни, первыми учителями народа; отсюда—разница въ мотивировкѣ наборовъ: въ періодъ иноземнаго правительства они объясняются политическими соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ тѣми соціально-экономическими, которыми въ этомъ случаѣ руководился Петръ Великій. Эго иное побужденіе къ разборамъ влечетъ за собой ту страстность по отношенію къ нимъ, которая привела въ концѣ концовъ къ результатамъ, смутившимъ само правительство, начавшее поспѣшно уничтожать плоды своей предъидущей дѣятельности. Изъ сказаннаго

праздныхъ церквей—55; въ другихъ церквахъ не достаетъ 89 протопоповъ и поповъ, 19 дьяконовъ, 9 пѣвчихъ и подъдьяковъ, 167 дьячковъ, пономарей и звонарей; итого: 287 человѣкъ. Изъ донесеній Новгородской епархіи видно, что по 1739 годъ въ солдаты взято духовныхъ лицъ 1293 человѣка. По вѣдомостямъ поповскихъ старостъ и закащиковъ пустыхъ мѣстъ явилось: протопопскихъ и поповскихъ 147, дьяконскихъ 84, пѣвческихъ 6, подъдьяконскихъ 9, церковническихъ 391; итого: 638. Вообще, для замѣщенія «праздныхъ» мѣстъ св. Синодъ насчиталъ 1286 чел. Думали, что «во излишествѣ» 57,812 человѣкъ духовныхъ, и разобрали ихъ въ солдаты; «а оставляются, говоритъ указъ, вездѣ при церквахъ точію малолѣтные, и престарѣлые, и увѣчные». (П. С. З., X, № 7790).

[1]) Отъ наборовъ въ солдаты было избавлено только Малороссійское приходское духовенство, за которое энергично заступились его высшія духовныя лица, опираясь на старинныя привилегіи.

[2]) П. С. З. XI, 8040, 8085, 8130, 8148, 8199.

вытекаетъ: разборы бѣлаго духовенства въ царствованіе Анны Ивановны являются наказаніемъ этого сословія за политическую неблагонадежность, которую правительство усмотрѣло въ несоблюденіи извѣстныхъ намъ постановленій о присягахъ, молебнахъ и панихидахъ. Эти же постановленія въ свою очередь были слѣдствіемъ недовѣрчивости иноземнаго правительства къ православному духовенству, близко стоявшему къ простому народу. Антипатія иноземнаго правительства къ приходскому духовенству, если внимательнѣе вглядѣться, замѣчается въ многочисленныхъ сборахъ съ него драгунскими лошадьми и даже въ заботахъ объ его образованіи, которыя едва ли были искренни, когда параллельно съ ними происходили систематическіе наборы духовныхъ лицъ въ солдаты. [1])

Не было забыто иноземнымъ правительствомъ и черное духовенство. Посмотрѣвъ на бытъ монастырей и поведеніе монаховъ, правительство нашло въ томъ и другомъ очень крупные недостатки: монахи, позабывъ свои обѣты, данные при пострижении, самовольно уходятъ изъ монастырей и живутъ, скитаясь по разнымъ мѣстамъ, весьма безчинно; такимъ образомъ тѣ, которые должны бы подавать примѣръ своимъ поведеніемъ, напротивъ производятъ имъ соблазнъ въ народѣ. [2]) Подобные нравы, рисуемые указами въ общихъ чертахъ, дѣйствительно существовали, ведя свое начало съ-издавна. Уже въ XV в. большинство русскихъ монастырей утрачиваетъ свой первоначальный характеръ собранія людей, испытывавшихъ силу своего духа въ борьбѣ съ „міромъ" или, что́ тоже, съ дьяволомъ. Они, напротивъ, разбогатѣвъ отъ даяній благочестивыхъ людей, стали поддаваться всѣмъ „мірскимъ" порокамъ и прихотямъ, служащимъ не духу, а тѣлу. Не да-

---

[1]) П. С. З., IX, 6497; X, 7424; IX, 7070; IX, 7138; X, 7205— всѣ эти указы о наборахъ лошадьми; а вотъ указы, касающіеся помѣщенія въ школы: X, 7164: «которые при переписи явятся, ни въ воинскую ни въ церковную еще не годны: тѣмъ остаться въ вѣдомствѣ Святѣйшаго Синода, для опредѣленія въ школы»: X, 7385; «въ наукахъ долго въ школахъ отнюдь не держать, но отсылать къ Гражданскимъ управителямъ для опредѣленія въ военную службу». То въ школы, то въ солдаты, (X, № 7169).

[2]) Полн. Собр. З., VIII, № 6177.

ромъ Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, понявъ причину монашескаго растлѣнія, вооружались противъ владѣнія монастырей движимыми и недвижимыми имуществами.

Во второй половинѣ XVI в. и въ оффиціальномъ источникѣ (1551 г.) — „Стоглавѣ", и въ талантливомъ письмѣ (ок. 1578 г.) Іоанна Грознаго къ Кирилло-Бѣлозерскимъ старцамъ рельефно выставляются пороки тогдашней монастырской жизни. Мы видѣли заботы и Петра В. о томъ, чтобы монастыри не были сборищами тунеядцевъ, а чтобы, добывая своими трудами хлѣбъ, служили въ тоже время богадѣльнями для дѣйствительныхъ нищихъ. Заботы Петра В. о монашеской жизни, отчетливо излагаемыя въ указѣ о монастыряхъ и монашествующихъ, имѣли значеніе полной необходимости, ибо къ его времени поведеніе монаховъ достигло крайней степени безобразія. Монахи дѣлали возмутительныя насилія. Въ 1718 г. жена убитаго монахомъ крестьянина Малорусса разсказала такой эпизодъ, приключившійся съ ней и ея мужемъ. Однажды, когда ея мужа не было дома, пришелъ къ ней монахъ и насильно склонилъ ее на любовь, затѣмъ пришелъ къ ней для той же цѣли во второй разъ и тоже достигъ успѣха; когда же явился въ третій разъ, то встрѣтилъ помѣху въ лицѣ присутствовавшаго въ хатѣ мужа. Дѣло было ночью, и въ хатѣ было темно. Мужъ спросилъ: „кто вошелъ?" „Я, свой человѣкъ", отвѣчалъ чернецъ. Мужъ приказалъ женѣ зажечь огонь. Монахъ началъ протестовать, говоря, что онъ „воленъ ходить до монастырской женки". Мужъ разсердился и ударилъ чернеца кочергою. Въ происшедшей затѣмъ дракѣ мужъ былъ убитъ чернецомъ и зарытъ въ выкопанную тутъ же, въ хатѣ, яму. Такіе и подобные подвиги монаховъ были нерѣдки въ Малороссіи, ибо тамъ раздавались, напр., слѣдующія жалобы, приносимыя гетману: „слезно молимъ вашу ясневельможность хоть мало призрѣть насъ отъ обидъ монаховъ, которые своими насиліями, должно быть, скоро заставятъ насъ, побросавши предковскіе дома, уходить изъ Кирѣевки прочь." [1]) Ко времени инземнаго правительства нравы монаховъ, конечно, не могли измѣниться къ лучшему. Ѳеофилактъ Лопатинскій подтвержда-

---

[1]) **Русскій Архивъ 1871 г., стр. 1902 и 1836. (Статья Лазаревскаго о бытѣ вообще духовенства въ Малороссіи и, въ особенности, монашества).**

етъ своимъ свидѣтельствомъ, что нравственность въ монастыряхъ совершенно пала: священникъ-монахъ служитъ обѣдню и во время ея бьетъ дьяконовъ не только руками, но и бросаетъ въ нихъ служебникомъ; скопище подобныхъ монаховъ совершенно разоряетъ монастырь, тратя деньги на „бездѣльныя прихоти"; когда же финансы истощаются, игуменъ начинаетъ барышничать монастырскими лошадьми; не довольствуясь этимъ, онъ беретъ изъ алтаря въ свою келью серебряныя чаши, замѣнивъ ихъ оловянными. [1])

Такъ какъ паденіе монастырскихъ нравовъ было въ значительной степени слѣдствіемъ владѣнія монастырями большими богатствами, то иноземное правительство, вовсе не имѣвшее въ своей дѣятельности клерикальныхъ тенденцій, предпринимаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ опекѣ государственной власти надъ монастырскими имуществами. Между тѣмъ духовенство желало совершенно противоположнаго. Въ Ноябрѣ 1735 г. малороссійское духовенство въ просьбѣ за подписью трехъ архіереевъ заявляло правительству о своемъ желаніи покупать недвижимыя имущества у мірскихъ людей; тутъ же оно просило, чтобы правительство не препятствовало тѣмъ, кто изъ мірянъ захочетъ отдать имѣніе духовенству на поминъ души. За эту просьбу духовенства было велѣно кн. Шаховскому призвать къ себѣ подписавшихся архіереевъ и внушить имъ, „дабы впредь въ прошеніяхъ своихъ такихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ отнюдь не включали." [2])

Правительство думало, что и тѣхъ имуществъ, какія были у чернаго духовенства, движимыхъ и недвижимыхъ, было слишкомъ много, почему прежде всего оно пожелало точно опредѣлить ихъ стоимость. Въ 1738 г. приступили къ освидѣтельствованію мужскихъ и женскихъ монастырей. Изъ кабинета Ея Величества подполковнику Дурнову была дана инструкція сдѣлать перепись въ монастыряхъ Новгородской епархіи монахамъ, монахинямъ и простымъ служителямъ; [3]) кромѣ этого, онъ былъ обязанъ осмотрѣть и описать налич-

---

[1]) Русская Старина, 1886 г.; Январь, стр. 33 (статья Морошкина «Ѳеофилактъ Лопатинскій»).

[2]) Соловьева, Исторія Россіи, т. 20, стр. 320.

[3]) Также узнать о всѣхъ доходахъ и расходахъ, начиная съ 1734 года.

ную денежную казну, хлѣбъ и другіе запасы, лошадей, рогатый и мелкій скотъ, домашнюю птицу и всё остальное, что только будетъ на лицо. Недвижимая собственность должна быть тоже осмотрѣна и описана; сюда отнесены были сады, огороды, пашенныя земли, сѣнные покосы, рыбныя ловли. Предписывается узнать, сколько и съ чего монастыри получаютъ дохода, а также, сколько у монастырей селъ и деревень, и какое количество въ нихъ душъ мужескаго пола; предписаніе не оставляетъ безъ изслѣдованія, въ какомъ разстояніи деревни и села находятся отъ монастырей и отъ „Санктпетербурга", а кстати и на какихъ рѣкахъ они имѣютъ „свое положеніе." Привести все это въ опредѣленную извѣстность необходимо правительству потому, что оно желаетъ узнать о ненадлежащихъ расходахъ, о которыхъ подполковникъ Дурновъ долженъ объявить „съ довольнымъ объясненіемъ". Правительство не намѣрено допускать въ монастыряхъ такихъ расходовъ, которые раньше были чинены для страстей и прихоти. [1]) Но за-то оно заставляетъ монастыри кормить помѣщенныхъ въ нихъ раскольниковъ, а также и офицеровъ изъ иноземцевъ. [2]) Заботясь однако и о томъ, чтобы въ монастыряхъ не скапливалось много народа, правительство въ 1739 г. отнимаетъ у монастырей служителей изъ крестьянства: они возвращаются опять въ свое званіе. [3]) Въ 1739-мъ же году является подтвержденіе архимандритамъ и другимъ монастырскимъ властямъ, чтобы они по своему вѣдомству „сохраняли доброе управленіе и хозяйственное устройство." [4])

Въ 1740 г. члену коллегіи экономіи предписывается осмотрѣть монастырскія вотчины. На него возлагается обязанность, пріѣхавъ въ вотчину, взять „за руками" старостъ и цѣловальниковъ и вмѣстѣ съ ними разсмотрѣть,—не имѣется ли на вотчинѣ государственныхъ подушныхъ, рекрутскихъ и лошадиныхъ наборовъ?

Если имѣется доимка по какой-либо изъ отмѣченныхъ статей, то—писать объ этомъ въ коллегію съ разъясненіемъ,

---

[1]) П. С. З. X, № 7526.
[2]) Ibid., — № 7521; VIII, 6230.
[3]) Ibid., — № 7764.
[4]) Ibid., — № 7791.

вслѣдствіе какихъ именно причинъ запущена эта недоимка. [1]) Недоимка, вообще, собирается также рачительно, какъ и съ другихъ общественныхъ классовъ: недоимки на монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ еще въ 1732 г. было показано 81, 127 рублей — съ 1724 г. Затѣмъ, въ 1740 г. мы видимъ два указа, изъ которыхъ одинъ запрещаетъ монастырямъ курить вино, а другой предписываетъ оставшіяся деньги въ монастыряхъ Новгородской епархіи отобрать въ Новгородскую губернскую канцелярію.

Распоряжаясь такимъ образомъ общимъ монастырскимъ имуществомъ, правительство не оставляло безъ вниманія и частнаго имущества лицъ, принадлежавшихъ къ черному духовенству. Послѣ смерти этихъ послѣднихъ, ихъ имущество не могло быть распредѣляемо по завѣщанію не только родственникамъ, какъ это было установлено при Петрѣ В., но и „въ поминаніе на убогія церкви, и монастыри, и неимущимъ.“ Оставшіяся послѣ смерти монашествующихъ лицъ деньги, серебряную, мѣдную и оловянную посуду было велѣно собирать въ одно мѣсто: все это собранное не должно раздавать и употреблять безъ указа. Платье же и другія „гніющія вещи“, по оцѣнкѣ ихъ, приказано было продавать съ торговъ и вырученныя деньги присовокуплять къ „прочимъ пожиткамъ“, т. е. къ „негніющимъ вещамъ.“ Всему перечисленному — вести записки, назначивъ для этого „добраго и совѣстнаго“ человѣка, который обязанъ подавать рапорты въ Кабинетъ о поступившемъ къ нему имуществѣ умершихъ монаховъ. [2])

Всѣми перечисленными постановленіями правительство налагаетъ свою руку на главный корень зла; но оно на этомъ не останавливается. Оно стремится, посредствомъ регламентаціи, по возможности поднять нравственность монаховъ. Оно прибѣгаетъ къ слѣдующимъ мѣрамъ. Выставивъ въ указѣ 9-го Сентября 1732 г. въ общихъ чертахъ неодобрительное поведеніе монаховъ, правительство въ томъ же году, 22-го Сентября повелѣваетъ брать въ свѣтскій судъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ, бѣжавшихъ изъ монастырей и пойманныхъ

---

[1]) П. С. З., X, № 7531, XI, № 8244, 8076 и 8029.
[2]) Ibid., X, 7387; 7923.

въ свѣтской одеждѣ; таковыхъ приказано было ссылать въ Сибирь, на заводы. [1]) Чтобы монахи не проводили времени безъ дѣла, указъ 1735 г. посылаетъ ихъ, а также и монахинь, въ сибирскіе монастыри съ тѣмъ, чтобы они увѣщевали въ Сибири раскольниковъ, живущихъ при заводахъ; [2]) а чтобы не было предлоговъ для „бездѣльнаго шатанья“ монаховъ и монахинь, указъ 23-го Января 1738 года запрещаетъ архіереямъ, монастырямъ и другимъ духовнымъ властямъ посылать, какъ тѣхъ, такъ и другихъ по дѣламъ; тѣмъ же, которымъ будетъ позволенъ пріѣздъ въ Москву, въ 1740 году было велѣно выдавать подорожныя: послѣднія монахи обязаны представлять, куда слѣдуетъ; это необходимо для того, чтобы можно было „накрѣпко“ наблюдать за ними: „не допускать“ ихъ „безвременно“ „шататься“ и въ томъ, что они дѣйствительно не станутъ этого дѣлать, повелѣвается обязывать ихъ въ канцеляріи синодальнаго правленія. [3])

Не укрылся отъ взгляда правительства сильный упадокъ нравственности и въ первоклассномъ русскомъ монастырѣ— Троицко-Сергіевской лаврѣ. Ему „небезъизвѣстно“ было, что не только простые монахи, но даже іеромонахи, позабывъ „клятвенное обѣщаніе“, заключающееся въ отреченіи отъ міра, живутъ болѣе, чѣмъ въ мірѣ: пьянствуютъ, не хранятъ чистоты нравовъ и производятъ другія всевозможныя „безчинства“. Такихъ монаховъ сначала слѣдуетъ возвратить на истинный монашескій путь увѣщаніемъ; когда же послѣднее не подѣйствуетъ,—привлекать на соборный судъ и затѣмъ наказывать „достойнымъ“ образомъ (т. е. сѣчь) при всей братіи. Если же и послѣ такого наказанія монахи не исправятся, и даже не будетъ никакой надежды на ихъ исправленіе, то такихъ „клятвопреступниковъ“ архимандритъ долженъ отсылать въ Синодъ, а послѣдній—въ Сенатъ, который опредѣляетъ молодыхъ и годныхъ въ солдаты, старыхъ же и негодныхъ—въ работу на рудокопные заводы. На архимандрита, а равно и на выбранныхъ братіей монаховъ, возлагалась также забота „о порядочной монастырской экономіи“, о денежныхъ сборахъ,

---

[1]) П. С. З., VIII, № 6189.
[2]) Ibid., IX, 6835.
[3]) Ibid., X, 7495.
[4]) Ibid., XI, 8012.

посѣвахъ и умолотѣ хлѣба. Имъ предписывалось ежемѣсячно представлять рапорты о приходахъ и расходахъ въ монастырскую канцелярію, „не запущая годъ за годъ". И если окажется что-нибудь утраченнымъ или похищеннымъ, то этимъ же лицамъ повелѣвалось такъ или иначе возвратить убытокъ въ монастырскую казну [1]).

Мало всего переданнаго. Признавая безплодность и даже вредъ монастырей, правительство стремилось ограничить число поступающихъ въ монахи. Длинный рядъ указовъ заявляетъ намъ объ этомъ фактѣ. Въ 1734 г. (10-го Іюня) Ѳеофанъ Прокоповичъ объявилъ именной указъ Синоду, запрещавшій постригать въ монашество во всѣхъ монастыряхъ Россіи; исключеніе сдѣлано было только для вдовыхъ священниковъ, діаконовъ и отставныхъ солдатъ. Если же кто изъ архіереевъ или монастырскихъ властей осмѣлится постричь кого бы то ни было въ монашество, кромѣ тѣхъ, кого позволено, то на архіерея возлагается штрафъ въ 500 руб. изъ его „собственныхъ иждивеній", а монастырскія власти ссылаются навѣчно въ тяжелую работу и при томъ „въ тѣ мѣста, куда тяжко-винныхъ ссылать повелѣно"; движимое имущество властей берется въ казну ея императорскаго величества, въ Святѣйшій правительствующій Синодъ. Что же касается вновь постриженныхъ, то, по снятіи съ нихъ чина, „имъ учинится жестокое наказаніе". [2])

И тѣхъ, которымъ было оставлено право постриженія, правительство указывало постригать съ разборомъ. Ему было извѣстно, что часто даже безъ вѣдома настоятелей постригаются плуты, воры, бродяги и ханжи. Чтобы этого впредь не было, въ 1735 году повелѣно было постригать только послѣ трехлѣтняго искуса „и неуединенно, но при всей братіи" [3]). А въ 1736 г. было запрещено назначать къ постриженію отставныхъ солдатъ [4]). Въ 1738 г. (14-го Марта) правительство не позволяетъ постригать въ монашество никого, сверхъ опредѣленнаго числа [5]). И въ томъ же году

---

[1]) П. С. З., X, 7660.
[2]) Ibid., IX, 6585.
[3]) Ibid.,—6683.
[4]) Ibid.,—6998.
[5]) Ibid., X, 7538.

(25-го Октября) приказано было объявлять свое имущественное состояніе тому, кто желаетъ быть постриженнымъ въ монашество [1]). Это тоже являлось сдержкой для желающихъ поступить въ монахи, ибо мы знаемъ, куда идетъ состояніе по смерти монаха. Въ 1740 году обнаружились результаты сдержекъ. По крайней мѣрѣ, Синодъ изъ присланныхъ вѣдомостей усмотрѣлъ, что „іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ весьма недостаточно": въ нѣкоторыхъ монастыряхъ даже никого нѣтъ, кромѣ престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Вслѣдствіе „умаленія монашескаго чина" многія церкви „стоятъ безъ Божественнаго священно-служенія". Точно такой же недостатокъ оказался и въ дѣвичьихъ монастыряхъ. На такое представленіе Синода послѣдовала Высочайшая резолюція, распространявшая право монашества на гораздо бо́льшее число профессій, чѣмъ это было опредѣлено раньше. Позволили постригать: 1) изъ священнаго чина, 2) изъ служащихъ церковниковъ, 3) изъ разночинцевъ, имѣющихъ отъ своихъ командъ вольные паспорты и не обязанныхъ никакими дѣлами, 4) изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ со свободными отпускными за „помѣщичью" рукою, при чемъ необходимо, чтобы въ отпускной было сказано, что они отпущены для постриженія, 5) изъ семинаристовъ, кончившихъ курсъ и достойныхъ званія монаха. При всемъ этомъ прибавляется, чтобы, испросивши предварительное позволеніе у архіерея (а въ синодальной области—у Синода), постригали безъ излишества, сколько нужно. О постриженныхъ было предписано присылать рапорты съ обозначеніемъ, сколько пострижено и изъ какихъ чиновъ, а также, сколько въ монастыряхъ такихъ церквей, въ которыхъ бываетъ вседневная служба, и какое число такихъ, въ которыхъ служатъ не каждый день; сверхъ того, въ рапортѣ необходимо обозначать, сколько монаховъ назначено къ разнымъ другимъ функціямъ монастырской жизни. Всё сказанное, по мнѣнію правительства, необходимо для той цѣли, чтобы Синодъ могъ знать: „не будетъ ли гдѣ излишнихъ монаховъ?" [2]) Изъ указа 1741 года (26-го Мая) мы узнаемъ, что срокъ искуса для постриженія въ монашество съ трехлѣтняго низводится на шестимѣсячный. [3])

---

[1]) Ibid.,—7671.
[2]) Ibid, XI, 8303.
[3]) Ibid., — 8382.

Всѣ переданныя нами мѣропріятія иноземнаго правителчства относительно монастырей и монаховъ очень напоминаютъ время Петра Великаго. Всѣ они стремятся къ той-же цѣли, къ какой стремился въ данномъ направленіи великій преобразователь: къ уменьшенію зла, представляемаго монастырями, къ полученію отъ нихъ экономической пользы. Въ этомъ пунктѣ мы не можемъ не отмѣтить сходства между сопоставляемыми двумя эпохами.

Но, взявъ во вниманіе не качественную, а количественную сторону мѣропріятій той и другой эпохи, мы должны, какъ и прежде, заключить, что иноземное правительство было въ отношеніи чернаго духовенства менѣе умѣренно, чѣмъ Петръ Великій. Оно и здѣсь достигаетъ того, что Синодъ начинаетъ жаловаться на крайнюю убыль въ монахахъ; иноземное правительство и здѣсь, когда ему приходили уже послѣдніе дни, спѣшитъ измѣнить свою политику.

Если черное духовенство, какъ извѣстно, было очень недовольно Петромъ В. за его мѣропріятія въ отношеніи монастырскихъ имуществъ, то какое же чувство въ монашествующихъ мы должны искать теперь по обозрѣніи мѣропріятій, шедшихъ отъ иноземцевъ, къ которымъ монахи, какъ къ чужестранцамъ, склонны уже были относиться враждебно?

Недовольство среди чернаго духовенства противъ иноземнаго правительства доходило до ненависти къ нему. Въ его рѣчахъ слышится ожесточеніе. Можно сказать, что оно говоритъ не только за себя, но и за болѣе подавленное приходское духовенство, и при этомъ опирается на экономическое угнетеніе иноземцами народа. Иноземцамъ оно приписываетъ всю бѣду. Одинъ изъ духовныхъ говоритъ: „Макаровъ человѣкъ милостивый и всѣмъ былъ приступенъ, когда былъ въ силѣ, а нынѣ не такъ".—Для чего жъ не такъ? спрашиваетъ другой. Слѣдовало поясненіе: „для того, что нынче при домѣ ея величества больше все иноземцы"? [1]) Инициативѣ послѣднихъ приписывалась праздничная жизнь двора, сопровождавшаяся пиршествами на собранныя съ народа деньги.

— „Какъ не боготворятъ чрево", слышалось дышащее ненавистью восклицаніе монаха, „когда, тирански собирая съ

---

[1]) Чистовичъ, стр 561.

бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати, употребляютъ на объяденіе и пьянство, и какъ, по видѣнію Нифонта, сатанѣ жертвы не приносятъ, когда слезные и кровавые сборы употребляютъ на потѣхи? А на всё это Государыню приводятъ иноземцы, понеже у нихъ крестьянъ нѣтъ и жалѣть имъ некого, хоть всѣ пропади". Выслушавъ такую тираду, собесѣдникъ этого монаха замѣтилъ, что у иноземцевъ есть крестьяне. Тотъ отвѣтилъ: „да хотя и есть у нихъ, да не у многихъ, а хотя бы и у всѣхъ были, такъ они берегутъ ли о нашихъ русскихъ крестьянахъ? Чай хуже собакъ почитаютъ. Пропащее наше государство". [1]) Несомнѣнно, указаніе на тяготы народныя являлось для вящаго подкрѣпленія монашескаго недовольства, имѣвшаго самостоятельную причину. Тотъ же монахъ, который многословно указывалъ на народныя слезы и кровь, далѣе невольно замѣтилъ дѣйствительную причину своей обличительной тирады: положеніе ихъ монастырей теперь таково, что „не на что просфоры купить" [2]). Онъ знаетъ, что иноземное правительство способствовало обѣднѣнію монастырей.

Когда до правительства, посредствомъ доносовъ, доходили враждебныя ему рѣчи духовенства, отводившаго въ нихъ свою душу, то виновные призывались къ отвѣту, были истязуемы пытками, и биты кнутомъ, ссылались. Въ юридической части этихъ розысковъ, какъ извѣстно, большое участіе принималъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, знаменитый сподвижникъ Петра Великаго въ дѣлѣ устроенія класса духовенства. Ѳеофанъ примыкаетъ къ иноземному правительству и, пользуясь его недовѣрчивостью къ духовенству, губитъ одного за другимъ своихъ враговъ, которые были готовы погубить его самого въ благопріятое для нихъ время, совпадавшее съ непродолжительнымъ царствованіемъ Петра II. Ѳеофанъ ловитъ рукописныя сочиненія лицъ, недовольныхъ „новшествами", и отыскиваетъ въ нихъ сѣмя оппозиціи существующему правительству. Такъ, разобравъ сочиненіе Маркела Родышевскаго, осужденное еще въ 1731 году за порицаніе въ немъ указа Петра Великаго о монашествѣ и монастыряхъ, онъ приходитъ къ слѣдую-

---

[1]) Чистовичъ, стр. 547.

[2]) Ibid. —

щему выводу: „письмо сіё не иное что есть, только готовый и нарочитый факелъ къ зажженію смуты, мятежа и бунта". [1]). Онъ полагаетъ, что автора побудили къ написанію труда „нѣкіе прилежные наустители"; они-де говорили ему, что имѣетъ быть перемѣна, и обнадеживали „дурака" великимъ награжденіемъ за его трудъ. [2]) Такія и подобныя сообщенія Ѳеофана задѣвали иноземное правительство за живое: его недовѣрчивость и мнительность усиливались, оно начинало чувствовать себя не совсѣмъ безопаснымъ въ чужой странѣ. Оно стремится потушить недовольство жестокими розысками. „Послѣ такихъ сообщеній Ѳеофана Прокоповича, замѣчаетъ Чистовичъ, тайная канцелярія начала дѣйствовать ревностнѣе прежняго". [3]) Къ отвѣту было привлечено множество духовныхъ лицъ. Они другъ на друга наговаривали, стараясь каждый погубить своего собрата, а себя выпутать. Послѣ розысковъ жестокихъ и пытокъ начинались наказанія лицъ изъ монашескаго званія за политическія преступленія въ видѣ письменнаго или словеснаго порицанія существующаго правительства и желанія другаго.

Левъ Юрловъ, Воронежскій епископъ, былъ сосланъ въ Крестный монастырь; приказано не пускать къ нему никого и не давать ни чернилъ, ни бумаги. Если къ нему придетъ письмо, то повелѣвается его распечатать и, прочитавъ, отослать къ губернатору, обязанному „репортовать" объ этомъ въ Сенатъ. Епископа Льва позволили пускать въ церковь, но съ карауломъ. [4]) Архіерея Игнатія, по лишеніи сана, сослали въ Свіяжскій Богородицкій монастырь. [5]) Георгій Дашковъ, тоже по лишеніи сана, посланъ „подъ крѣпкое смотрѣніе" въ Вологодскій монастырь. [6]) Маркелла Родышевскаго сослали въ Бѣлоозерскій монастырь. [7]) Бывшаго Коломенскаго архіерея сослали въ Николаевскій Корельскій монастырь, хотя онъ по преступленію своему и достоинъ былъ

---

[1]) Чистовичъ,—528.
[2]) Ibid.,—531.
[3]) Ibid., 531.
[4]) Ibid.,—289.
[5]) Ibid., 289.
[6]) Ibid.,—292.
[7]) Ibid ,—334.

бы „жестокаго истязанія", но такъ уже было приказано, „по милосердію ея величества". Въ монастырѣ однако предписывается содержать этого архіерея подъ крѣпкимъ карауломъ. [1]) Казанскій архіерей Сильвестръ былъ посланъ въ Александроневскій монастырь „съ тѣмъ, чтобы ему въ служеніи не быть и мантіи архіерейской и палагіи не носить". Извѣстный врагъ Θеофана Прокоповича—Θеофилактъ Лопатинскій пробылъ въ крѣпости до 1740 года. [2]) Лицъ менѣе значительныхъ чѣмъ перечисленныя постигаютъ болѣе тяжелыя наказанія. Въ 1738 году было приказано разстригу Александра Давыдова сослать на вѣчное житье въ Сибирь за то, что переписывалъ сочиненіе Θеофилакта, направленное послѣднимъ противъ Буддея. [3]) Въ 1739 году Аввакумъ за свою простоту („такъ какъ противнаго умысла и злости за нимъ не оказалось"), вмѣсто кнута, былъ битъ плетьми. [4]) Далѣе въ томъ же году идетъ цѣлый рядъ наказаній монаховъ, разстриженныхъ за проступки противъ иноземнаго правительства: разстрига Яковъ Самгинъ, вмѣсто смертной казни, битъ кнутомъ, послѣ чего ему вырѣзаны ноздри, и онъ сосланъ на вѣчно въ Камчатку; разстрига Иванъ Кучинъ тоже битъ кнутомъ и сосланъ на сибирскіе казенные желѣзные заводы; іеромонахъ Ефремъ, по лишеніи сана, битъ кнутомъ и сосланъ навѣчно въ Оренбургъ, на шахты; іеродіаконъ Боголѣпъ, по лишеніи монашескаго сана, вмѣсто кнута, битъ плетьми и отданъ въ солдаты. [5]) Можно бы перечислить еще нѣсколько фактовъ въ томъ же родѣ, но и приведенныхъ, намъ кажется, достаточно, чтобы сдѣлать выводъ, что и наказанія лицъ чернаго духовенства за недовольство правительствомъ въ періодъ иноземцевъ въ Россіи были болѣе жестоки и болѣе неосмотрительны, чѣмъ въ эпоху Петра В. Послѣдній, какъ извѣстно, тоже не долюбливалъ чернаго духовенства; но, будучи русскимъ человѣкомъ, близко знакомымъ съ управляемымъ имъ народомъ и его жизнію, онъ хорошо понималъ, что монахи, имѣя

---

[1]) Чистовичъ, стр. 334. и 345.

[2]) Ibid , стр. 656.

[3]) Ibid.,—657.

[4]) Ibid., ст. 654.

[5]) Ibid., ст. 697.

крѣпкую опору въ народныхъ вѣрованіяхъ, представляютъ силу, съ которой слѣдовало считаться. Иноземное правительство, не обращая вниманія на историческую и современную роль духовенства въ Россіи, стремилось покончить съ нимъ всѣ счеты, хотя и пугалось результатовъ своихъ мѣропріятій противъ него; оно желало исправить сдѣланное, увидавъ, что духовенство дѣйствительно—сила, но уже поздно. Видя проявленіе къ себѣ ненависти въ разговорахъ духовныхъ лицъ, иноземное правительство желало зажать рты устрашеніемъ духовенства, рѣшившись такимъ образомъ на крайнюю мѣру. Но это не повело ни къ чему иному, какъ къ усиленію недовольства противъ иноземнаго правительства. Неблагонадежныя рѣчи продолжали раздаваться. Такъ Казанскій митрополитъ Сильвестръ, жалуясь на лишеніе его сана, говорилъ: „Вотъ лишили меня архіерейскаго сана напрасно. И ей ли.... (здѣсь слѣдуетъ рѣзкое выраженіе объ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ) архіерея судить!“ Мы не слышимъ рѣчей въ средѣ бѣлаго духовенства, что̀, можетъ быть, является результатомъ наибольшей загнанности его въ періодъ иноземнаго правительства; но и безъ „рѣчей“ можно представить себѣ чувства бѣлаго духовенства къ тому правительству, которое его почти поголовно отдало въ солдаты.

Въ своемъ крайнемъ недовольствѣ иноземнымъ правительствомъ духовенство мечтаетъ о его смѣнѣ. Кого же оно хочетъ? Оно указываетъ на дочь раньше нелюбимаго имъ Петра Великаго, съ которымъ теперь, при худшемъ своемъ состояніи, оно примиряется. Это примиреніе замѣчается и въ другихъ классахъ. Образъ перваго императора, по мѣрѣ отдаленія отъ его времени, получалъ всё болѣе и болѣе въ глазахъ потомства величавыя черты. Мы уже видѣли, какъ относился къ его памяти крестьянинъ въ разсматриваемый періодъ; а духовенство доказываетъ, что оно начало забывать свои огорченія отъ Петра В.,—своимъ признаніемъ правъ его дочери на русскій престолъ. „Вотъ наши министры и прочіе господа, говорилось въ средѣ духовенства, „мимо достойной наслѣдницы, государыни цесаревны, избрали на престолъ Россійскій эту государыню императрицу, чая, что при ней не будутъ иноземцы имѣть большины, а цесаревну мимо обошли, мня, что при ней иноземцы будутъ имѣть большину. Но Богъ, за презрѣніе достойной наслѣдницы, сдѣлалъ

надъ нашими головами такъ, что только на головахъ ихъ не ѣздятъ иноземцы". Цесаревна Елизавета казалась духовенству „очень любезной взоромъ", отъ котораго оно ждало лучшей для себя доли. [1]) Какъ же достигнуть того, чтобы цесаревна получила право измѣнить положеніе духовенства? Оно мечтало и о средствахъ: „Богъ милостивъ, доносился изъ среды духовенства голосъ, иногда по надеяніи будетъ и возстаніе, да еще такое, что паче прежняго" [2]).

Все предшествующее изложеніе имѣло цѣлью показать причины, создавшія недовольство иноземнымъ правительствомъ во всѣхъ слояхъ русскаго народа.

Мы видѣли недовольство податнаго населенія тяготами въ видѣ неослабнаго сбора недоимокъ и неуклоннаго исполненія другихъ повинностей; видѣли недовольство служилаго класса, которому тоже былъ не по сердцу строгій экономическій режимъ; видѣли крайнее недовольство духовенства, гнѣвнаго на правительство за „разборы", за опеку надъ имѣніями монастырей и монаховъ, за строгій контроль надъ монастырскими властями въ отношеніи пострижения въ монашество желающихъ, за всевозможныя наказанія подозрѣваемыхъ въ преступныхъ замыслахъ духовныхъ лицъ. Кромѣ этого мы старались выставить и самый характеръ недовольства. За исключеніемъ крестьянства, приписывавшаго тяготы свои непосредственно дворянамъ-помѣщикамъ, всѣ остальные общественные слои враждебно были настроены именно противъ иноземцевъ, противъ иноземнаго происхожденія лицъ, составлявшихъ правительство. Недовольство, гнѣздившееся въ наиболѣе вліятельныхъ классахъ, въ своей послѣдовательности доходило до желанія смѣны правительства.

Вотъ въ этомъ-то всеобщемъ недовольствѣ иноземцами, въ этомъ-то желаніи ихъ смѣны и заключается основная причина ихъ паденія. Иноземное правительство въ Россіи,

[1]) Ibid., стр. 545 и 546.
[2]) Ibid., стр. 547.

въ силу своего происхожденія, едва ли могло поступать здѣсь иначе, чѣмъ оно поступало. Благодаря тому, что оно состояло изъ умныхъ лицъ, среди которыхъ мы видимъ гр. А. И. Остермана, оно производитъ мѣропріятія, напоминающія правленіе Петра Великаго; но если во время истинно-русскаго монарха подобныя же мѣры принимались недовѣрчиво русскимъ обществомъ, то можно было бы a priori заключить относительно того, какъ онѣ принимались тогда, когда исходили отъ иноземцевъ, не имѣвшихъ въ русскомъ сознаніи ровно никакого права распоряжаться дѣлами Русскаго государства. Когда же эти мѣропріятія иноземнаго правительства сдѣлались тяжелѣе Петровскихъ, то общественное недовольство достигаетъ такихъ размѣровъ, что имъ не могли не воспользоваться заинтересованныя въ смѣнѣ правительства лица, и иноземное правительство должно было пасть.

Общественное настроеніе въ Россіи во время правленія иноземцевъ мало того, что представляло желаніе смѣны правительства, оно указывало даже на лицо, достойное по праву занять русскій престолъ.

Эти два желанія, исходившія изъ общественнаго недовольства: желаніе смѣны правительства и желаніе видѣть на престолѣ Елизавету Петровну были причинами двухъ явленій: 1) паденія иноземнаго правительства и 2) признанія за Елизаветой права на престолъ въ теченіи всей остальной ея жизни.

Такимъ образомъ мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, отвѣтили на два существенныхъ вопроса нашей задачи.

Теперь намъ остается выяснить ближайшія причины самаго переворота, совершеннаго посредствомъ заговора заинтересованныхъ лицъ, переворота, за которымъ непосредственно послѣдовало паденіе иноземнаго правительства въ Россіи. Проще говоря: теперь мы отъ общихъ причинъ перейдемъ къ частностямъ, къ ближайшимъ причинамъ событія 25-го Ноября 1741 года.

Прежде всего мы обращаемся къ факторамъ этихъ событій, начавъ съ той связи, которая существуетъ между общественнымъ настроеніемъ въ Россіи въ періодъ иноземнаго правительства и замысломъ въ пользу Елизаветы Петровны. Цесаревна вмѣстѣ съ своими приверженцами прислушивается къ недовольству въ обществѣ иноземцами. Это ее убѣждаетъ въ томъ, что можно начать дѣйствовать въ свою пользу; она даже

надѣется на успѣхъ дѣла, ибо, по ея мнѣнію, „судя по расположенію умовъ, предпріятіе будетъ имѣть счастливый успѣхъ". Къ тому же недовольству внимательно прислушивается французская политика, для которой перемѣна правительства въ Россіи въ пользу дочери Петра Великаго обѣщала большія выгоды. Эта политика въ лицѣ ея представителя въ Россіи, маркиза де ля-Шетарди, входитъ въ сношенія съ Елизаветой, нерѣдко употреблявшей для переговоровъ съ нимъ своего придворнаго врача — Лестока. Всѣ названныя лица, а равно и нѣкоторыя другія (о которыхъ узнаемъ впослѣдствіи) составляютъ заговоръ противъ существующаго правительства съ цѣлію его низвергнуть. Для этого нужна вооруженная сила. Такою-то силою и является гвардія.

Какова эта сила, каковы личности, руководившія ею, сколь велико участіе въ дѣлѣ воцаренія Елизаветы Петровны иностранной политики, какая причина успѣха этого дѣла и каковы его слѣдствія (ближайшія)—все это вопросы, на которые должно отвѣтить наше послѣдующее изложеніе.

V.

Русская гвардія.

„Здѣсь солдатчина и отвага нѣсколькихъ пѣшихъ гвардейскихъ офицеровъ производятъ и въ состояніи произвести величайшіе перевороты". [1]) Такими чертами обрисовываетъ наблюдательный французъ ту силу, на которую Елизавета Петровна и ея партія надѣялись, какъ на орудіе для выполненія своего замысла. Въ дополненіе къ сказанному французомъ мы должны привести свидѣтельство нѣмца, который говоритъ, что гвардія состоитъ почти вся изъ дворянъ, „начиная съ офицеровъ до послѣднихъ рядовыхъ". [2]) Изъ этихъ двухъ сообщеній видно, что гвардія считалась тогда недюжинной силой, и что эта сила являлась представительницею дворянства. Слѣдовательно, чтобы вѣрно понять ея характеръ и стремленія, нужно очевидно остановиться нѣсколько на самомъ общественномъ классѣ, который ее выдѣлилъ.

Въ Московскомъ государствѣ этотъ классъ носилъ названіе просто царскихъ чиновныхъ или служилыхъ людей. Послѣдніе не представляли сословія въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ всѣ они, въ совокупности, не обладали сознаніемъ общности своихъ интересовъ. Это происходило оттого, что „честь" чиновныхъ людей коренилась не въ принадлежности къ извѣстной группѣ общества, надѣленной особыми правами и преимуществами, а въ *отчествѣ*, въ личномъ происхожденіи каждаго служилаго человѣка. [3])

---

[1]) Шетарди, стр. 374.

[2]) Записки Манштейна, стр. 24.

[3]) Романовичъ-Славатинскій: «Дворянство въ Россіи»..., стр. 2.

Однако, если мы станемъ наблюдать всю группу служилыхъ людей, то увидимъ, что она раздѣлялась сама собой на три опредѣленныя части. Въ двухъ изъ нихъ нельзя не замѣтить сознанія общности интересовъ, которыхъ члены той и другой части [1]) не желаютъ раздѣлять съ людьми низшаго сравнительно съ ними общественнаго положенія. Начиная съ низовъ служилаго класса, мы видимъ такъ-называемыхъ дѣтей боярскихъ. Они не замыкались въ особую касту: служилымъ человѣкомъ этой низшей ступени могъ быть и поповскій сынъ, и посадскій, и крестьянинъ. Но слѣдующая ступень служилыхъ людей, уже въ XVII в. называемая, подъ иностраннымъ вліяніемъ, дворянствомъ, заключаетъ въ себѣ черты особности своей группы. Такъ, Котошихинъ свидѣтельствуетъ: „изъ посадскихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, дворянство не дается никому“. [2]) Возведеніе въ чинъ думнаго дворянина Минина изслѣдователями считается чуть-ли не за единственный примѣръ въ этомъ родѣ. Поднимаясь на слѣдующую ступень, мы видимъ здѣсь родовитое боярство, производившее себя отъ Рюрика, Гедимина и отъ старинныхъ московскихъ бояръ. Этотъ слой служилаго класса былъ еще ревнивѣе относительно доступа въ его среду лицъ изъ средняго слоя. Только во второй половинѣ XVII в., при помощи неограниченной царской власти, въ боярство были проведены Ордынъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Да и въ самой средѣ родовитаго боярства принципъ „отчества“ былъ наиболѣе твердъ; отсюда мы замѣчаемъ среди боярства то крайнее развитіе мѣстничества, противъ котораго долго были безсильны Московскіе цари.

Тенденціи послѣднихъ двухъ слоевъ служилаго класса были діаметрально противоположны. Въ то время какъ ро-

---

[1]) При этомъ части должны быть взяты каждая въ отдѣльности.

[2]) У насъ былъ чинъ думнаго дворянина; но не было спеціальнаго названія «дворянство» въ смыслѣ особаго сословія; Котошихинъ очевидно переводитъ иностранное понятіе на русскій языкъ, употребляя слово—«дворянство». Названіе это утвердилось какъ терминъ за извѣстнымъ классомъ только во вторую половину XVIII ст.

довитое боярство, сознавая свое историческое значеніе, постоянно домогается дѣятельнаго и непосредственнаго участія въ государственномъ управленіи, средній слой служилыхъ людей стоитъ за самодержавный принципъ, и въ немъ одномъ видитъ опору для своего возвышенія за личныя заслуги. И въ тотъ моментъ русской исторической жизни, когда самодержавіе стремится въ лицѣ Ивана Грознаго покончить со старыми притязаніями боярства, въ этотъ самый моментъ учреждается грознымъ царемъ чинъ думнаго дворянина — средство для проведенія въ боярскую думу людей неродовитыхъ, но способныхъ своими знаніями и дарованіями оказать правительству большія услуги.

Результатомъ кореннаго различія между родовитыми служилыми людьми и неродовитыми—является между ними тотъ антагонизмъ, который наиболѣе рельефно проявляется въ періодъ великой смуты въ Московскомъ государствѣ, когда всѣ общественные элементы послѣдняго предъявили свои требованія и нужды.... „Возстаніе подъ знаменами Димитрія противъ Шуйскаго, говоритъ С. М. Соловьевъ, „*т. е. противъ правленія бояръ*, охранявшихъ старину, не допускавшихъ въ свои ряды людей новыхъ, такое возстаніе было привлекательно для людей, подобныхъ Ляпунову, Сунбулову и Пашкову, людей, чувствовавшихъ въ себѣ стремленіе быть впереди, но, по происхожденію, не имѣвшихъ на то права“. [1]) Дѣйствительно, „новые люди“, т. е. служилые изъ средняго слоя, въ это время уже настолько энергично требовали себѣ права — повышаться по заслугамъ, что въ пунктахъ условій, на которыхъ Владиславъ признавался Московскимъ царемъ, было сказано: „меньшихъ людей возвышать по заслугамъ“. [2]) Что въ это время „новые люди“ были вліятельны—доказывается ихъ сравнительнымъ обиліемъ въ посольствѣ къ Сигизмунду; здѣсь мы видимъ дьяковъ: Грамотина, Чичерина, Соловецкаго, Витовтова, Апраксина и Юрьева, затѣмъ—Михайла Молчанова, Тимоѳея Грязного, Ѳеодора Андронова, бывшаго московскаго кожевника—все людей, не имѣвшихъ за собой особенно славныхъ происхожденіемъ отцовъ и дѣдовъ. [3])

---

[1]) Исторія Россіи, т. 8, стр. 174.
[2]) Ibid., стр. 297.
[3]) Ibid., стр. 295.

Потребность „повышать по заслугамъ“ во второй половинѣ XVII в. сознается весьма ясно; но родовитые бояре не безъ борьбы покоряются новымъ требованіямъ Тѣмъ не менѣе Алексѣю Михайловичу удается провести въ боярство двухъ неродовитыхъ людей, а сыну его—Феодору Алексѣевичу оффиціально отвергнуть устарѣвшій давно обычай мѣстничества, что было предвѣстіемъ совершеннаго предпочтенія личной заслуги предъ „отчествомъ“, или—табели о рангахъ.

Табель о рангахъ на иныхъ основаніяхъ опредѣляетъ отношенія служилаго класса къ государству. Предъ лицомъ послѣдняго въ идеѣ всѣ лица служилаго класса равны; на службѣ же ихъ значеніе обусловливается не родовитостью, а выслугой, рангомъ. Отсюда являются тѣ новые въ соціальномъ смыслѣ люди эпохи преобразованія, которыхъ часто называютъ „птенцами“ Петра Великаго.

И такъ, теперь, чтобы достигнуть „степеней извѣстныхъ,“ нужно было учиться, служить и *выслуживаться,* при чемъ происходитъ спеціализація службы. За службу члены служилаго класса начинаютъ получать жалованье и чины, вмѣсто прежнихъ помѣстій, которыя, сравнявшись фактически съ вотчинами при Петрѣ В., были сравнены съ послѣдними и юридически. [1])

Изъ указанныхъ выше двухъ разнородныхъ элементовъ (родовитыхъ и неродовитыхъ людей) служилаго класса Петръ В. и задумалъ создать крѣпко сплоченное единое сословіе, въ родѣ англійскаго дворянства; это его стремленіе выразилось въ изданіи закона о единонаслѣдіи и въ объединяющемъ названіи — „шляхетство“; онъ очевидно хотѣлъ, чтобы чиновники, созданные табелью о рангахъ, были одушевлены сознаніемъ единства и своихъ сословныхъ интересовъ. Но такое стремленіе Петра не осуществилось и не могло осуществиться, вслѣдствіе того, что за русскимъ служилымъ классомъ было прошлое, характеризующееся антагонизмомъ двухъ главныхъ слоевъ этого класса. Табель же о рангахъ, открывая возможность неродовитымъ людямъ подниматься къ тѣмъ должностямъ, которыя

---

[1]) За службу также даются земли съ крестьянами въ потомственное владѣніе, что въ XVIII в. сильно и притомъ искусственно развиваетъ крѣпостное право.

раньше соединялись съ происхожденіемъ служилаго человѣка, не могла, конечно, вести къ сплоченію въ единое сословіе двухъ діаметрально-противоположныхъ элементовъ служилаго класса. Напротивъ, на первыхъ порахъ она является масломъ, подлитымъ въ огонь, ибо родовитые люди, увидавъ рядомъ съ собой и даже выше себя на чиновной лѣстницѣ людей неродовитыхъ, не могли переварить такого положенія вещей и при удобномъ случаѣ стремились его упразднить. Отсюда неудивительно, что названіе шляхетства, данное обоимъ слоямъ служилыхъ людей, вскорѣ начинаетъ употребляться, какъ спеціальное наименованіе средняго ихъ слоя, что ясно указываетъ на прежнія грани служилаго класса.

Тѣмъ не менѣе стремленіе Петра В. объединить эти части было не безъ слѣдствій: по плану преобразователя все шляхетство, какъ сословіе привиллегированное, должно было имѣть и привиллегированный родъ службы; идущіе по военной части обязаны были прежде всего служить рядовыми *въ гвардіи*, и это являлось единственнымъ путемъ къ производству въ офицеры. [1]) Но такъ какъ все шляхетство не могло помѣститься въ два гвардейскіе полка (Преображенскій и Семеновскій), и при томъ жизнь въ Петербургѣ для многихъ изъ шляхетства была дорога, то возникъ вопросъ, кого изъ шляхетства принимать въ гвардію. Указъ 1721 г. опредѣлилъ принимать въ гвардію изъ «знатнаго шляхетства». Возникло недоумѣніе, что разумѣть подъ знатнымъ шляхетствомъ? Въ 1724 году было спрошено: считать ли за знатное шляхетство тѣхъ, которые имѣютъ болѣе ста дворовъ, или же по рангамъ? Петръ написалъ лаконически: „по годности считать". Подъ годностью разумѣлось, по всей вѣроятности, годность физическая: и тогда, и послѣ въ гвардію опредѣлялись рослые, сильные и красивые люди. [2])

Это спеціально-дворянское войско привилось къ нашей жизни XVIII в., такъ какъ для этого была почва въ ней; по существу дѣла оно замѣнило прежнее привиллегированное войско стрѣльцовъ съ тѣмъ однако основнымъ различіемъ, что рядовые стрѣльцы выдѣлялись изъ низшихъ слоевъ

---

[1]) Романов.-Слават.: Дворянство въ Россіи, стр. 130.
[2]) Ibid., стр. 131.

Московскаго государства, а гвардія XVIII в. сдѣлалась органомъ шляхетства преимущественно, въ спеціальномъ смыслѣ послѣдняго названія.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе все сказанное, можно а priori заключить, что тенденціи гвардіи XVIII стол., будутъ тенденціями шляхетства, средняго слоя прежнихъ царскихъ служилыхъ людей.

Какъ и всякое надѣленное особыми правами, привиллегированное войско, наша гвардія вскорѣ послѣ своего образованія, почувствовала, что она составляетъ силу, которая можетъ вліять на положеніе дѣлъ „на верху", т. е., во дворцѣ. Это присутствіе въ столицѣ ничѣмъ незанятой военной силы и дѣлаетъ возможнымъ то частое повтореніе „Петербургскихъ дѣйствъ", которое наблюдается, послѣ смерти Петра Великаго, въ теченіи всего XVIII-го вѣка.

Значеніе гвардіи въ XVIII в. особенно рельефно выражается въ двухъ оффиціальныхъ документахъ. Въ прибавленіи къ вопроснымъ пунктамъ Бирону было спрошено у него: „Понеже лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій полки съ пятьдесятъ лѣтъ какъ учреждены, въ которыхъ большая часть знатнаго шляхетства находится и всегда предкамъ нашимъ въ вѣрности находились и т. п., а ты оные хотѣлъ раскасовать для чего, и вмѣсто ихъ изъ какихъ чиновъ желалъ вербовать и для чего большую надежду полагалъ на Измайловскій полкъ и оный похвалилъ"? [1]) И затѣмъ, въ одномъ изъ манифестовъ Екатерины II-ой было поставлено Петру III-му въ вину: „возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобоносимые"... [2])

Ближайшая же причина „дѣйствъ" въ XVIII в. заключалась въ той неопредѣленности правъ престолонаслѣдія, которую оставилъ послѣ себя Петръ Великій. Этою неопредѣленностью на первыхъ же порахъ спѣшатъ воспользоваться Меншиковъ и вообще тѣ, которымъ было выгодно видѣть на престолѣ Екатерину. Рѣшающимъ же дѣятелемъ является здѣсь

---

[1]) Сборн. Отдѣл. русск. яз. и словесн., т. 9

[2]) Восемн. вѣкъ, т. 4, стр. 219

гвардія, которая была согласна имѣть императрицей супругу своего основателя. [1])

Спорный вопросъ скоро снова представился. Родовитые члены Верховнаго Совѣта, по смерти Петра II-го, задумали привести въ исполненіе свою завѣтную боярскую мечту—„себѣ полегчить“, иначе—ограничить самодержавіе. Избранную императрицею герцогиню Курляндскую верховники приглашаютъ на русскій престолъ съ извѣстными условіями, ограничивающими ея императорскую власть. Спорный же вопросъ заключался въ томъ, что шляхетство, до свѣдѣнія котораго дошли слухи о замыслахъ Верховнаго Совѣта, родовитыхъ русскихъ людей, явилось съ совершенно противоположными взглядами на счетъ ограниченія самодержавія. Такимъ образомъ старый антагонизмъ родовитыхъ служилыхъ людей и неродовитыхъ, уже отмѣченный нами въ Московскомъ государствѣ, проявляется и теперь, въ Россійской имперіи. При этомъ, по прежнему, родовитые люди мечтаютъ о своихъ старинныхъ боярскихъ прерогативахъ; неродовитые же люди, шляхетство въ спеціальномъ смыслѣ, устами Волынскаго высказываются слѣдующимъ образомъ: „Слышно здѣсь“, пишетъ Волынскій Салтыкову изъ Казани въ 1730 г., „что дѣлается у насъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ“. [2]) И, дѣйствительно, стремленіе верховниковъ парализовать табель о рангахъ было противоположно тому, чего долго добивались средніе служилые люди и что, наконецъ, дала имъ эта табель: „возвышаться по заслугамъ“. Одинъ же изъ пунктовъ, составленныхъ верховниками, гласилъ: „въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять“. [3]) Отсюда понятно, почему руководителемъ оппозиціи верховникамъ явился Остер-

---

[1]) Князь Щербатовъ: «О поврежд. нравовъ», стр. 31 и 32.
[2]) Романовичъ-Слават.: Дворянство въ Россіи, стр. 68.
[3]) Корсаковъ: Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны, стр. 17.

манъ, человѣкъ, поднявшійся высоко, благодаря личной заслугѣ; понятно, почему и Ягужинскій сдѣлался ярымъ противникомъ замысла, съ которымъ на первыхъ порахъ было согласился по горячности своего характера. И очевидно также то, что эти люди и другіе противники верховниковъ понимали вредъ для себя отъ ограниченія самодержавія. Это обстоятельство не укрылось даже отъ наблюдательности иностранца Манштейна: „чрезвычайно многочисленное въ Россіи мелкое дворянство, замѣчаетъ онъ, опасается болѣе тираніи вельможъ, нежели власти государей“. [1]) Тѣмъ не менѣе среди шляхетства были лица, которымъ не нравилось не ограниченіе самодержавія, но только то, что нѣкоторыя знатныя фамиліи желали захватить въ свои руки верховную власть, устраняя отъ участія въ этомъ же ихъ, считающихъ и себя родовитыми людьми. Вліянію-то этихъ господъ, намъ кажется, и нужно, хотя въ извѣстной степени, приписать то, что сначала Аннѣ Ивановнѣ была поднесена отъ шляхетства просто челобитная, въ которой испрашивалось только обсужденіе кондицій и шляхетскихъ проэктовъ. Это смутило государыню, ожидавшую гораздо большаго. Между тѣмъ „тамъ и сямъ,“ разсказываетъ проф. Д. А. Корсаковъ, „раздавались голоса, утверждавшіе, что *все шляхетство единодушно требуетъ возстановленія самодержавной власти.*“ [2]) Такое, неопредѣленное положеніе дѣла рѣшаетъ совершенно опредѣленно гвардія. Когда шляхетство ушло совѣщаться въ особую залу, чтобы окончательно представить то, чего оно желаетъ, то гвардейскіе офицеры въ присутствіи императрицы подняли шумъ. Они кричали, что не хотятъ, чтобы кто-нибудь предписывалъ законы ихъ государынѣ, которая должна быть такою же самодержавною, какъ и ея предшественники. Гвардейцы, упавъ на колѣна, громко высказывали свою готовность принести къ ногамъ императрицы головы ея „тирановъ.“ [3]) И императрица Анна Іоанновна, вслѣдствіе такихъ громкихъ заявленій, разорвала „кондиціи“ верховниковъ.

---

[1]) Записки Манштейна, стр. 327. Манштейнъ также сообщаетъ, что партія Анны Ивановны старалась поселить недовѣріе къ верховникамъ въ низшемъ дворянствѣ.

[2]) Корсаковъ: Воцареніе Импер Ан. Іоан, стр. 272.

[3]) Восемнадцатый вѣкъ, т. 3, стр. 53 (сообщ. дюка де-Лиріа) и у Корсакова, стр. 272 и 273.

Въ сейчасъ изложенномъ мы должны отмѣтить связь гвардіи съ шляхетствомъ; это и понятно: она, главнымъ образомъ, и состояла изъ его членовъ, и если шляхетство такъ энергично возставало противъ ограниченія самодержавія, то, весьма естественно высказывались за самодержавіе и гвардейцы.

Все предыдущее разсказано съ цѣлью охарактеризовать ту силу, при помощи которой Елисавета Петровна заняла престолъ. Значеніе этой силы сознается еще до „дѣйства" 1730 г. Верховники въ томъ же пунктѣ, которымъ ограничивалъ честолюбіе всякаго породистаго человѣка полковничьимъ чиномъ, объявили, что гвардія должна быть въ вѣдѣніи Верховнаго Совѣта. [1] Императрица Анна, не безъ основанія надѣясь на гвардію, состоящую почти сплошь изъ шляхетства, старалась „задобрить" ее „щедрыми подарками, которые раздавала офицерамъ, стоявшимъ каждый день на караулѣ при ея особѣ". [2]

Значеніе гвардіи въ глазахъ правительства увеличилось послѣ участія ея въ возстановленіи самодержавія императрицы Анны.

Когда недовольство противъ иноземнаго правительства сдѣлалось наиболѣе жгуче, то Биронъ, зная характеръ гвардіи, не могъ не безпокоиться на ея счетъ, ибо онъ къ тому же слышалъ, что она ропщетъ и ждетъ только удобнаго случая дѣйствовать противъ нѣмцевъ-правителей. Въ противовѣсъ Петровской гвардіи образовываются два новыхъ гвардейскихъ полка—Конный и Измайловскій, куда большинство офицеровъ помѣщается изъ иностранцевъ, а рядовые солдаты Измайловскаго полка—„исключительно изъ украинскихъ ландмилицовъ — потомковъ стрѣльцовъ, естественно враждебныхъ потомству погибшихъ". [3] Подозрѣніе Бирона въ отношеніи гвардіи Петра выразилось еще болѣе въ его желаніи ее „раскасовать". [4]

Подозрѣніе герцога имѣло большое основаніе: извѣстно, какимъ образомъ Минихъ устроилъ его судьбу при помощи Петровской гвардіи. Но то, что удалось фельдмаршалу, не

---

[1] Корсаковъ: Воцареніе Анны Іоанновны стр. 17.

[2] Манштейнъ, стр. 23.

[3] Ibid., стр. 32 и 33. Восемнадц. в., т. 2, статья Хмырова: Густавъ Биренъ, стр. 240.

[4] Сборн. отдѣл. рус. яз. и словесн., 9 т.

могло быть прочнымъ по самому существу дѣла. Прочно бываетъ то, что признается всѣмъ народомъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельными его элементами. Между тѣмъ послѣ ареста Бирона власть оставалась въ рукахъ тѣхъ же иноземцевъ, а ихъ-то русскому обществу и было не нужно. Къ тому же есть нѣкоторое основаніе думать, что Минихъ, ведя гвардейцевъ для ареста Бирона, обманулъ ихъ заявленіемъ, что переворотъ совершается въ пользу Елизаветы.[1]) Не даромъ послѣ совершенія дѣла три гвардейскихъ полка шли ко дворцу, будучи убѣждены, что Елизавета Петровна взошла на престолъ. Во всякомъ случаѣ, арестъ Бирона является предвѣстіемъ смѣны всего правительства, первымъ шагомъ къ этому.

Мы отмѣтили выше желаніе наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ элементовъ видѣть на престолѣ дочь Петра; от-

---

[1]) Шетарди, стр. 195, хотя съ другой стороны, Манштейнъ и Финчъ отвергаютъ это (Ibid., стр. 196). Но ихъ опроверженія не на столько, намъ кажется, убѣдительны, чтобы вполнѣ согласиться съ тѣмъ, что Минихъ при арестѣ Бирона дѣйствовалъ честно: Манштейнъ указываетъ только на то, что спрашивали больше солдатъ, бывшихъ при арестѣ, и остерегались спрашивать караульныхъ и перваго адъютанта Миниха, т. е. Манштейна, а Финчъ заявляетъ, что Минихъ, не желая подвергнуться пыткѣ, подтвердилъ всё, что отъ «него хотѣли», и между прочимъ то, что онъ воспользовался именемъ Елизаветы при арестѣ Бирона. Дѣло въ томъ, что поручикъ, который обвинялъ его въ этомъ на очной ставкѣ, «изъявилъ готовность быть наказаннымъ кнутомъ съ условіемъ, чтобы таже участь постигла и Миниха, если онъ, поручикъ, удержится при прежнемъ показаніи». Въ первомъ случаѣ показаніе вѣрно только подъ условіемъ совершенной правдивости Манштейна; что же касается втораго извѣстія, сообщающаго факты, то очевидно, чтобы признать ихъ вполнѣ вѣрными, надо предположить большую проницательность или большой рискъ въ поручикѣ. По Финчу, поручикъ, идя на удалую, какъ бы надѣется на дворянскія чувства Миниха, не могущаго согласиться на его предложеніе. Не имѣя однако данныхъ, — вполнѣ отвергнуть показанія Манштейна и Финча, мы должны всетаки отмѣтить ихъ меньшее вѣроятіе, сравнительно съ тѣмъ, что передаетъ оффиціальный источникъ (П. С. З. т. XI, № 8506). Очень правдоподобно то, что Минихъ, не пренебрегавшій для своего успѣха никакими средствами, могъ воспользоваться именемъ Елизаветы, зная о любви къ ней гвардіи.

сюда естественно, что и гвардія выражаетъ это желаніе, ибо мы знаемъ ту связь, которая существовала между гвардіею и шляхетствомъ. Послѣднее указывало на Елизавету, бывшую ему симпатичною, какъ дочь Петра Великаго, давшаго шляхетству возможность выходить въ „знатные“ чины,—и гвардія, чувствуя опасность для себя отъ правленія иноземцевъ, указываетъ на цесаревну же, имѣя на это и то основаніе, что своимъ существованіемъ гвардія обязана тому императору, дочь котораго „оставлена.“

Въ гвардіи слышалось: „Орелъ леталъ, да соблюдалъ всё дѣтямъ своимъ, а дочь его оставлена“. Солдаты Преображенскаго полка говорили: „Государь (Петръ I), во время государствованія своего, соблюдалъ и созидалъ все дѣтямъ своимъ, а у него, государя, осталась дочь государыня цесаревна Елизавета Петровна, и надобно нынѣ присягать ей государынѣ цесаревнѣ.“ [1])

Гвардейцы не могли примириться съ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, законная наслѣдница, дочь Петра В., устранена отъ престола. Въ день (7-го Октября, 1740 г.), когда состоялась присяга назначенному наслѣднику престола, Іоанну Антоновичу, въ Петербургѣ происходили сцены, въ родѣ слѣдующей. Капралъ Коннаго полка Александръ Хлоповъ встрѣчается съ капраломъ того же полка—нѣмцемъ Гольштремомъ. Нѣмецъ не былъ, по болѣзни, въ строю въ этотъ день и поэтому спросилъ: „зачѣмъ нашъ полкъ въ строю былъ?“ Хлоповъ отвѣтилъ: „присягали мы нынѣ ея императорскаго величества внуку, а государыни принцессы сыну.“ И тутъ же, не сдержавшись предъ нѣмцемъ, онъ мотнулъ головой въ сторону дворца цесаревны и произнесъ:

— „Не обидно-ль?“

Нѣмецъ отвѣчалъ, что онъ со своей стороны не видитъ обиды, и донесъ.... Въ тотъ же день Хлоповъ приставалъ къ своимъ товарищамъ съ вопросомъ: „знаютъ ли они, кому нынѣ присягали?“ Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

— „Богъ знаетъ, я не знаю“.

А другой оказался знающимъ. „Какъ не знать“; говорилъ онъ, „вѣдь слышать, какъ люди говорятъ, что присягали благовѣрному великому князю Іоанну.“

---

[1]) Шетарди, стр. 179.

Хлоповъ имъ разъяснилъ суть дѣла. Онъ сказалъ: „вотъ императоръ Петръ Первый въ Россійской имперіи заслужилъ и того осталось! Вотъ коронованнаго отца дочь, государыня цесаревна, оставлена.“ [1])

Изъ приведенныхъ рѣчей конно гвардейца Хлопова можно заключить, что въ отношеніи правъ цесаревны Елизаветы всѣ гвардейцы (или, по крайней мѣрѣ, большая часть) русскаго происхожденія думали одинаково. Тѣмъ болѣе ратовала за нее гвардія Петра Великаго.

— „Чего ради, кричалъ одинъ Преображенецъ, государыня цесаревна насъ всѣхъ не развяжетъ? Всѣ объ этомъ гребтятъ.“

Его собесѣдникъ говорилъ болѣе опредѣленно: „весь Преображенскій полкъ желалъ быть наслѣдницею государынѣ цесаревнѣ, а наша шестнадцатая рота вся желала-жъ, и я, Кудаевъ, въ томъ на смерть готовъ подписаться.“

Желаніе гвардіи видѣть на престолѣ дочь Петра было такъ сильно, что гвардейцы въ разговорахъ своихъ мечтали идти къ ней самой съ упреками, почему она ихъ „не развяжетъ“. Говорились подобныя рѣчи:

— „Что вы изволите дѣлать?“ такъ начинаетъ фантазировать гвардеецъ, намѣреваясь явиться лично къ цесаревнѣ, и продолжаетъ, быстро переходя въ строгій тонъ:

„Чего ради россійскій престолъ не приняла? Вся наша Россія разорилась, что со стороны владѣютъ. Прикажи идти въ Сенатъ и говорить, какъ наслѣдство сдѣлано, и чего ради государыня цесаревна оставлена, и чья она дочь?

„И ежели прикажетъ“, отважно восклицалъ гвардеецъ, „то прямо побѣгу въ Сенатъ оныя рѣчи говорить.“ [2])

Говорились гвардейцами о родителяхъ правительницы Анны Леопольдовны, Карлѣ-Леопольдѣ, герцогѣ Мекленбургскомъ и Екатеринѣ Ивановнѣ—такія, напримѣръ рѣчи: „Его высочество съ ея высочествомъ, съ благовѣрною государынею царевною Екатериною Ивановною жилъ не согласно, понеже онъ ея не любилъ,“ и тутъ же слѣдовало сравненіе для контраста: „а она государыня царевна (Елизавета)—монаршеская дочь“. Сомнѣвались въ православіи младенца—

---

[1]) Щетарди., стр. 177 и 178.

[2]) Ibid., стр. 205 и 206.

императора Іоанна Антоновича. Указывалось на то, что крещеніе императора было совершено не публично, поэтому гвардіи и неизвѣстно, крещенъ онъ или нѣтъ; нужно бы сдѣлать такъ, чтобы это обстоятельство было для всѣхъ очевидно: слѣдовало бы императора „принести въ церковь соборную Петра и Павла да крестить. Такъ бы всякъ видѣлъ, а то дѣлаютъ и Богъ знаетъ.“ [1])

Интензивность такого настроенія гвардіи была столь велика, что можно было опасаться возстанія солдатъ. Въ Кронштадтѣ солдаты кричали: „Развѣ никто не хочетъ предводительствовать нами въ пользу матушки Елизаветы Петровны!“ Шетарди имѣлъ основаніе писать:

„Гвардейскіе солдаты — и никто не смѣетъ имъ ничего сдѣлать — говорятъ болѣе смѣло, чѣмъ когда либо:... довольно гласно разсуждаютъ,... что послѣ отданія долга верховной власти (похоронъ императрицы Анны), и когда гвардія соберется, то увидятъ, что произойдетъ.“ [2]) Нѣсколько позднѣе онъ писалъ: „Ничто не можетъ быть точнѣе увѣреній, сдѣланныхъ мнѣ... довѣреннымъ, что всѣ гвардейскіе солдаты отправленнаго въ путь (на войну съ Швеціей) отряда привержены принцессѣ“.

Отъ фельдмаршала Миниха, понятно, не могла укрыться суть дѣла: „Въ гвардіи, говоритъ онъ, „составилась партія горячихъ приверженцевъ принцессы, и ей нетрудно было воспользоваться ихъ содѣйствіемъ для достиженія престола.“ [3])

---

[1]) Шетарди., стр. 206.

[2]) Ibid., стр. 149, 312.

[3]) Записки фельдмарш. Миниха, стр. 81. (Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII в).

VI.

Заговоръ противъ иноземнаго правительства въ Россіи.

Извѣстно, что съ воцареніемъ императрицы Елизаветы Петровны связаны интриги въ ея пользу иностранной, преимущественно французской, политики, и чтобы оцѣнить ея значеніе въ предпріятіи Елизаветы, мы естественно должны остановиться и на этомъ факторѣ.

Русская внѣшняя политика, начиная съ Екатерины I-ой, твердо и послѣдовательно придерживалась союза съ Австріей. Такой союзъ былъ очень невыгоденъ для Франціи, ведшей старые счеты съ Римскимъ императоромъ, ибо она опасалась, что союзница Австріи не замедлитъ подать послѣдней помощь въ готовившейся открыться войнѣ ея съ Франціей за Австрійское наслѣдство [1]). Опасенія Франціи были основательны.

Для Россіи, благодаря сильно развившемуся вліянію на нее Западной Европы вообще и въ частности ея политики, наступилъ періодъ вмѣшательствъ въ западно-европейскія распри. Событія, которыя мы сейчасъ вкратцѣ изложимъ, ясно показали Франціи настроеніе русской политики, окончательно убѣдивъ первую во вредѣ для нея австро-русскаго союза.

Послѣ смерти польскаго короля Августа II въ 1733 году, французское правительство старалось посадить на польскій престолъ тестя французскаго короля Людовика XV-го, —Станислава Лещинскаго, который на короткое время уже былъ королемъ Польши, будучи возведенъ на тронъ оружіемъ

[1]) Война открылась послѣ смерти императора Карла VI.

Карла XII, а сведенъ оружіемъ великаго соперника шведскаго короля.

Русская политика выставила своего кандидата въ лицѣ сына Августа II-го, Саксонскаго курфюрста—Августа III, союзника Австріи, котораго и утвердила на польскомъ престолѣ при помощи своихъ войскъ, подъ начальствомъ Ласси. Лещинскій же скрылся въ Данцигъ, откуда однако успѣлъ бѣжать, переодѣвшись крестьяниномъ, а крѣпость 28-го іюня 1734 года сдалась фельдмаршалу Миниху на капитуляцію. Два французскихъ батальона, которые находились въ Данцигѣ, были объявлены военноплѣнными и отведены въ Кронштадтъ. Въ плѣну очутились также французскій посолъ при польскомъ дворѣ маркизъ Монти и его секретарь Терсье, которые были продержаны въ строгомъ заключеніи 18 мѣсяцевъ. Франція съ своей стороны откликнулась на это тѣмъ, что ея эскадра взяла въ плѣнъ нѣсколько русскихъ судовъ. Все это произошло въ 1734 г. А въ 1735 г. восемь русскихъ полковъ подъ начальствомъ Ласси ходили на помощь Австрійцамъ противъ Французовъ на Рейнъ, а другіе 8—остановились на границахъ Силезіи.

Всѣ эти событія привели французскую политику къ убѣжденію, что необходимо для выгодъ Франціи въ ея спорахъ съ Австріей разрушить или, по крайней мѣрѣ, парализовать австро-русскій союзъ.

Французскій политикъ думалъ: „Россія въ отношеніи къ равновѣсію на сѣверѣ достигла слишкомъ высокой степени могущества и..... въ отношеніи настоящихъ и будущихъ дѣлъ Франціи союзъ ея (Россіи) съ австрійскимъ домомъ чрезвычайно опасенъ. Видѣли по дѣламъ Польши, какъ злоупотреблялъ Вѣнскій дворъ этимъ союзомъ“ [1]).

Но Франція понимала, какъ трудно разорвать связи между Русскимъ и Вѣнскимъ дворами, и она считала невозможнымъ совершить это безъ прямыхъ сношеній съ Россіею; эти же сношенія, по мнѣнію Франціи, способны только увеличивать значеніе Россіи, что противно видамъ первой, которая считаетъ болѣе полезнымъ для себя—дружбу со Швеціей [2]). Какимъ же образомъ, по крайней мѣрѣ, парализовать означенныя выше связи? Очень просто: стоитъ только

---

[1]) Шетарди, стр. 37 и 38.
[2]) Ibid., стр. 38.

употребить Швецію въ качествѣ орудія, отвлекающаго силы Россіи съ запада на сѣверъ; иначе—необходимо настроить Швецію такъ, чтобы она объявила войну Россіи. Сдѣлать это было нетрудно, такъ какъ въ Швеціи имѣлась готовая почва для экспериментовъ, предначертанныхъ французскимъ правительствомъ. Французское золото, сыпавшееся въ карманы вліятельныхъ Шведовъ за проведеніе мнѣнія о войнѣ съ Россіей, встрѣчало поддержку въ воинственномъ настроеніи большинства шведскаго общества, которое желало возвращенія Швеціи земель, завоеванныхъ у нея Петромъ Великимъ. Люди вродѣ графа Горна, творца шведской конституціи, зная плохое состояніе финансовъ Швеціи, стояли за миръ съ Россіей; сюда же примкнули тѣ, которые были подкуплены тогдашнимъ русскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ въ Швеціи явились двѣ партіи: патріотическая (за войну) и Русская (за миръ), иначе прозванныя партіями—шляпъ и колпаковъ; при этомъ первая была многочисленнѣе и состояла изъ людей высшаго шведскаго общества [1]. Французское правительство не ограничилось одними поджиганіями патріотическаго жара Шведовъ и подкупами. Оно заключило съ Швеціею трактатъ о субсидіи и употребляло „всѣ усилія, чтобы удалить изъ правительства всѣхъ лицъ“, извѣстныхъ „своею преданностью Англіи и Россіи.“ Всѣмъ этимъ мѣрамъ своимъ Франція приписала то, что Россія начала опасаться Швеціи: именно этимъ, говоритъ французскій политикъ, „можно приписать ея (Россіи) рѣшимость не давать болѣе императору обѣщаннаго вспоможенія, и чрезъ то не остаться безъ своихъ лучшихъ войскъ, какъ это дѣлалось въ три предъидущія компаніи, когда это было можно по случаю совершенной безопасности [2])“. Но тотъ же политикъ отказъ Россіи въ помощи австрійскому императору считалъ недостаточнымъ для разъединенія двухъ союзныхъ государствъ, такъ какъ они „имѣли много причинъ быть соединенными“. Для этого нужны или зависть, или такія событія, которыя сдѣлали бы союзъ этотъ взаимно вреднымъ [3]).

---

[1]) Ibid., VII, VIII; Ешевскій: Очеркъ царств. Елизаветы Петровны, стр. 423.

[2]) Шетарди, стр. 38 и 39.

[3]) Ibid., стр. 40.

Французская политика знала въ общихъ чертахъ о недовольствѣ въ Россіи иноземнымъ правительствомъ и потому стала стремиться идти навстрѣчу событіямъ: она пожелала въ лицѣ своего агента проникнуть въ русскую столицу.

Дѣйствительно, лишь только явилось послѣ извѣстной размолвки нѣкоторое сближеніе между русскимъ и французскимъ дворами, какъ оба они вступили въ дипломатическія сношенія, для чего обмѣнялись посланниками. Въ Парижъ былъ посланъ князь Антіохъ Кантемиръ, а въ Петербургъ маркизъ де-ля Шетарди [1]). Въ инструкціи, данной послѣднему, очень тонко и осторожно сдѣланъ былъ намекъ, что его дѣло въ Россіи должно заключаться не только въ успокоиваніи Петербургскаго двора на счетъ дѣйствій французской политики въ Швеціи, но чтобы маркизъ, руководствуясь идеями политики своего отечества, приложилъ свои старанія къ перемѣнѣ правительства въ Россіи. Французскій дворъ былъ убѣжденъ, что „состояніе Россіи еще не обезпечено на столько, чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ". Французская политика указывала и на причины этого явленія: на недовольство Русскихъ „иноземнымъ игомъ и на незначительность права на престолъ герцогини Курляндской при существованіи цесаревны Елизаветы и сына герцогини Голштинской". Французскій политикъ соображалъ: „трудно предполагать, чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія". Король Франціи, не предписывая ничего „касательно этого предмета" своему посланнику, однако считаетъ необходимымъ, чтобы маркизъ де-ля Шетарди, „употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ, какъ возможно ранѣе, о состояніи умовъ, о положеніи русскихъ фамилій, о вліяніи друзей, которыхъ можетъ имѣть принцесса Елизавета, о сторонникахъ дома голштинскаго, которые сохранились въ Россіи, о духѣ въ разныхъ корпусахъ войскъ и тѣхъ, кто ими командуетъ, наконецъ, обо всемъ, что можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота" [2]).

Съ порученіемъ, выглядывающимъ изъ-за выраженій инструкціи, съ многочисленной свитой, богатыми нарядами и солиднымъ количествомъ бутылокъ вина (116,800), маркизъ

---

[1]) Ibid., III.

[2]) Ibid., стр. 40 и 41.

де-ля Шетарди прибылъ въ Петербургъ 15-го декабря 1739 года [1]). Какъ личность, онъ имѣлъ всѣ данныя, которыя требовались въ то время отъ дипломатовъ: онъ былъ красивъ и уменъ, уклончивъ, всегда говорилъ изысканно и изящно. Его краснорѣчіе могло быть пріятно, но не на долго. Герцогиня Луиза Доротея сравниваетъ маркиза съ хорошимъ рейнвейномъ, который однако, „по отзыву пьющихъ его въ нѣкоторомъ количествѣ, отягчаетъ голову и потомъ надоѣдаетъ"; король прусскій Фридрихъ II-ой сравниваетъ маркиза съ конфетами; король не дѣлаетъ поясненій, но его сравненіе близко подходитъ къ предъидущему; очевидно, королю-философу пріятно было иногда поговорить съ остроумнымъ французомъ, но и только, вслѣдствіе чего онъ и сравнилъ маркиза съ конфетами. Шетарди не былъ глубокимъ умомъ, почему и не могъ внушить людямъ, его знавшимъ, болѣе солидныхъ сравненій. По мнѣнію гр. Панина онъ былъ человѣкъ „бѣглаго ума", который обыкновенно быстро схватываетъ намеки, тонкіе оттѣнки въ разговорѣ, хорошо понимаетъ отдѣльныя событія; но неспособенъ къ творчеству и къ организаторской дѣятельности. Изъ такого качества ума, несомнѣнно, и вытекали та надменность и опрометчивость маркиза, о которыхъ тоже свидѣтельствуетъ гр. Панинъ, и тѣ промахи, которые дѣлалъ Шетарди, интригуя въ пользу Елизаветы [2]). Такимъ образомъ—это былъ довольно талантливый дипломатъ во вкусѣ XVIII в. со всѣми его красивыми и некрасивыми чертами. Такой дипломатъ, весьма естественно сразу понялъ, зачѣмъ онъ посланъ въ Петербургъ.

Явившись сюда, Шетарди сначала приглядывался къ положенію вещей и доносилъ о результатахъ наблюденій своему правительству. Положеніе вещей въ основной ихъ чертѣ было на столько ясно, что его бы понялъ и не такой наблюдательный человѣкъ, какимъ былъ маркизъ: то было недовольство иноземнымъ правительствомъ. Увидавъ, что, дѣйствительно, есть почва для интриги въ пользу цесаревны Елизаветы, Шетарди, какъ уже выше было замѣчено, вошелъ съ ней въ переговоры, которые нерѣдко были ведены чрезъ ея рев-

[1]) Ibid., IV и V.

[2]) Ibid., I—III; Русская Старина, 1879 г; т. XXVI, стр. 615 Замѣч. на Записки Манштейна графа Панина.

постнаго приверженца Лестока, за которымъ стояли, тѣсно сплотившись около Елизаветы, еще нѣсколько человѣкъ: Воронцовъ, Разумовскій, Шуваловы и др.

Теперь, думаемъ, всего удобнѣе покороче познакомиться какъ съ ними, такъ и съ самой цесаревной для болѣе вѣрной оцѣнки ихъ значенія въ дѣлѣ послѣдней.

Мы начнемъ съ Елизаветы Петровны.

Если нужно прежде всего говорить о внѣшности цесаревны, то мы должны замѣтить, что объ ея красотѣ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ источники. Встрѣчаемые въ этихъ свидѣтельствахъ варіанты касаются лишь деталей, причемъ представители разныхъ народностей стремятся выразить сожалѣніе, что Елизаветѣ Петровнѣ недостаетъ тѣхъ прелестей, которыя особенно почитаются ихъ народомъ: такъ, французъ хотѣлъ бы, чтобы ея волосы были нѣсколько рыжеваты, китаецъ,—чтобы глаза поменьше. Вообще же всѣ отдаютъ полную справедливость прекрасному сложенію, нѣкоторой дородности, не мѣшавшей однако ей быть стройной и граціозной; ея высокому росту, отличному цвѣту лица, прекрасной формѣ рукъ и ногъ. Красота Елизаветы является тѣмъ болѣе неоспоримой, что ее признаютъ даже дамы (Екатерина II-я и леди Рондо) [1].

Какова же Елизавета своею нравственной и интелектуальной стороной? Объ этой сторонѣ нельзя говорить безъ отношенія къ ея времени. Родилась она въ такую пору, когда отецъ ея былъ занятъ тяжелой войной, въ годъ Полтавской битвы (1709), а рости ей пришлось въ періодъ еще болѣе тяжелой работы ея отца по необходимому устроенію государства. Петру Великому рѣдко приходилось быть дома, наблюдать за воспитаніемъ своихъ дѣтей. Онъ провелъ всю жизнь въ разъѣздахъ, главнымъ образомъ, по своей болѣе всего на свѣтѣ любимой имъ имперіи, на службу которой, призывая все населеніе, онъ самъ лично, жертвовалъ всѣмъ и въ томъ числѣ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Екатерина нерѣдко сопровождала Петра въ его поѣздкахъ. Дѣти оставались одни, подъ надзоромъ только двухъ женщинъ—

---

[1]) Записки иностранцевъ о Россіи: 51 (Записки Леди Рондо); 171 и 172; или въ Русской Стар. за 1873 г; Записки фельдмарш. Миниха, стр. 87.

Ильинишны и креолки, Елизаветы Андреевны. Само собою разумѣется, что дѣти Петра В., Анна и Елизавета не могли получить даже того воспитанія, какое было для нихъ возможно въ то время, наполненное внѣшней и внутренней борьбой; такое воспитаніе могло бы выдѣлить дочерей Петра изъ ряда обыкновенныхъ тогдашнихъ женщинъ. Елизавета, по своему воспитанію и образованію, является совершенно обыкновенной женщиной того времени, только что выпущенной изъ терема. Она, какъ и всѣ женщины высшаго круга, выучившись французскому языку (уже по смерти Петра В.) и нарядившись въ европейское платье, вовсе не имѣла тѣхъ данныхъ, которыя могли бы послужить ей сдержкой въ ея страстныхъ порывахъ. Эманспированныя русскія женщины разсматриваемаго времени не могли не уклониться въ излишества, въ распущенность, считавшуюся въ высшемъ кругу русскаго общества признакомъ европейской образованности въ продолженіи почти всего XVIII ст. Это опредѣленно указываетъ на то, что мы отмѣчали и раньше: русскій человѣкъ XVIII в., по своимъ внутреннимъ качествамъ, не могъ уйти далеко отъ человѣка XVII в.; вслѣдствіе этого въ это переходное время европейская цивилизація и выражалась у большинства въ дикихъ и уродливыхъ формахъ. Къ числу послѣднихъ принадлежала и нравственная распущенность на европейскій ладъ. Особенно замѣтна она была въ женщинахъ.... И это имѣетъ свою причину: грубыя страсти, раньше незамѣтныя за дверями терема, теперь, когда двери распахнуты настежь, вырвались на волю и начали проявляться въ открытомъ, по свидѣтельству кн. Щербатова, пріискиваньи женщинами себѣ любовниковъ, оставаться безъ которыхъ считала несовременнымъ почти каждая свѣтская женщина. Все это выражалось рѣзко и грубо, ибо нравы были еще грубы. Дамы собственноручно сѣкли кавалеровъ, когда послѣдніе вели себя уже слишкомъ по парижской модѣ: хвастались любовью и страстью къ нимъ разныхъ особъ прекраснаго пола [1]). Елизавета, воспитаніемъ не отличаясь отъ другихъ, явилась вполнѣ дочерью своего вѣка; отсюда ея постоянныя увлеченія множествомъ красивыхъ мущинъ преимущественно прос-

---

[1]) Записки Иностран. о Россіи, т. I—Леди Рондо, стр. 42 и 43.

таго происхожденія, въ чемъ ее обвиняли иностранцы [1]). Иностраннымъ резидентамъ, не смотря на сильный развратъ ихъ собственныхъ дворовъ, всетаки бросалась въ глаза распущенная жизнь цесаревны.

„Поведеніе принцессы Елизаветы, говоритъ де-Лиріа, „съ каждымъ днемъ всё дѣлается хуже и хуже: она безъ стыда дѣлаетъ вещи, которыя заставляютъ краснѣть даже наименѣе скромныхъ“ [2]). Фельдмаршалъ Минихъ приписываетъ легкіе нравы Елизаветы ея природнымъ склонностямъ, утверждая, что будто-бы она „часто говорила своимъ приближеннымъ, что была довольна только тогда, когда влюблялась“ [3]). Нельзя, конечно, сомнѣваться, что ея индивидуальность въ означенномъ отношеніи играла немаловажную роль, но несомнѣнно и то, что ея поведеніе было поведеніемъ очень и очень многихъ женщинъ ея времени, ибо оно является результатомъ недостатка сознанія въ цѣломъ обществѣ нравственныхъ началъ... Но Елизавета извѣстна потомству не отмѣченной только стороной. Напротивъ она была женщиной, въ которой веселость жизни не заглушала высшихъ человѣческихъ стремленій. Она была почти безграмотна, не умѣя написать по-русски сколько-нибудь правильно двухъ строкъ [4]), отличалась довольно свободнымъ поведеніемъ — все это вѣрно, но нельзя также упускать изъ вниманія и того, что, по отзывамъ ея современниковъ, это — была отъ природы очень даровитая натура. Человѣкъ, менѣе всего имѣвшій причинъ ее хвалить, фельдмаршалъ Минихъ, сказалъ: „Елизавета была ода-

---

[1]) Русская Старина, 1873 г. (сообщеніе де-Лиріа): «Принцесса Елизавета, увидавъ себя оставленною, довольно открыто предалась легкомысленной жизни, несвойственной ея сану, имѣя благосклонность къ людямъ низкаго происхожденія, какъ напр., къ гвардейскимъ солдатамъ и другимъ».

Гельбигъ: Русскіе Избранники (Рус. Стар. 1886 г.).

[2]) Восемнадц. вѣкъ, 2 т., стр. 163.

[3]) Записки Миниха, стр. 88.

[4]) Вотъ, напримѣръ, для образцика выдержка изъ ея записки:... вели по темъ же листамъ изътолко же числомъ, какъ в светлое воскресеніе роздано было, авкакия места, то самЪ снаешь.... вели сей вечер. сколко возможно, послать, а достальное завтре. (Русская Старина 1873 г.)

рена отъ природы самыми высокими качествами, какъ внѣшними, такъ и душевными....... У нея былъ живой, проницательный, веселый и вкрадчивый умъ и большія способности“ [1]). Чувствуя свою красоту, она не избѣжала тщеславія и кокетливости, которая идетъ рука объ руку съ умѣніемъ притворяться [2]); въ послѣднемъ ей помогала свойственная ей неподдѣльная веселость и насмѣшливость, унаслѣдованная, вѣроятно, отъ ея отца.

Люди, обладающіе такими свойствами, большею частью честолюбивы, и Елизавета была честолюбива [3]). Но ея честолюбіе, питаемое сознаніемъ своихъ правъ на власть, уживалось съ умѣніемъ выжидать время. Умѣніе же это, въ свою очередь, обусловливалось ея склонностью къ покойной, обильной и ничѣмъ невозмутимой жизни: такая склонность въ послѣдствіи, когда цесаревна сдѣлалась императрицей, развила въ ней порядочную лѣнь [4]); но въ разсматриваемый нами періодъ эта склонность не исключала въ Елизаветѣ твердости духа, особенно, въ рѣшительную минуту. Ласковое и человѣколюбивое обращеніе цесаревны съ низшими довольно извѣстно [5]): слѣдуетъ только припомнить ея отношенія къ гвардейцамъ, которыя приведены въ первой главѣ нашей работы, при изложеніи взглядовъ С. М. Соловьева [6]). Русскимъ людямъ, какъ тоже уже извѣстно, она казалась „любезной“ взоромъ. Иностранцы отмѣтили ея величественность: „ея величественный видъ“, замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, любуясь цесаревною на придворномъ балѣ, „довольно указывалъ мнѣ, что она была дочь Петра I.“ И этой цесаревнѣ давали понять, чтобы она жила экономнѣе. Между тѣмъ она не привыкла себѣ ни въ чемъ отказывать. И не при-

---

[1]) Записки Миниха, стр. 87.

[2]) Леди Рондо, стр. 76; Записки фельдм. Миниха, стр. 88; Записки иностранц. 1 т., стр. 171 и тоже въ Русской Старинѣ за 1873 годъ.

[3]) Записки Миниха, стр. 88; сообщ. де-Лирія (Записки иностранцевъ I, стр. 171 и Руск. Стар. 1873 г.)

[4]) Кн. Щербатовъ: о поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 30.

[5]) Записки Миниха, стр. 88; Записки иностранц. 1 т. стр. 171.

[6]) Послѣднимъ извѣстія въ этомъ родѣ взяты изъ Записокъ фельд. Миниха, стр. 81.

выкла, очевидно, съ того еще времени, когда, какъ говоритъ г. Стромиловъ „роскошная ея натура страстно ринулась предвкусить прелести брачной жизни“ [1]. Эти прелести она предвкушала въ Александровской слободѣ. Здѣсь Елизавету окружали красивые молодые люди: Шубинъ, Бутурлинъ, Лестокъ и др. Вся эта компанія съ веселой цесаревной во главѣ предавалась весьма разнообразнымъ удовольствіямъ. Любимымъ изъ нихъ является травля зайцевъ; Елизавета съ отвагою носилась по полямъ и лугамъ „рядомъ съ любимымъ ея стремяннымъ Гаврилою Извольскимъ, за которымъ слѣдовала цѣлая толпа остальныхъ молодыхъ охотниковъ. Всѣ они зычно кричали: „ату его! ату его!“ [2]) Подобное времяпровожденіе смѣнялось развлеченіями идиллическаго свойства. Елизавета устраивала вечера, на которые приглашались и слободскія дѣвушки. Онѣ пѣли пѣсни, а цесаревна ихъ угощала пряниками, жмычками, цареградскими стручками, калеными орѣхами. Это будни: на такихъ вечерахъ дѣвицы занимались рукодѣльями, и сама Елизавета ткала холсты и пряла шелкъ. Картина праздниковъ гораздо оживленнѣе. Собранные къ цесаревнѣ парни и дѣвки плясали подъ пѣніе самыхъ веселыхъ пѣсенъ, становившихся, вѣроятно, еще веселѣе по мѣрѣ употребленія пѣвцами и пѣвицами „бархатнаго пивца, да сладкаго медку, да праздничной бражки.“ Цесаревна также воодушевлялась общимъ веселіемъ: она тоже пускалась плясать. А вотъ какъ проводилась масляница: Цесаревна мчится на тройкѣ, которой правитъ красавецъ—возница. Елизавета громко поощряетъ своего кучера скорѣе гнать лошадей. Г-нъ Стромиловъ, наблюдая Елизавету въ такомъ положеніи, не можетъ удержаться отъ восклицанія: „словомъ сказать, раздолье, удальство и молодечество неслось за Елизаветой вездѣ по слободѣ.“

---

[1]) Стромиловъ: Цесаревна Елизавета Петровна въ Александровой слободѣ, стр. 15.

[2]) Ibid., стр. 12.

[3]) Шетарди, стр. 383.

Такимъ богатырскимъ привычкамъ соотвѣтствовало и количество разныхъ напитковъ употреблявшихся при дворѣ Елизаветы. По крайней мѣрѣ счеты, объявлявшіе о стоимости этихъ напитковъ, очень смущали Верховный Совѣтъ. Онъ даже нашелъ необходимымъ внушить, чтобы впредь въ счетахъ было больше благоразумія, „и рѣшилъ не отпускать ничего безъ требованій майордома принцессы, Нарышкина“ [1]). Между тѣмъ характеръ цесаревны не желалъ знать подобныхъ сдержекъ: указанія лицъ, власть имѣвшихъ, на ея расточительность могли только её оскорблять; но въ то время, къ которому относятся сообщенные выше факты, на русскомъ престолѣ сидѣлъ законный въ сознаніи русскаго общества царь—Петръ II, и Елизавета была не въ состояніи помышлять о какомъ-либо серьезномъ протестѣ съ своей стороны; она молчала и сносила придирки, маскируя свое недовольство веселостью. Но, послѣ нѣмецкаго правленія цесаревна дѣлается опасной для правительства, а между тѣмъ послѣднее еще болѣе начинаетъ стѣснять её въ доставленіи ей средствъ. Приведемъ, для примѣра, слѣдующіе факты.

Елизавета приказала устроить въ кухнѣ два простѣнка, крыльцо въ садъ и лѣстницу круглую. Для этихъ построекъ она велѣла купить извести, кирпича, плиты и нанять работниковъ, которые кстати должны были сдѣлать въ старыхъ аппартаментахъ новыя печи и починить прежнія. Распорядиться этимъ было поручено гофъ-интенданту Возжинскому. Онъ требовалъ отъ вотчинной канцеляріи 150 рублей,—ему выдали только 50, почему онъ и доносилъ (12 іюня 1740 года), цесаревнѣ: „а нынѣ, за невыдачею денегъ, по онымъ учинилась остановка“ [2]). Немного спустя (1-го іюля) тотъ же Возжинскій доносилъ, что, не смотря на его требованія, вотчинная канцелярія не присылаетъ, „какъ въ праздникъ, такъ и понынѣ,“ говядины для служителей и дѣвушекъ двора цесаревны. Его положеніе тѣмъ болѣе затруднительно, что изъ Смольнаго двора требуютъ, чтобы онъ прислалъ и туда говядины: „а мнѣ, доноситъ Возжинскій, „взять негдѣ; окромѣ ветчины не имѣется [3])“.

---

[1]) Ibid., стр. 14 и 15.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, т. I., стр. 15.
[3]) Ibid., стр. 16.

Такимъ образомъ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ дѣлали непріятности даже въ мелочахъ; ея же широкая русская натура не желала ничѣмъ себя ограничивать.

Это стремленіе къ обилію, эта беззаботность на счетъ того, сколько проѣдено и пропито,—черты, которыми характеризуется старинное русское хлѣбосольство,—не оставили Елизавету Петровну даже и тогда, когда съ годами она сдѣлалась сдержаннѣе. И въ 1741 г., незадолго до вступленія ея на престолъ, при дворѣ цесаревны выходитъ въ мѣсяцъ вина 538 ведеръ и полторы кружки, а въ треть года 2152 ведра и 6 кружекъ [1]). Между тѣмъ денегъ было мало: Елизавета входила въ долги, которые неохотно платили за нее.

Если теперь мы примемъ во вниманіе во 1) привычку Елизаветы къ обильной и щедрой жизни и во 2) строгій контроль надъ ея расходами со стороны правительства, то мы поймемъ то неудовольствіе, съ какимъ цесаревна относилась къ иноземному правительству изъ своихъ чисто личныхъ, можно сказать, домашнихъ видовъ, просто изъ - за того, что ей самой на каждомъ шагу мѣшали жить такъ, какъ бы ей хотѣлось, какъ она привыкла...... И это личное неудовольствіе, нѣтъ сомнѣнія, было самымъ главнымъ побужденіемъ честолюбивой цесаревны воспользоваться, при первомъ удобномъ случаѣ, своими правами на престолъ.

Ганноверецъ Лестокъ, прибывшій въ Россію при Петрѣ В. и сосланный послѣднимъ за какой-то проступокъ въ Казань, былъ возвращенъ изъ ссылки Екатериной І-ой и опредѣленъ къ цесаревнѣ Елизаветѣ въ качествѣ придворнаго врача. Оправдывалъ - ли онъ своими медицинскими знаніями это наименованіе и спеціальное, хирурга—это вопросъ, который для насъ не имѣетъ существеннаго значенія; вѣрнѣе всего предположить, что Лестокъ былъ полузнайка, а, можетъ быть, и совершенный невѣжда во взятомъ на себя дѣлѣ, подобно многимъ иностранцамъ, нахлынувшимъ въ Россію за поисками счастія и оказывавшимся здѣсь людьми профессій, весьма неожиданныхъ для нихъ самихъ. Что касается Лестока, то это былъ авантюристъ въ полномъ смыслѣ этого слова, человѣкъ, никогда не унывавшій. Неоспоримо, что онъ былъ человѣкъ смѣтливый и умный, и

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. I., стр. 23.

это дало поводъ Гельбигу назвать его даже геніальнымъ. [1]) Геніальности въ немъ, несомнѣнно, не было, но за-то была значительная доля веселости. Онъ шутилъ даже тогда, когда ему ничего не оставалось дѣлать, какъ ожидать смерти. Сцена, передаваемая Бюшингомъ, наиболѣе оттѣняетъ эту преобладающую сторону характера Лестока. Бюшингъ явился къ нему въ то время, когда уже Лестокъ перенесъ въ жизни много превратностей, когда обстоятельства успѣли его поднять на высоту, уронить снова въ грязь и опять немного вытащить на поверхность только для того, чтобы уложить его въ постель предъ близкой смертью. Въ такомъ положеніи засталъ его Бюшингъ. Послѣднему въ этотъ же день удалось видѣть Бирона и Миниха, двухъ другихъ баловней счастія. Онъ былъ пораженъ такимъ совпаденіемъ, и ему припомнилась не разъ уже приходившая въ голову оригинальная мысль, которую онъ не замедлилъ высказать. Бюшингъ говоритъ: „часто я мечталъ о томъ, какова будетъ на томъ свѣтѣ встрѣча между этими лицами, которыя столь враждебно относились другъ къ другу на этомъ свѣтѣ". Лестокъ, выслушавъ это, весело произнесъ слѣдующую тираду: „Пока можно считать довольно странною и неожиданною нашу встрѣчу на этомъ свѣтѣ; увидимъ, какъ мы станемъ отвѣшивать поклоны другъ другу. Однако еще недостаетъ четвертаго, а именно графа Бестужева. Если бы явился и онъ, то мы могли бы сыграть вмѣстѣ кадриль, но мы пока въ немъ не нуждаемся". Бюшингъ удивился веселости графа. [2]) На сколько этотъ человѣкъ не терялъ веселаго расположенія духа, на столько онъ былъ надѣленъ легкомысліемъ, которое вредило и ему самому, и едва совсѣмъ не погубило заговора въ пользу цесаревны Елизаветы. [1]) Таковъ „хирургъ" Лестокъ.

Остальные приверженцы Елизаветы были очень дюжинные люди; о нихъ достаточно сказать нѣсколько словъ. Воронцовъ, былъ кажется, изъ людей аккуратныхъ,

[1]) Гельбигъ: Русскіе избран., Русская стар. 1886 г.

[2]) Историческій Вѣстникъ 1886 г., Іюль, статья проф. Брикнера, «Антонъ-Фридрихъ Бюшингъ,» стр. 20.

[3]) Манштейнъ, стр. 230 и 234.

но и только. Въ журналѣ его, который онъ ведетъ, по вступленіи на престолъ Елизаветы, мы видимъ тщательно записанныя извѣстія русскихъ резидентовъ при иностранныхъ дворахъ и не видимъ ровно никакихъ соображеній. [1]) Все это, несомнѣнно, заявляетъ о его добросовѣстности, такъ что Манштейнъ имѣлъ основаніе назвать его честнымъ, но, если и слишкомъ преувеличенъ его другой отзывъ, по которому Воронцовъ является человѣкомъ чрезвычайно ограниченнымъ, то все таки нѣкоторая доля правды есть и въ этомъ мнѣніи [2]).

Близко подходитъ къ Воронцову по своимъ умственнымъ способностямъ и Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій; но то былъ человѣкъ инаго склада характера: бывшій лемешскій пастухъ—лѣнивъ отъ природы. Вслѣдствіе этого обстоятельства, онъ отстранялся отъ дѣлъ и впослѣдствіи, когда Елизавета достигла трона, понявъ къ тому же своимъ простымъ здравымъ смысломъ, что онъ не годится для дѣлъ и по недостатку способностей, и, главное, по совершенному отсутствію образованія. Только для двухъ вопросовъ онъ не лѣнился употреблять въ дѣло свое вліяніе на Елизавету: первый касается дѣлъ духовенства, а второй родной ему Малороссіи. „Благодаря Разумовскому, говоритъ Васильчиковъ, вліяніе духовенства на набожную и суевѣрную Елизавету приняло огромные размѣры". Много пользы принесло вліяніе этого простаго человѣка Малороссіи, къ которой онъ всегда относился съ теплою любовью, не гнушаясь въ своей долѣ земляками, а, напротивъ, принимая въ нихъ большое участіе. За-то и въ Малороссіи его любили, поздравляя его, какъ скоро слышали, что ихъ Розумъ получилъ награду. [3])

Что касается Шуваловыхъ то Александръ Ивановичь на столько безцвѣтенъ, что о немъ нельзя сдѣлать лучшей характеристики, какъ, приложивъ этотъ эпитетъ. Его братъ, Петръ Ивановичъ, обыкновенно считается гораздо способнѣе своего старшаго брата; но, по мнѣнію Васильчикова, „на

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, т. 3, стр. 1—142.
[2]) Манштейнъ, стр. 245.
[3]) Восьмнадц. вѣкъ, т. 2, стр. 408 и мн. друг. (Статья Василь-

самомъ дѣлѣ онъ способенъ былъ только къ мелкимъ придворнымъ интригамъ". [1])

Всѣ перечисленныя лица участвовали въ совѣщаніяхъ, которыя устраивала Елизавета Петровна передъ переворотомъ.

Обыкновенно въ числѣ ея ближайшихъ приверженцевъ упоминаютъ еще двухъ лицъ: бывшаго музыканта Шварца и рядоваго гвардейскаго солдата Грюнштейна. Эти люди извѣстны, какъ участники въ предпріятіи Елизаветы, въ качествѣ прислужниковъ, почему отъ нихъ нечего ожидать рѣшающаго вліянія на ходъ заговора. [2])

И, вообще, изъ сдѣланныхъ краткихъ характеристикъ нельзя не заключить, что спорный вопросъ о рѣшающемъ вліяніи въ заговорѣ можетъ касаться только трехъ лицъ: Шетарди, Елизаветы и Лестока. Этотъ вопросъ должны рѣшить факты хода заговора и положенія вещей въ Петербургѣ до признанія Елизаветы императрицей.

Въ Петербургѣ прежде всего раздается много рѣчей со стороны французскихъ дипломатическихъ агентовъ. Неизвѣстный авторъ пишетъ отсюда во Францію записку, въ которой высказываетъ крѣпкое убѣжденіе, что для интересовъ французскаго короля успѣхъ Елизаветы имѣетъ огромное значеніе. По его мнѣнію есть два средства, одинаково сильныя въ пользу Елизаветы: одно — религія, другое — отмщеніе оскорбленія, нанесеннаго духовенству, исключеннаго изъ собранія чиновъ при избраніи на царство Анны (1730). Указаніе на лютеранство отца и матери императора, котораго они могутъ воспитать въ догматахъ этой религіи, послужитъ поводомъ для возбужденія духовенствомъ народа по приказу гр. Остермана, для чего этого послѣдняго надо привлечь на сторону Елизаветы. Авторъ записки такъ доволенъ своимъ проэктомъ, что восклицаетъ: „что можетъ быть сильнѣе и способнѣе для возбужденія черни и солдатства. Дѣйствуя такимъ образомъ, духовенство будетъ думать, что оно защищаетъ свое собственное дѣло"! Авторъ удивляется, какъ это маркизъ де ля Шетарди „не упомянулъ ничего объ участіи, которое можетъ принять

———

чикова: «Семейство Разумовскихъ»). Манштейнъ, стр. 243 и 244.

[1]) Восемнадц. вѣкъ т. 2, стр. 515 (статья Васильчикова, «Семейство Разумовскихъ»).

[2]) Русская Старина, 1886 г. (Рус. избранники Гельбига).

духовенство въ дѣлѣ принцессы Елизаветы". [1]) Такъ думалъ неизвѣстный авторъ, откуда нельзя не видѣть стремленія Франціи сдѣлать Елизавету и ея партію орудіемъ своихъ собственныхъ выгодъ.

Въ этомъ основномъ тонѣ и маркизъ Шетарди не заслуживаетъ упрека. Послѣ низверженія Бирона онъ особенно ревностно начинаетъ интриговать въ пользу Елизаветы съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ея успѣхомъ для выгодъ своей политики. Тѣмъ не менѣе онъ старается убѣдить цесаревну, что Франція заботится только объ ея выгодахъ. Елизавета весьма уклончиво замѣчаетъ, что заботу о внѣшнихъ средствахъ она предоставляетъ волѣ Французскаго короля. Внутреннія же средства ограничиваются, по взаимному соглашенію Шетарди и Елизаветы, 100,000 р., „на случай, если бы признано было необходимымъ сдѣлать изъ нихъ употребленіе для возбужденія то тѣхъ, то другихъ въ рѣшительную минуту". Начавъ такимъ образомъ, маркизъ идетъ дальше. Чтобы расположить Елизавету къ Французскому королю, онъ постоянно твердитъ ей въ любезныхъ выраженіяхъ о томъ участіи, какое принимаетъ въ ея дѣлѣ Людовикъ XV; послѣдній радъ бы оказать ей лично помощь противъ ея враговъ, но, къ сожалѣнію, не можетъ этого сдѣлать по отдаленности своего государства. Однако, не имѣя возможности помогать ей войсками Франціи, онъ можетъ склонить къ этому Шведовъ, своихъ союзниковъ. Но у Шведовъ король пользуется представительною властію и не можетъ взять на себя отвѣтственность въ оказаніи помощи Елизаветѣ. Онъ и его министры обязаны отдавать отчетъ сейму.

Тутъ мы позволимъ себѣ припомнить то, чего не говорилъ цесаревнѣ французскій посланникъ, именно, что въ шведскомъ сеймѣ значительная часть представителей желала войны съ Россіей ради возвращенія Швеціи областей, отнятыхъ у нея Петромъ Великимъ.

Маркизъ же предлагалъ: чтобы Шведы объявили войну за Елизавету, а послѣдняя, вслѣдствіе выставленныхъ выше причинъ, заключающихся въ характерѣ Шведской конституціи, обязана дать Швеціи обѣщаніе, что она, Елизаве-

---

[1]) Шетарди, стр. 196—198.

та, заплатить за услугу ей со стороны Шведовъ тѣмъ, что возвратитъ имъ названныя области. Очевидно Франція за одинъ разъ желала очень многаго: 1) чтобы Швеція объявила войну Россіи для отвлеченія силъ послѣдней съ запада на сѣверъ-и 2) чтобы Шведы, сражаясь за отнятыя у нихъ Петромъ Великимъ земли, въ то же время въ глазахъ Елизаветы и Россіи воевали за права дочери Петра, которая, будучи при ихъ содѣйствіи возведена на Русскій престолъ, должна заплатить имъ за эго содѣйствіе русскими областями. Неограничиваясь одними разговорами, маркизъ де-ля Шетарди требуетъ отъ Елизаветы письменное удостовѣреніе въ томъ, что она дѣйствительно выполнитъ извѣстное обязательство. „Я свято сохраню этотъ залогъ,—убѣждалъ маркизъ Лестока,—онъ никогда не выйдетъ изъ моихъ рукъ. Даже французскій король узнаетъ только одно содержаніе этого письменнаго удостовѣренія. Узнавъ же его, онъ будетъ въ состояніи принять мѣры для убѣжденія Шведовъ, и когда счастливый успѣхъ увѣнчаетъ дѣло, его величество, ничего столько не желая, какъ видѣть Европу наслаждающеюся глубокимъ спокойствіемъ, можетъ взять на себя оцѣнить обѣщаніе принцессы и, сдѣлавшись посредникомъ между ею и Швеціею, укрѣпитъ миръ, столь необходимый между двумя сосѣдственными державами". Если же Елизавета не рѣшится дать означеннаго удостовѣренія, то Шетарди угрожалъ ей тѣмъ, что она, пропустивъ удобное время, можетъ совсѣмъ остаться безъ трона. Когда Лестокъ передалъ о требованіи французскаго посланника цесаревнѣ, то она спросила чрезъ Лестока же: нельзя ли ублаготворить Шведовъ значительною суммою денегъ, вмѣсто отдачи имъ завоеваній Петра В? Лестокъ при этомъ замѣтилъ французскому посланнику, что послѣдній долженъ понять положеніе Елизаветы относительно много стоившихъ завоеваній ея отца, къ которымъ она не можетъ относиться иначе, какъ съ большою осторожностью. Шетарди, какъ истинный дипломатъ, софистически говорилъ, что первоначальный планъ Петра Великаго состоялъ въ удержаніи только одного Петербурга и въ возвращеніи назадъ Швеціи,—Ливоніи, Эстоніи, Ингріи и Кареліи и что, имѣя этотъ планъ въ виду, онъ предлагаетъ Елизаветѣ только взять за образецъ ея отца. Тутъ Шетарди поспѣшилъ прибавить, что од-

нако искреннее желаніе французскаго короля—просто видѣть Елизавету на престолѣ, какими бы средствами она его ни достигла; только надо подумать: можетъ ли она достигнуть желаемаго безъ иноземной помощи? Если можетъ, то тѣмъ лучше — развязка будетъ болѣе славна для нея. Лестокъ возразилъ: „какъ хотите вы, чтобы она сама того достигла"? Шетарди отвѣтилъ: „въ такомъ случаѣ опять-таки дѣло принцессы обдумать, можетъ ли она надѣяться безъ помощи Шведовъ на счастливый исходъ? Надобно, чтобы она доставила королю средства служить ей, или совершенно бы отказалась отъ надежды царствовать". Не ограничиваясь своими собственными убѣжденіями все въ этомъ же родѣ, Шетарди направилъ на Лестока и шведскаго посланника Нолькена. Послѣдній тоже внушалъ хирургу, что прежде отъѣзда его, Нолькена, изъ Петербурга, онъ долженъ достать письменное удостовѣреніе отъ Елизаветы, „безъ котораго секретный комитетъ ничего не можетъ сдѣлать". Колебаніе Елизаветы дать требуемое обоими посланниками маркизъ де ля Шетарди приписалъ ея боязливости, овладѣвавшей ею время отъ времени, вслѣдствіе сознанія, что она можетъ быть схвачена и заключена въ монастырь на всю жизнь. Всё это Шетарди писалъ своему правительству 21 го Апрѣля (2-го Мая) 1741 г. [1]) Во Франціи начали опасаться, что дѣло Елизаветы останется безъ всякаго результата, 18 го Мая (нов. стил.) министръ, въ письмѣ своемъ къ маркизу де ля Шетарди, высказываетъ опасеніе, чтобы Елизавета не измѣнила своего намѣренія въ ту минуту, когда Шведы выставятъ помощь; тогда, кромѣ убытка для Франціи, отъ возбужденія ею Шведовъ ничего не предвидится. [2]) Шетарди изъ этого письма увидалъ, что въ его отечествѣ о дѣлѣ Елизаветы думали больше, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать. Въ своемъ отвѣтѣ онъ приписалъ преувеличеніе шведскому посланнику Нолькену и оправдывался предъ своимъ правительствомъ такъ: „я употребилъ всѣ мои усилія, чтобы подбить хирурга и преодолѣть препятствія, раждающіяся отъ робости его и Елизаветы. Теперь вы узнаете, что тщетны

[1]) стр. 240—247.
[2]) Ibid., стр. 259.

усилія излечить людей отъ страха. Вы видите, что принцесса не понимаетъ своихъ интересовъ" (19-го Мая).[1]) 20-го Іюня (нов. же стил.) его еще болѣе волнуетъ медленность Елизаветы: „*спокойствіе* и молчаніе" ея онъ старается снова произвести изъ страха, въ чемъ теперь онъ вполнѣ убѣжденъ.[2])

Принцесса Елизавета вела себя дѣйствительно съ изумительнымъ спокойствіемъ, стараясь съ своей стороны не подпасть вліянію иностранныхъ агентовъ.

Вотъ, для примѣра, эпизодъ, изъ котораго ясно видно, какъ Елизавета умѣла держать себя съ этими господами. Маркизъ де ля Шетарди сообщалъ этотъ эпизодъ своему правительству 16-го Іюня (нов. стил.). Дѣло заключается въ слѣдующемъ: Шведскій посланникъ Нолькенъ, прощаясь при отъѣздѣ своемъ запросто съ правительницею у дѣвицы Менгденъ, улучилъ время для продолжительнаго разговора съ Елизаветой. Онъ представлялъ послѣдней „съ убѣдительностью" о необходимости имѣть отъ нея документъ (письменное удостовѣреніе), чтобы говорить за нее въ Швеціи „болѣе прямо" и такимъ образомъ „обезпечить себя". При этомъ онъ, лукавя, говорилъ о неточной передачѣ секретаремъ предъявленныхъ ей въ копіи требованій. Елизавета, выслушавъ его, отвѣчала, что она не помнитъ о чемъ тогда шла рѣчь. Нолькена это очень удивило и огорчило. Онъ вмѣстѣ съ Шетарди бьется изо всѣхъ силъ, чтобы Елизавета подписала документъ, а она даже и не помнитъ о немъ. Нолькенъ выразилъ ей свое удивленіе относительно ея забывчивости о такомъ важномъ для нея предметѣ; при этомъ онъ напомнилъ о находящейся у нея копіи, списанной повѣреннымъ мѣсяца съ три назадъ. Елизавета отозвалась незнаніемъ, гдѣ теперь находится эта копія. Запасливый дипломатъ вынулъ изъ кармана подлинникъ, предложивъ ей подписать его и приложить печать. Елизавета отказала въ этомъ, ловко выставивъ, какъ причину отказа, присутствіе камергера.[3])

---

[1]) Ibid., стр. 260.
[2]) Ibid., стр. 264.
[3]) Ibid., стр. 265 и 266.

Этотъ эпизодъ показываетъ, что Елизавета отлично размышляла о своемъ положеніи; а если есть размышленіе, то едва ли можетъ быть рѣчь о томъ ребяческомъ страхѣ, который приписывалъ ей маркизъ де ля Шетарди, прикрывая этимъ свое безсиліе.

Цесаревна убѣжденно сознавала, что, при всей заманчивости (впрочемъ, призрачной) шведской помощи, не ея дѣло — жертвовать „неусыпными“ трудами своего отца. Не подписывая документа, который долженъ былъ бы связать ее обязательствомъ, она тѣмъ не менѣе не отвергала иностранной помощи, говоря вѣжливыя рѣчи и Шетарди, и Нолькену. Также объявляла она чрезъ одного изъ своихъ приверженцевъ секретарю шведскаго посольства, что Шведамъ не мѣшаетъ начать свои дѣйствія, ибо настроеніе русскихъ умовъ можетъ измѣниться, такъ какъ иноземное правительство въ Россіи не щадитъ никакихъ средствъ для пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ. Замѣчала и о своей твердой рѣшимости дѣйствовать, а „Шведы могутъ быть болѣе, чѣмъ когда либо, увѣрены, что они встрѣтятъ слабый отпоръ, какъ скоро явятся заступниками правъ Петра I-го“. [1]) Но извѣстный документъ не подписывала, чего Шетарди очень добивался. Узнавъ, что онъ можетъ встрѣтить цесаревну на прогулкѣ, онъ немедленно отправляется туда и самъ, захвативъ съ собою копію документа и перо, „въ которомъ всегда могутъ сохраняться чернила“. Онъ при этомъ мечтаетъ: „лишь бы только улучить мнѣ свободное время переговорить съ принцессою, и я употреблю всѣ старанія, чтобы она подписала. Если потребуется для побужденія ея къ тому объявить о моемъ отъѣздѣ, то я тѣмъ менѣе буду колебаться сдѣлать это, потому что Швеція или, лучше сказать, тайный комитетъ постоянно настаиваетъ на этомъ“. Но на этотъ разъ маркизъ напрасно мечталъ о своей дипломатической энергіи: принцесса не проѣзжала, и Шетарди возвратился домой, прогулявшись совершенно даромъ. [2])

Въ такомъ неблестящемъ положеніи для иностранныхъ дипломатовъ находилось дѣло, касающееся документа, до мѣсяца августа, когда Елизавета подала имъ нѣкоторую надежду

[1]) Ibid., стр. 285.
[2]) Ibid., ст. 287 и 288.

на подписаніе обязательствъ. Она велѣла сказать секретарю шведскаго посольства, что хотя теперь она и не можетъ подписать требованія, опасаясь быть открытою, если бы дѣла пошли дурно, но что, какъ только они примутъ хорошій оборотъ, она тотчасъ же исполнитъ желаемое иностранной политикой. Для доказательства правдивости своихъ обѣщаній Елизавета даже разъяснила пункты требованій, давая имъ болѣе распространенный смыслъ. Она обязывалась: 1) вознаградить Швецію за всѣ издержки, считая со времени первой отправки войскъ въ Финляндію; 2) согласиться на субсидіи Швеціи во все продолженіе своей жизни; 3) предоставить шведамъ всѣ преимущества, которыя обезпечены за англичанами; 4) отказаться отъ всѣхъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ между Россіею, Англіею и Австрійскимъ домомъ и ни съ кѣмъ не вступать въ союзы, кромѣ Франціи и Швеціи; 5) содѣйствовать, наконецъ, во всѣхъ случаяхъ выгодамъ Швеціи, и въ этихъ видахъ безъ вѣдома шведской націи ссужать подъ рукою всѣми деньгами, въ которыхъ будетъ нуждаться шведское государство. Прочитавъ эти условія три раза, Елизавета присовокупила, что она не ограничивается только этими средствами: она желаетъ подарить генералу Икскулю, шведу въ русской службѣ, табакерку, украшенную бриліантами, а также уже приказала раздать 8 т. рублей гвардейскимъ офицерамъ. Самъ Шетарди удивлялся обдуманности пунктовъ, гдѣ тщательно устранялся всякій намекъ на уступку Швеціи земель: онъ считалъ это предразсудкомъ, пустившимъ однако глубокіе корни. [1]) Что Елизавета твердо рѣшила не уступать, въ этомъ онъ былъ правъ: не даромъ цесаревна не только обошла этотъ предметъ въ пунктахъ, но отказалась и подписать документъ до удобнаго времени, котораго, въ концѣ концовъ, такъ-таки и не нашлось. Шведскій же сеймъ вовсе не былъ намѣренъ дожидаться времени подписанія обязательствъ. Мы знаемъ уже, что большинство шведскаго общества желало войны съ Россіей, нисколько при этомъ не заботясь о пра-

[1]) Ibid., ст. 298–300.

[2]) Ibid., стр. 305.

вахъ дочери Петра В. Одно крестьянское сословіе было противъ войны, но когда и король далъ согласіе на войну, то оно уступило, и война была объявлена Россіи въ августѣ 1741 г. Но однако стараніями французской политики, въ шведскомъ манифестѣ въ числѣ причинъ, побудившихъ Швецію къ войнѣ съ Россіей, была поставлена слѣдующая причина: *„устраненіе царевны Елизаветы и герцога Голштинскаго отъ Русскаго престола и власть, которую иностранцы захватили надъ Русской націей“.* [1]) Приверженцы Елизаветы считали очень важнымъ, чтобы герцогъ Голштинскій былъ при арміи, которая пойдетъ на Россію, ибо по ихъ мнѣнію, русскій солдатъ положитъ оружіе во время битвы:—„такъ сильно въ немъ отвращеніе сражаться противъ крови Петра I.“ Думали, что хорошо бы объявить и мѣстопребываніе герцога Голштинскаго чрезъ газеты. Всѣ желали также того, чтобы распространить между русскими войсками и внутри страны письмо, въ которомъ выставлялось бы, чего должно опасаться отъ правленія, врученнаго иноземцамъ, рожденнымъ и воспитаннымъ въ другомъ исповѣданьи. Во всемъ этомъ, по свидѣтельству Шетарди, приверженцы видѣли дѣйствительную пользу для дѣла Елизаветы. Самъ же маркизъ съ своей стороны внушалъ послѣдней, что не слѣдуетъ предпринимать ничего рѣшительнаго прежде, чѣмъ онъ скажетъ; внушалъ также о важности того, чтобы онъ былъ увѣдомленъ во время „о минутѣ, когда можно произвести взрывъ безопасно“. Этой-то минутѣ и должны предшествовать прокламаціи, распространенныя среди русскихъ войскъ, чтобы послѣдніе не сомнѣвались въ намѣреніи Швеціи воевать съ ними за права Петра В. [2]) Сама Елизавета, кажется, сомнѣвалась, чтобы всѣ эти средства иностранной политики дали желанный результатъ; она, напротивъ, опасалась, какъ-бы они не послужили къ открытію заговора. Но ея приверженцы и Шетарди успѣли убѣдить ее въ годности вышесказанныхъ средствъ и ея личной безопасности. [3])

---

[1]) Манштейнъ, стр. 318; Шетарди стр. 304 и 305.
[2]) Шетарди, стр. 302 и 303.
[3]) Ibid., —
[4]) Ibid., стр. 309.

Русскія войска между тѣмъ имѣли успѣхъ: Ласси 23 го августа взялъ Вильманштрандъ и готовился къ осадѣ Фридрихсгама. [1])

Приверженцы Елизаветы, если вѣрить Шетарди, писавшему 30-го августа, сердились на Нолькена за то, что они обмануты имъ, ибо до сихъ поръ нѣтъ исполненія его обѣщаній относительно присутствія въ шведской арміи герцога Голштинскаго и публикаціи манифеста. [2]) Маркизъ же не унывалъ: онъ переговаривалъ по прежнему съ цесаревной Елизаветой, расточая ей разныя любезности и стараясь выставить себя центромъ заговора. [3]) Онъ крѣпко надѣялся на то, что Елизавета вступитъ на престолъ при помощи Шведовъ. Минута такого именно возведенія будетъ торжествомъ французской политики. Ея дипломатъ заранѣе начертывалъ будущую судьбу Россіи и Европы. Въ Россіи иноземцы будутъ искоренены; это, впрочемъ, возможно только при условіи, если Елизавета будетъ царствовать прежде герцога Голштинскаго: въ этомъ случаѣ Россія вернется къ старинѣ, называемой Шетарди „русскими началами (о чемъ онъ повто-

---

[1]) Ibid., стр. 320.

[2]) Ibid , стр. 319.

[3]) Для характеристики этихъ разговоровъ приведемъ одинъ, который кажется намъ наиболѣе рельефнымъ. Елизавета сказала: «Нѣкоторые думаютъ, что *Швеція прикрываетъ иными свои собственные интересы.* Это произведетъ тѣмъ болѣе дурное впечатлѣніе, что несомнѣнно, если дѣла пойдутъ худо для Русскихъ, правительница и ея мужъ сдѣлаютъ пожертвованія, лишь только бы самимъ удержаться, и мои приверженцы могутъ опасаться, чтобы Швеція не увлеклась выгодами, и изъ того не послѣдовало бы для всѣхъ моихъ приверженцевъ пожертвованіе своимъ имуществомъ и жизнью.» На это маркизъ де ля Шетарди произнесъ слѣдующую тираду: «Согласенъ, государыня, что немного стоитъ иностранцамъ дѣлать пожертвованія во вредъ Россіи, и въ ихъ образѣ мыслей легко найти увѣренность, что не смотря на всѣ свои обязательства они будутъ искать вознаградить себя, какъ только найдутъ къ тому удобный случай; но Швеція, которая можетъ и при васъ воспользоваться тѣми же выгодами, будетъ считать ихъ болѣе существенными, такъ какъ онѣ будутъ ей обезпечены вашею признательностью и *оказанными ею услугами вамъ*» и т. п. (Пекарскаго Шетарди, стр. 333).

ряетъ не разъ). Герцогъ Голштинскій, предназначенный въ преемники Елизаветы, не можетъ этому воспрепятствовать, ибо у него „будетъ достаточно времени всосать ихъ (русскія начала) до такой степени, что они обратятся у него въ природную привычку". Эти выгоды для Франціи повлекутъ за собой и другія: Швеція возвратитъ себѣ прежнія потери; можетъ быть, даже представится возможность „выхлопотать Шведамъ уступку Голштиніи."

Далѣе такая картина представляется умственному взору французскаго посланника: союзъ Франціи, Швеціи, Россіи и Даніи. Въ случаѣ надобности можно будетъ поставить Швецію между двухъ огней, причемъ съ одной стороны огнемъ явится Данія, а съ другой — Россія. Пруссія тоже будетъ находиться подъ страхомъ отъ Франціи, ибо послѣдняя можетъ вооружить противъ первой Россію и Швецію. Англичане останутся безъ торговли и потеряютъ всякое значеніе на Сѣверѣ.

При такомъ торжествѣ Франціи въ общей европейской политикѣ самъ по себѣ очевиденъ исходъ борьбы этого государства съ Австріей.

Такимъ образомъ изъ мечтаній французскаго политика мы можемъ отчетливо видѣть, къ чему стремились его интриги въ Россіи. Конечная цѣль ихъ—ослабленіе Россійской имперіи, которую со времени торжества Петра В. начали бояться въ Европѣ, увидавъ въ ней весьма крупную политическую силу, рѣшавшую дѣла европейской политики въ пользу того или другаго государства.

Ослабленіе Россіи нужно было для того, чтобы, подчинивъ ее своему вліянію, черезъ то привести въ упадокъ англійское могущество, которое было вредно для Франціи, какъ вслѣдствіи сосѣдства Англіи съ послѣдней, такъ и потому, что это богатое торговое государство было въ союзѣ съ Австріей (съ ней, мы знаемъ уже, была въ союзѣ и Россія) и помогало ей денежными средствами въ борьбѣ ея съ Франціей; Англія съ своей стороны считала невыгоднымъ для себя усиленіе Франціи на европейскомъ континентѣ.

Чтобы скорѣе наступила минута, на которую возлагались вышепереданныя упованія французскаго посланника, какъ онъ, такъ и приверженцы Елизаветы считали необходимымъ поскорѣе распространить въ русскомъ народѣ и войскѣ манифестъ „о помощи, которую Швеція желаетъ ока-

зать потомству Петра I." [1]) Но маркизъ Шетарди никому не желалъ уступить чести выбрать рѣшительную минуту. Елизавета, по его словамъ, не прочь была предоставить это ему. „Она предоставляетъ,—говоритъ онъ,—мнѣ распорядиться минутою, которую я сочту за удобную для приведенія въ исполненіе" (заговора). До тѣхъ поръ цесаревна обѣщалась сдерживать рвеніе своихъ сторонниковъ. Было рѣшено нанести ударъ въ ночь на 12 Января (нов. стил.).

Это маркизъ писалъ 6-го Января (нов. стил.), когда уже переворотъ былъ совершенъ (въ ночь на 6-е Декабря (нов. стил.) или 25-го Ноября). [2]) Въ этомъ же письмѣ онъ пишетъ, что вручилъ Елизаветѣ русскіе экземпляры манифеста. [3]) Отсюда совершенно очевидно вытекаетъ: тщетность заботъ французскаго посланника: напрасно онъ явился къ Елизаветѣ съ экземплярами шведскаго манифеста; напрасно и приверженцы цесаревны желали ихъ. Они не произвели въ русскомъ народѣ и войскѣ ожидаемаго впечатлѣнія, и не могли его произвести листки, развѣваемые врагами Россіи, пришедшими бить то войско, на которое возлага-

[1]) Шетарди, стр. 323—334; 355—356.—

[2]) Ibid., стр. 395.

[3]) Онъ гласилъ слѣдующее: «Его королевскаго величества Шведскаго, моего всемилостивѣйшаго короля и государя, генералъ-аншефъ его арміи, я, Карлъ Эмилій Левенгауптъ, графъ, объявляю всѣмъ и каждому сословію достохвальной Русской націи, что королевская шведская армія вступила въ русскіе предѣлы не для чего иного, какъ для полученія, при помощи Всевышняго, удовлетворенія Шведской короны за многочисленныя неправды, ей причиненныя иностранными министрами, которые господствовали надъ Россіею въ прежніе годы, а также потребную для Шведовъ безопасность на будущее время; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы освободить Русскій народъ отъ несноснаго ига и жестокостей, съ которыми означенные министры, для собственныхъ своихъ видовъ, притѣсняли съ давняго времени русскихъ подданныхъ, черезъ что многіе потеряли собственность, или лишились жизни отъ жестокихъ наказаній, или, впадши въ немилость, бѣдственно ссылались въ заточеніе.» Швеція отъ всего этого и желаетъ, воюя съ Россіей, ее освободить съ тѣмъ однако, «чтобы русскіе подданные могли избрать законное и справедливое правительство», «а со Шведами сохранять доброе сосѣдство.» (Пекарскаго: Шетарди, 385 и 386).

лись наивныя надежды, что оно, услышавъ содержаніе шведской бумаги, броситъ оружіе во время сраженія со Шведами. [1])

Заговоръ Елизаветы былъ страшенъ для иноземнаго правительства въ Россіи также не иноземными манифестами, ни даже всей вообще иностранной политикой вмѣстѣ съ войной, окрашенной французскимъ дворомъ въ фальшивый цвѣтъ; заговоръ былъ страшенъ тѣмъ положеніемъ вещей въ Петербургѣ, положеніемъ, къ описанію котораго мы теперь и должны перейти: оно-то и укажетъ намъ на дѣйствительныя причины успѣха заговора.

Въ Петербургѣ мы видимъ двѣ партіи.

Одна—партія существующаго правительства, другая—Елизаветы: объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ даже авторъ французской книги „Lettres Moscovites“. [2]) Вторая партія была сильна количествомъ своихъ приверженцевъ. Мы знаемъ уже, что ядро ея вооруженная сила—гвардія; [3]) къ этому нужно прибавить, что и вообще жители Петербурга русскаго происхожденія сочувствовали гвардейцамъ. Русская партія имѣла во главѣ своей особу, которая и по своему происхожденію, и по личнымъ качествамъ въ сознаніи петербуржцевъ и особенно гвардіи имѣла всѣ права на престолъ, и этимъ сознаніемъ эта партія была сильна.

Едва ли нужно говорить о томъ, что вѣнецъ силы елизаветинской партіи заключался въ ненависти, питаемой ею къ иноземцамъ [4]) Эта ненависть Петербурга и гвардіи была выраже-

---

[1]) Манштейнъ, стр. 228 и 229; Шетарди, стр. 303, 385—386; 393.

[2]) Архивъ истор. и практич. свѣд. относящихся до Россіи, 1860—61 г. 3—4 кн.

[3]) Помѣщеніе гвардіи императрицей Анной Ивановной въ казармы Манштейнъ считаетъ обстоятельствомъ, облегчившимъ Елизаветѣ дѣло переворота: «въ казармѣ полкъ былъ собранъ въ одномъ мѣстѣ.» (Записки Манштейна, стр. 188).

[4]) Объ этомъ также въ сборникѣ: Восемнадц. вѣкъ т. II, стр. 174 и 175.; Манштейнъ, стр. 256; онъ указываетъ на причину ненависти: всѣ главныя мѣста заняты иноземцами, что было совершенно противно обѣщанію Анны Іоан. при вступленіи ея на престолъ.

піемъ общаго недовольства всѣхъ общественныхъ элементовъ Россіи иноземнымъ правительствомъ.

И подобно тому, какъ недовольство всей Россіи является основною и общею причиною гибели иноземнаго правительства и признанія за Елизаветой права быть императрицей—ненависть русской партіи въ Петербургѣ къ иноземцамъ была причиною дворцоваго переворота. Успѣхъ же его обусловливается слабостью партіи правительства. Эта партія не имѣла опоры даже въ той особѣ, которая de jure числилась ея главой; мы говоримъ о правительницѣ. Выше было замѣчено, что Анна Леопольдовна была неспособна къ правленію: всѣ свидѣтельства сходятся въ этомъ мнѣніи. [1]) Это была робкая, лѣнивая до неряшливости, чувственная женщина, находившаяся подъ совершеннымъ вліяніемъ своихъ фавориток и фаворитовъ, въ особенности,—графа Линара, ничѣмъ, не замѣчательнаго, кромѣ своей красивой наружности и склонности къ интригамъ. Невнимательность правительницы къ дѣламъ и даже къ своему положенію въ Россіи доходила до того, что она вовсе почти не принимала во вниманіе предостереженій отъ англійскаго посланника Финча. Сверхъ того, иноземно-правительственная партія была слаба тѣмъ, что среди себя затѣяла раздоры: Минихъ свергаетъ Бирона, Остерманъ—Миниха, Остерманъ начинаетъ ссориться съ правительницей и ея фаворитами—все это обстоятельства, доказывающія, что отъ этой партіи нельзя ожидать единодушнаго отпора.

Партія правительства знала о заговорѣ. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ (1741) Остерманъ въ письмѣ къ князю Кантемиру высказываетъ относительно Шетарди слѣдующее: „мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда.“

Англія, выгоды которой были противоположны выгодамъ Франціи, много раньше узнала, что въ Россіи есть партія, готовая соединиться со Шведами въ пользу Елизаветы. Чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ Гаррингтона англійское правительство еще 17-го Марта 1741 г. объявило объ этомъ своему посланнику при русскомъ дворѣ Финчу, а тотъ сообщилъ гр.

---

[1]) Манштейнъ, стр. 235 и 236; Минихъ (фельдм.), 74—75; 77—78; Шетарди стр. 95, стр. 234; Леди Рондо, стр. 76 и 77.

Остерману, который притворился, что ничему не вѣритъ, принялъ сообщеніе равнодушно, но въ то же время вывѣдалъ всѣ подробности. Такимъ образомъ о заговорѣ не было неизвѣстно иноземному правительству Россіи, но, вслѣдствіе несогласій его раздиравшихъ, оно не могло дѣйствовать рѣшительно.

Чувствуя свое опасное положеніе въ Россіи, иноземное правительство начинаетъ теряться. Слухъ, дошедшій до него о томъ, что Шведы начали войну въ надеждѣ на сильную партію въ Россіи, его сильно тревожитъ. Письмо, извѣщавшее объ этомъ, правительница показала Елизаветѣ; но цесаревна отозвалась незнаніемъ. [1]) Незадолго до переворота узнали о манифестѣ, распространявшемся среди Русскихъ Шведами. Гр. Остерманъ, доставъ его, прочиталъ Левенвольду, который и раньше слышалъ о немъ отъ принца Антона; при этомъ гр. Остерманъ замѣтилъ: „весьма противно о чужестранныхъ написано.“ Но „сіе,—по его мнѣнію,—„не одниxъ чужестранныхъ касается, но и принцессы Анны и фамиліи ихъ. Поэтому надо постановить, чтобы, гдѣ этотъ манифестъ явится, то собирать ихъ (листки манифеста) въ Кабинетъ, а въ народѣ не разглашать.“ Затѣмъ Остерманъ сообщилъ манифестъ и правительницѣ.

Та, увидавъ однажды Левенвольда, спросила: „слышалъ ли онъ про манифестъ?“ Онъ, давъ утвердительный отвѣтъ, присовокупилъ, что манифестъ остро написанъ: правительница согласилась съ этимъ: „то правда,—сказала она,—„очень остро написанъ.“ Анна Леопольдовна отнеслась къ извѣстіямъ объ опасности, грозящей ей и ея фамиліи, очень вяло, почти безучастно. Ея же первый министръ Остерманъ сильно безпокоился. Манифестъ шведовъ его очень смутилъ. По крайней мѣрѣ, онъ поспѣшилъ написать Левенгаупту, чтобы тотъ отрекся отъ манифеста, „понеже, де, такіе манифесты между христіанскими и политическими народами не въ употребленіи.“ Изъ этого наивнаго письма замѣчатель-

---

[1]) Было, по свидѣтельству Миниха сына, получено письмо, какъ ему передавалъ Левенвольдъ, отъ Сабилана, извѣщавшее о начатіи войны Шведами въ той надеждѣ, «что въ Россіи великая партія къ нимъ склонно имѣется» (Шетарди, стр. 257 и 258); также 387 тамъ же.

по умнаго человѣка нельзя не видѣть того, что и гр. Остерманъ терялся при огромномъ стеченіи грозныхъ слуховъ. Шведскій манифестъ являлся, какъ бы, подтвержденіемъ ихъ. [1])

Елизавету начали сильно подозрѣвать въ солидарности со шведами. Когда она представила въ качествѣ своего долга 32,000 руб. для того, чтобы правительство его заплатило, то оно не повѣрило, думая, что деньги нужны на подкупы, и потребовало отчеты, изъ которыхъ оказалось, что долгу сдѣлано Елизаветой—43,000. Знать о заговорѣ—знали или, во всякомъ случаѣ, были почти увѣрены въ немъ, но рѣшительныхъ мѣръ не принимали, ибо не было между членами правительства лада, и они были въ недоумѣніи, что имъ теперь дѣлать, какъ начать изслѣдованіе подозрѣваемаго заговора.

„Не знаютъ на что и рѣшиться, пишетъ маркизъ де ла Шетарди: „правительница съ своими фаворитами уничтожаетъ то, что дѣлаетъ генералиссимусъ (принцъ Антонъ Ульрихъ) съ гр. Остерманомъ, а эти отплачиваютъ тѣмъ-же". [2]) „И такъ все здѣсь въ разладѣ," пишетъ онъ въ другой разъ. [3])

Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, правительство обнаруживаетъ слабость и трусость. Отсюда мы видимъ то мелочное задабриванье гвардейцевъ, которое проявляется въ слѣдующемъ эпизодѣ.

Принцъ Антонъ Ульрихъ, орудіе гр. Остермана,—призываетъ къ себѣ капитана Семеновскаго полка, ревностнаго приверженца Елизаветы. Въ присутствіи генерала Стрѣшнева, зятя Остермана, принцъ спрашиваетъ капитана: „Что съ тобою? Я слышу ты грустишь, развѣ ты недоволенъ?" Тотъ указываетъ на свою бѣдность и большое семейство, какъ на причины своей грусти. Принцъ на это говоритъ: „Я вашъ полковникъ, я хочу, чтобы вы благоденствовали и были моими друзьями; обращайтесь ко мнѣ съ откровенностью, и я всегда буду поступать такъ, какъ теперь"... И онъ даетъ капитану кошелекъ съ 300-ми червонцевъ. [4])

---

[1]) Шетарди, стр. 315.

[2]) Ibid., стр. 343. На сторонѣ правительницы противъ гр. Остермана мы видимъ, кромѣ мало даровитаго Головкина, генералъ-прокурора кн. Трубецкаго и австрійскаго посланника Ботту.

[3]) Ibid., стр. 264.

[4]) Ibid., стр. 261.

Напротивъ, партія Елизаветы дѣйствовала, если и не особенно осторожно, то за-то весьма единодушно. Цесаревна руководила ею съ замѣчательнымъ умѣніемъ: она выжидала. Выжидая удобное для исполненія своего замысла время, она еще болѣе задабривала гвардейцевъ деньгами, но эти задабриванья не были боязливыми, какъ то, о которомъ нами передъ этимъ разсказано; они походили на простые подарки расположеннымъ къ ней лицамъ. [1]) Елизавета готовилась навѣрняка нанести ударъ. Ея осторожность и медленность не кажутся намъ проистекающими изъ сильнаго страха, [2]) какъ это казалось Шетарди. Мы наблюдали ея умѣніе и гибкую смѣлость въ переговорахъ съ агентами иностранной политики, которою она не пренебрегаетъ, но и вовсе не подпадаетъ ея вліянію. Мало этого: Елизавета умѣетъ руководить толпой, неспособной наблюдать и оцѣнивать обстоятельства; цесаревна сдерживаетъ своихъ приверженцевъ въ *видахъ общей пользы*. Это видно изъ слѣдующаго характернаго факта, приводимаго маркизомъ въ подтвержденіе его мнѣнія о робости Елизаветы. [3])

[1]) При этомъ она получила отъ маркиза Шетарди, какъ это видно изъ его депешъ, такую сумму, что Пекарскій не совѣтуетъ о ней и упоминать: всего—2000 червонцевъ (Ibid, стр. 313; Манштейнъ, стр. 230, 249); Манштейнъ говоритъ, что «ссуды и совѣты Шетарди много способствовали успѣху Елизаветы». Обстоятельства дѣла показываютъ, что совѣты не много содѣйствовали успѣху переворота, а что касается денегъ, то ихъ ничтожное количество едва ли можно считать важнымъ стимуломомъ для симпатіи гвардіи къ Елизаветѣ. Раньше мы познакомились съ подаркомъ Елизаветы гвардейскимъ офицерамъ въ видѣ 8000 руб.; на это мы теперь и опираемся, говоря о задабриваньяхъ цесаревною гвардейцевъ.

[2]) За этотъ страхъ Шетарди подумывалъ было удалить Елизавету отъ престола, призвавъ герцога Голштинскаго; но его удержала боязнь, какъ-бы, вслѣдствіе этого, одно иноземное правительство не замѣнилось другимъ, что устраняетъ возможность въ Россіи «старины», столь желанной Франціи. Ibid., стр. 271.

[3]) Шетарди въ этомъ отношеніи едва ли можно довѣряться. Мы знаемъ его тенденціи въ депешахъ: тщеславный французъ всюду выставляетъ себя, какъ главнаго руководителя, и естественно при неудачѣ съ извѣстнымъ документомъ сердится и обвиняетъ во всемъ другихъ, въ томъ числѣ и Елизавету, выставляя ее боязливой жен-

Когда однажды, уже не въ первый разъ, улучивъ минуту, подступили къ ней, гвардейскіе офицеры, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „матушка, мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній, что, наконецъ, велишь намъ?"—то цесаревна отвѣтила: „Ради Господа молчите и опасайтесь, чтобы васъ не услыхали: *не дѣлайте себя несчастными*, дѣти мои, не губите и меня. *Расходитесь, ведите себя смирно: минута дѣйствовать еще не наступила. Я васъ велю предупредить.*" Въ послѣднихъ словахъ слышалась власть. Офицеры разошлись. [1])

Партія Елизаветы, крѣпко сплотившись, имѣла тайныя совѣщанія подъ предсѣдательствомъ цесаревны. Такъ, напр., когда пронесся слухъ о смерти младенца-императора, то изъ приверженцевъ ея тотчасъ же составился совѣтъ, на которомъ и было постановлено: если слухъ окажется вѣрнымъ, то Елизавета должна сѣсть на коня и явиться предъ гвардіей. Даже Шетарди сознается, послѣ разсказа ему Елизаветой объ этомъ засѣданіи, „что она понимаетъ и какъ видно сознаетъ свои силы лучше, чѣмъ это было до сихъ поръ" [2]). Энергичная самостоятельность цесаревны наглядно выразилась въ ея вспышкѣ противъ гр. Остермана.

Сознавая свое достоинство и право, Елизавета была обижена тѣмъ, что персидскій посланникъ, по проискамъ Остермана, не явился къ ней лично для врученія ей назначенныхъ подарковъ.

Она не хотѣла ни видѣть, ни принимать того, на кого это было возложено. Графъ Минихъ и генералъ Апраксинъ пріѣхали къ ней съ цѣлью разубѣдить ее въ ея намѣреньи. Елизавета сказала имъ: „Я вамъ это прощаю, такъ какъ вы только исполняете то, что вамъ приказано; но скажите Остерману, который одинъ устроилъ дѣло столь неприличнымъ образомъ: если онъ забылъ, что мой отецъ и мать вывели его изъ учителя, какимъ онъ былъ, то я съумѣю заставить его вспомнить, что я дочь Петра I и что онъ обязанъ уважать меня."

щиной. Нужно, намъ кажется, имѣть въ виду то, что большинство источниковъ на Елизавету указываютъ, какъ на главную руководительницу дѣла.

[1]) Шетарди стр. 264.

[2]) Ibid., стр. 363. 4, Ibid. 364.

Но иногда цесаревну, какъ-бы ни была велика ея энергія, не могло не посѣщать сомнѣніе въ своихъ силахъ, въ успѣхѣ ея замысла. Тогда-то ее поддерживали, не смотря на всю свою незначительность въ сравненіи съ ней, ея совѣтники. Такъ, почти наканунѣ восшествія своего на престолъ, когда правительница намекнула ей объ ея сношеніяхъ съ французскимъ посланникомъ и со шведами, на „малѣйшемъ консиліумѣ", собранномъ по этому поводу, совѣтники цесаревны убѣждали ее немедленно дѣйствовать. И человѣкъ, не обиженный здравымъ смысломъ, Разумовскій сказалъ: „сія вещь не требуетъ закоснѣнія, но благополучнѣйшаго дѣйствія намѣреньемъ, а ежели продолжится до самаго злополучнаго времени, то чувствуетъ духъ мой великаго смятенія, не токмо въ Россіи, но и во многихъ государствахъ по той претензіи, отчего сынове россійстіи могутъ прійти въ крайнее разореніе и въ потеряніе отечества своего."

И Елизавета понимала, что нужно вскорѣ дѣйствовать; но, будучи руководительницей своихъ приверженцевъ, она глубоко сознавала и то, какъ велика отвѣтственность ея предъ ними. Это видно изъ ея короткаго отвѣта на слова Разумовскаго: „подлинно такъ, и я не столько себя сожалѣю, какъ бѣдныхъ совѣтниковъ моихъ и всѣхъ подданныхъ". Совѣтники прослезились [1]).

Но рѣшительная минута была близка. Ее ускорили „представленія", которыя дѣлали лица, находившія для себя выгоднымъ существованіе иноземнаго правительства въ Россіи. Резидентъ Англіи Финчъ постоянно, по его словамъ, внушалъ гр. Остерману о происках французскаго и шведскаго посланниковъ, но тотъ „дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ" [2]). На самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, онъ очень опасался, зная обо всемъ, до того опасался, что, наконецъ, спросилъ у Финча: не посовѣтуетъ ли онъ арестовать Лестока? Послѣдній, будучи орудіемъ Елизаветы для переговоровъ съ агентами иностранной политики, не воздерживался въ разговорахъ, вслѣдствіе своей болтливости и легкомыслія. „Лестокъ, говоритъ Манштейнъ, „самый вѣтреный человѣкъ въ мірѣ и наименѣе способный что-либо сохранить въ тайнѣ,

---

[1]) Шетарди, 129.—XVIII-й вѣкъ, II.—Васильчикова, „Семейство Разумовскихъ", с. 386—387.

[2]) Шетарди, стр. 256.

говорилъ часто въ гостинницахъ, при многихъ лицахъ, что въ Петербургѣ случатся въ скоромъ времени большія перемѣны." [1])

Между тѣмъ шпіоны зорко слѣдили за нимъ, донося правительству его рѣчи. Слѣдили и за Елизаветой.

Наблюдать за нею даже были выбраны 10 гренадеръ съ сержантомъ подъ руководствомъ секундъ-маіора Чичерина; но это—едва ли были хорошими наблюдателями. Подпоручику Нотгофту было приказано „репортовать, когда ея императорское высочество Елизавета на Смольный дворъ пріѣдетъ, и кто тогда при ея высочествѣ находится." Маіору лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка было велѣно держать безъизвѣстный караулъ близъ дворца цесаревны Елизаветы Петровны съ тѣмъ, чтобы смотрѣть, „какія персоны мужеска и женска полу пріѣзжаютъ, такожъ и ея высочество куды изволитъ съѣзжать." [2])

Зная настроеніе гвардіи, можно думать о неудачномъ выборѣ соглядатаевъ за Елизаветой; но въ доносчикахъ, нѣтъ сомнѣнія, не было недостатка, тѣмъ болѣе, что имъ хорошо платили; такъ, литаврщику Груберу за доносъ о пустыхъ дѣлахъ двухъ нѣмокъ было дано 300 рублей.

Какъ бы то ни было, но, наконецъ, заговоръ сдѣлался такъ несомнѣненъ, что гр. Линаръ совѣтывалъ призвать Елизавету, какъ имѣющую тайныя сношенія со Швеціей, и допросить ее по этому предмету. Если при этомъ она созналась бы въ малѣйшемъ, то обвинить ее въ преступленіи оскорбленія величества. Если же она стала бы отрицать то, въ чемъ ее обвиняютъ, то всетаки заставить ее подписью отречься отъ престола. На эти совѣты правительница отвѣтила, вздыхая: „къ чему это послужитъ? Развѣ нѣтъ тамъ дьяволенка, который всегда будетъ мѣшать моему спокойствію." Она разумѣла внука Петра Великаго, герцога Голштинскаго. [3])

Ожидаемая бѣда начинала соединять членовъ правительства, которые тоже собирались на совѣщанія; но рѣшительныхъ мѣръ не предпринималось.

[1]) Записки Манштейна, стр 230—234.

[2]) Ibid., 293 и 294.

[3]) Этотъ «внукъ» принесъ, какъ извѣстно, много безпокойствъ и императрицѣ Аннѣ; послѣдняя часто говорила о немъ съ опасеніемъ: «чертушка что въ Голштиніи живетъ».

Принцъ Антонъ Ульрихъ, человѣкъ добрый, но безъ самостоятельнаго ума, возвратившись съ одного изъ „конзиліумовъ“, „сначала испускалъ глубокіе вздохи, а потомъ громко воскликнулъ: „напрасно не слѣдовали совѣтамъ Липара!“ [1]) Это былъ вопль погибавшаго правительства, вопль, въ которомъ невольно выразилось несогласіе, жившее между его членами: они не могли сойтись въ единомъ рѣшеніи даже на совѣщаніи объ общей пользѣ ихъ.

Опасливый гр. Липаръ, давъ извѣстный намъ совѣтъ иноземному правительству, вскорѣ уѣхалъ изъ Россіи; что же касается правительницы, то она, небрежно приказавъ Темирязеву написать два манифеста, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ, если ея сына не станетъ, объявить её императрицей, [2]) не могла по своимъ личнымъ качествамъ отнестись къ заговору Елизаветы иначе, чѣмъ какъ она отнеслась къ нему. Слыша вокругъ себя пугливыя рѣчи объ этомъ предметѣ („дворъ въ страхѣ, какой трудно изобразить,“ пишетъ Шетарди), она тѣмъ не менѣе ограничилась пока только слѣдующимъ.

5-го Декабря (нов. стил. или 24-го Ноября), во время пріема во дворцѣ, Анна Леопольдовна сообщила Елизаветѣ о томъ, что̀ она узнала объ опасномъ заговорѣ противъ царствующаго дома: будто бы, цесаревна имѣетъ корреспонденцію съ арміей непріятельской, и докторъ ея ѣздитъ къ французскому посланнику. Къ этому правительница прибавила, что не вѣритъ еще сообщенному ей, но велитъ арестовать Лестока, если сообщенія продолжатся въ томъ же родѣ: тогда Лестока заставятъ сказать правду. Манштейнъ замѣчаетъ: „царевна... прекрасно выдержала этотъ разговоръ.“ [3]) Она сказала: „я съ непріятелемъ отечества моего никакихъ алліанцевъ и корреспонденцій не имѣю, а когда мой докторъ ѣздитъ до посланника французскаго, то я спрошу; а какъ онъ мнѣ донесетъ, то я вамъ объявлю.“ [4])

---

[1]) Манштейнъ, стр. 325.
[2]) Ibid., стр. 344.
[3]) Ibid., стр. 231 и 232; Шетарди, стр. 398.
[4]) Шетарди, стр. 428.

Этотъ разговоръ (въ какихъ бы онъ ни былъ выраженіяхъ) имѣлъ рѣшающее вліяніе на ходъ замысла.

Елизавета поняла, что, если она будетъ дольше медлить, то опасность, теперь совершенно очевидная для правительства, если о ней знаетъ даже правительница, можетъ подвинуть его къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.....

Минута наступила.

VII.

Ночь на 25-е Ноября (6-е Декабря—нов. стил.) 1741 г. и ея слѣдствія.

Между 11 и 12 часами вечера 24 ноября 1741 года къ цесаревнѣ Елизаветѣ явилось семь гренадеръ. Они объявили ей, что на слѣдующій день имъ приказано выступить въ походъ, почему и нельзя болѣе медлить съ исполненіемъ заговора. Елизавета рѣшилась дѣйствовать.

Она надѣла кирасу и въ сопровожденіи трехъ своихъ приверженцевъ (Лестока, Воронцова и Шварца) сѣла въ сани и поѣхала въ Преображенскія казармы. Здѣсь многіе изъ гренадеръ уже ждали ее. Когда она прибыла сюда, большая комната наполнилась солдатами. Елизавета, обратившись къ толпѣ, сказала:

„Ребята, вы знаете, чья я дочь, идите за мной"! Гренадеры закричали: „Мы готовы, мы ихъ всѣхъ убьемъ!"

Цесаревна умѣрила пылъ толпы, объявивъ что она вовсе не желаетъ, чтобы они служили ей такимъ образомъ—убійствомъ: „вы мои дѣти, воскликнула она: „все состоитъ въ томъ, чтобы знать, готовы ли вы умереть со мною, если надобно".

Всѣ поклялись. Елизавета взяла въ руки крестъ и встала на колѣни.

Она сказала:

—„Я клянусь этимъ крестомъ умереть за васъ, клянетесь-ли вы сдѣлать тоже самое для меня?"

Всѣ громко поклялись снова.

Тогда Елизавета приказала солдатамъ слѣдовать за собой, повелѣвъ передъ этимъ разрѣзать кожу на барабанахъ, чтобы парализовать тревогу.

Человѣкъ триста гренадеръ, окруживъ цесаревну шли по направленію къ Зимнему Дворцу. Они были хоро-

що вооружены. По дорогѣ часть ихъ была разослана для того, чтобы арестовать Миниха, гр. Головкина, Менгдена, Левенвольде, Лопухина и Остермана. На концѣ Невскаго проспекта гренадеры посовѣтывали Елизаветѣ, до сихъ поръ ѣхавшей въ саняхъ, идти пѣшкомъ: сани своимъ скрипомъ сильно нарушали тишину ночи. Цесаревна послѣдовала ихъ совѣту, но не могла идти скоро, хотя они и торопили ее. Тогда солдаты взяли ее на руки и донесли до Зимняго Дворца.

Елизавета повела своихъ гренадеръ прежде всего въ караульню. Стража спала. Елизавета разбудила ее и, обратившись къ нижнимъ чинамъ спросила, хотятъ ли они слѣдовать за дочерью Петра I-го? И тутъ же прибавила, что корона должна принадлежать ей, а ее оскорбляютъ, что бѣдный народъ стонетъ подъ игомъ нѣмцевъ... „Освободимся отъ нашихъ мучителей“, заключила она свое краткое слово къ дворцовой стражѣ.

Солдаты единодушно закричали: „Матушка наша, всемилостивѣйшая государыня! радостно давно сего ожидали и что̀ намъ повелишь—все то учинить готовы!“.

Офицеры стражи колебались высказаться опредѣленно. Цесаревна велѣла арестовать ихъ. Одинъ изъ солдатъ въ своей ревности направилъ штыкъ на офицера; но былъ удер жанъ рукой Елизаветы.

Вслѣдъ за переходомъ караула на ея сторону, она приказала солдатамъ занять всѣ лѣстницы и выходы. Затѣмъ, окруженная оставшимися около нея 10-ю гренадерами, Елизавета направилась въ покои Брауншвейгскаго семейства; при этомъ было строго внушено ею солдатамъ—не дѣлать никакого насилія тѣмъ, кого они должны будутъ арестовать. Внутренніе караульные не выказали никакого сопротивленія. Войдя въ комнату правительницы, Елизавета нашла спящими, какъ ее такъ и ея фрейлину Менгденъ. Цесаревна разбудила Анну Леопольдовну, сказавъ: „сестрица, пора вставать“.

Анна Леопольдовна, проснувшись, съ недоумѣніемъ проговорила: „Какъ, это вы сударыня?“ Но, увидавъ толпившихся въ дверяхъ гренадеръ, вскричала: „ахъ мы пропали“!

И тутъ же умоляла цесаревну не дѣлать насилія ни ей съ семействомъ, ни дѣвицѣ Менгденъ.

Арестованная во дворцѣ Брауншвейгская фамилія и Менгденъ—были помѣщены въ трое саней, и Елизавета повезла арестантовъ въ свой дворецъ. Сюда же были собраны, менѣе чѣмъ въ полчаса, всѣ арестованные въ эту ночь, изъ которыхъ послѣднимъ явился Минихъ-сынъ. Родственники арестованныхъ оставались подъ строгимъ карауломъ въ своихъ домахъ. Елизавета была довольна, что дѣло обошлось безъ жертвъ—тихо и спокойно. Только съ Остерманомъ, который вздумалъ было прикрикнуть на солдатъ, послѣдніе обошлись не совсѣмъ осторожно, да еще оскорбили за сопротивленіе барона Менгдена съ женой. Кромѣ указанныхъ лицъ, были арестованы въ эту же ночь: Темирязевъ, принцъ Людовикъ Брауншвейгскій [1], братъ принца Антона, Стрѣшневы, генералъ-маіоръ Альбрехтъ, графиня Ягужинская „и можетъ быть еще нѣсколько лицъ, имена которыхъ не извѣстны", прибавляетъ реляція о переворотѣ. Въ $2^1/_2$ часа утра 25 ноября „замыселъ цесаревны Елизаветы" былъ выполненъ окончательно.

Тотчасъ же двадцать гренадеръ садятся на лошадей и скачутъ во всѣ части города, „чтобы тамъ предупредить, возмутить и расшевелить всѣхъ тѣхъ изъ народа и гвардейскихъ полковъ, которые встрѣчались по дорогѣ". Дворецъ цесаревны вскорѣ окружили гвардейскіе полки, привѣтствовавшіе ее императрицей. Три довѣренныхъ лица, сопровождавшіе ее въ предпріятіи, поѣхали увѣдомлять знатныхъ лицъ изъ духовенства и гражданскихъ чиновъ. Дворецъ быстро наполнился такими людьми, спѣшившими засвидѣтельствовать свое вѣрноподданическое чувство. [2] Въ

---

[1] За него принцесса Анна мечтала выдать замужъ Елизавету, чтобы тѣмъ самымъ удалить ее изъ Петербурга; слухъ объ этомъ безпокоилъ гвардейцевъ, но Елизавета разувѣряла ихъ въ этомъ, показывая и Шетарди, что она смѣется надъ человѣкомъ, котораго ей прочили въ женихи. Елизавета на отрѣзъ отказалась выйти замужъ и за французскаго принца Конти, хотя французской политикѣ и хотѣлось видѣть такой бракъ.

[2] Шетарди: реляція о переворотѣ, происшедшемъ въ Россіи 6 Дек. 1741 г., стр. 397—404; письмо Шетарди 17-го Дек. 1741 г. (404—409); реляція одного русскаго къ резиденту въ Лондонѣ;—стр. 426—433; разсказъ аббата Шаппа со словъ ссыльнаго Лестока (433—434); Манштейнъ, стр. 232—233; Минихъ (фельд.), стр. 82;

числѣ таковыхъ былъ и нашъ знакомецъ кн. Шаховской. Его простодушный разсказъ имѣетъ потому для насъ значеніе, что это говоритъ очевидецъ, къ тому же совершенно безпристрастный, ибо съ одинаковымъ усердіемъ онъ служилъ и Бирону, и правительницѣ, и Елизаветѣ.

Онъ только-что уснулъ. Вдругъ необыкновенно сильный стукъ въ его ставень, а также и громкій голосъ сенатскаго экзекутора Дурнова заставили его проснуться. Экзекуторъ кричалъ, чтобы кн. Шаховской не медлилъ ѣхать во дворецъ цесаревны, „ибо-де-она изволила принять престолъ россійскаго правленія, и я,—пояснялъ Дурновъ свое экстренное посѣщеніе,—бѣгу съ тѣмъ объявленіемъ къ прочимъ сенаторамъ". Кн. Шаховской вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ окну, желая узнать о „событіи" подробнѣе; но экзекуторъ удалился.

„Вы, благосклонный читатель,—замѣчаетъ кн. Шаховской,—можете вообразить, въ какомъ смятеніи духъ мой находился". Онъ даже началъ было подумывать, не сошелъ ли экзекуторъ съ ума. Но то, что князь увидалъ изъ окна, ясно доказывало здравость разсудка экзекутора: онъ увидалъ „бѣгущихъ" по улицѣ людей „необыкновенными толпами въ ту сторону, гдѣ дворецъ былъ". Не медля болѣе, и кн. Шаховской отправился по тому же направленію, сообразивъ, что надо ѣхать во дворецъ цесаревны, ибо всѣ шли туда. Дорогой онъ видѣлъ гвардію, которая стояла „съ ружьемъ" шеренгами вокругъ „онаго" дворца, въ ближнихъ улицахъ. Ночь была морозная. Одни солдаты раскладывали огни, дру-

Позье (бриліант. придворн.), Рус. Стар. 1870 г., кн. II. Въ большинствѣ этихъ свидѣтельствъ (за исключ. только свид. самого Лестока, который говоритъ устами аббата Шаппа) главн. дѣйств. лицомъ является Елизавета. Таковой мы ее и старались изобразить, группируя извѣстія разныхъ лицъ въ одно цѣлое. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что Шетарди, который раньше представлялъ Елиз. Петр. трусихою, здѣсь описываетъ ее съ качествами героини. Это согласно и съ нашимъ воззрѣніемъ на Елизавету, какъ на цѣльный и твердый характеръ, когда надо проявляющій свою силу. Мы при изложеніи событій болѣе пользовались извѣстіями Шетарди, ибо думаемъ, что ему наиболѣе они были извѣстны. Гдѣ казались болѣе правдоподобными извѣстія другихъ, то мы брали эти послѣднія.

гіе, чтобы согрѣться, пили вино. Отъ говору шумъ стоялъ въ холодномъ воздухѣ. Многіе голоса кричали: „здравствуй наша матушка Елизавета Петровна!“

Во дворцѣ гдѣ кн. Шаховской увидалъ „многихъ господъ знатныхъ чиновъ“, онъ сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ нижеслѣдующей сцены, нѣсколько разъ уже занесенной на страницы описывавшихъ восшествіе Елизаветы на престолъ. Эта сцена такъ характерна, что ее трудно обойти молчаніемъ. Изъ этой сцены, описанной очевидцемъ, несклоннымъ говорить неправду, мы видимъ то оживленіе, которое было слѣдствіемъ перемѣны правительства.

Къ кн. Шаховскому и его товарищу кн. Голицыну подходитъ генералъ-аншефъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ.

Онъ хватаетъ кн. Шаховскаго за руку и, смѣясь, громко говоритъ:

„Вотъ сенаторы стоятъ“.

—Сенаторы, сударь, отвѣчаетъ кн. Шаховской „постояннымъ видомъ“, т. е. совершенно серьезно.

Тотъ хохочетъ и кричитъ:

„Что теперь скажете, сенаторы?

Около нихъ собирается толпа большею частью „знатныхъ господъ“. Они любуются „на аттаку“ генерала-аншефа. Князь Шаховской однако, какъ онъ самъ говоритъ, не оробѣлъ: онъ „важнымъ видомъ, смѣло глядя въ глаза“ Салтыкову, спросилъ: „Что это значитъ, что онъ теперь въ такое время, гдѣ всѣ берутъ участіе радоваться, насъ такъ аттакуетъ? Не находитъ ли онъ на насъ какой мѣтки, или по высочайшему повелѣнію такъ съ нами поступаетъ, такъ бы соизволилъ намъ надлежащимъ образомъ объявить, а мы во всемъ по незазрѣнной нашей совѣсти небоязненно отвѣтствовать готовы.“

Салтыковъ перемѣнилъ тонъ. Онъ говорилъ: „я, другъ мой, теперь отъ великой радости внѣ себя и сей мой поступокъ по дружеской любви, а не по какой иной причинѣ; я вамъ сердечно желаю всякаго благополучія и поздравляю со всеобщею радостью“. Съ этими словами онъ поцѣловалъ кн. Шаховскаго въ обѣ щеки и ушелъ въ другую компату [1]. Другой очевидецъ Позье (придворный брилліантщикъ)

---

[1] Записки кн. Шаховскаго, стр. 29—31.

тоже свидѣтельствуетъ, что ко дворцу Елизаветы „всѣ бѣжали толпой“ [1]).

Первымъ дѣломъ, по вступленіи послѣдней на престолъ, было созвать совѣтъ, куда вошли слѣдующія лица: канцлеръ князь Черкасскій, тайный совѣтникъ кабинета Бреверпъ фельдмаршалъ князь Трубецкой, принцъ Гессенъ-Гомбургскій (зять Трубецкаго), адмиралъ Головинъ, генералъ-прокуроръ сената кн. Трубецкой, тайный совѣтникъ Бестужевъ и оберъ-шталмейстеръ,—кн. Куракинъ. На этомъ совѣтѣ была составлена новая форма присяги, которую, за подписью императрицы, курьеры повезли во всѣ мѣста государства [2]) съ манифестомъ слѣдующаго содержанія: 5-го октября 1740 г. манифестомъ было объявлено, что, по кончинѣ императрицы Анны Ивановны, наслѣдникомъ престола „учиненъ“ внукъ ея. Ему тогда было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Вслѣдствіе этого „правленіе государственное чрезъ разныя персоны и разными образы происходило“. Результатомъ же сего явились „безпорядки и непорядки“, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе. Отъ такого положенія дѣлъ могло послѣдовать разореніе всему государству. „Того ради всѣ наши, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрные подданные, а особливо лейбъ гвардіи наши полки всеподданнѣйше и единогласно Насъ просили, дабы Мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ, яко по крови ближняя, Отеческій Нашъ престолъ воспріять соизволили“. Это общее желаніе было исполнено, почему „по всеусердному всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ желанію, Всемилостивѣйше соизволяемъ въ томъ учинить намъ торжественную присягу“. [3]).

Къ восьми часамъ утра 25 Ноября составленіе манифеста и новой формы присяги было окончено. Лица, являвшіяся въ этотъ промежутокъ съ поздравленіями во дворецъ, были принимаемы благосклонно Елизаветой. Она при этомъ была, по наблюденію Шетарди, спокойна до героизма.

Къ 10 часамъ утра всѣ дали присягу, и такимъ образомъ Елизавета оффиціально была признана пе-

---

[1]) **Русская Старина, 1870 г., кн. II-я.**

[2]) **Шетарди, стр. 402.**

[3]) **П. С. З., XI, № 8473.**

тербуржцами государынею всея Россіи, что новая императрица констатировала возложеніемъ на себя ордена св. Андрея. Затѣмъ она объявила себя полковникомъ всѣхъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ [1]).

Когда же, не смотря на стужу, Елизавета проходила по рядамъ гвардіи, то солдаты и офицеры выражали восторгъ свой громкими криками. Тутъ же, нѣсколько запоздало, читался манифестъ, составленный Шведами. Воротившись во дворецъ, она принимала дамъ: было уже 2 часа пополудни. Въ 4 же часа Елизавета переѣхала въ Зимній Дворецъ. Громъ пушекъ и крики народа при этомъ переѣздѣ, какъ-бы окончательно утверждали ее на занятомъ ею престолѣ [2]).

Гвардейцы наперерывъ занимали входы дворца и ставшіе на караулъ не желали смѣняться другими.

Немного отдохнувъ, императрица отправилась въ церковь на молебенъ. Въ это время Преображенцы, участвовавшіе въ почномъ предпріятіи, приступили къ ней и просили: „Ты матушка, видѣла, съ какимъ усердіемъ мы помогали твоему справедливому дѣлу: за-это мы просимъ только одной награды—объяви себя капитаномъ нашей роты, и пускай мы первые присягнемъ тебѣ на вѣчную вѣрность“.

[1]) 28-го Ноября вышелъ другой манифестъ, который обѣщался въ первомъ. Въ этомъ новомъ манифестѣ разсказывается порядокъ престолонаслѣдія, опредѣленнаго завѣщаніемъ Екатерины I: по нему, послѣ Петра II,—наслѣдница Елизавета. Эта духовная по смерти Петра II была скрыта. Остерманъ воспользовался тяжкой болѣзнью императрицы Анны для того, чтобы сочинить новое опредѣленіе, по которому престолъ переходилъ къ Брауншвейгской фамиліи,—Анна, по слабости, подписала это опредѣленіе. Присягнули Іоанну III по принужденію, ибо гвардія и полевые полки были подъ командой Миниха и принца Антона. Затѣмъ, Остерманъ, Минихъ, гр. Головкинъ пренебрегли присягой, упразднили регентство и взяли правленіе въ свои руки «насильствомъ». Принцесса Анна Мекленбургская не постыдилась себя назвать великой княгиней; даже отваживалась при жизни сына провозгласить себя императрицей. Затѣмъ манифестъ, объявивъ, что Елизавета приняла престолъ по прошенію гвардіи и всѣхъ вѣрноподданныхъ, заканчивался заявленіемъ объ отправленіи на родину Брауншвейгской фамиліи (Пол. Соб. Зак., томъ XI, № 8473).

[2]) Шетарди, стр. 402.

Императрица дала согласіе. Тутъ же, вскорѣ, сдѣланы были и нѣкоторыя другія распоряженія.

Плѣнный шведскій капитанъ получилъ свободу и 500 червонцевъ на путевыя издержки. Этимъ, а также приказомъ читать Шведскій манифестъ предъ гвардіей, Елизавета, вѣроятно, хотѣла показать, что она считаетъ Шведовъ друзьями. Фельдмаршалъ Минихъ, гр. Остерманъ и баронъ Менгденъ, а также и другіе болѣе важные арестанты въ 6 часовъ были перевезены изъ дворца бывшей цесаревны въ Петропавловскую крѣпость, будучи лишены предъ этимъ всѣхъ орденовъ.

Мы кончили то, что̀ непосредственно относится къ самому факту восшествія на престолъ Елизаветы. Думаемъ, что имѣемъ теперь возможность констатировать, что наибольшее значеніе въ „предпріятіи“ принадлежало самой Елизаветѣ.

Мы видѣли выше, какъ велъ себя Лестокъ, когда дѣло только подготовлялось: онъ скорѣе портилъ, чѣмъ помогалъ.

Что̀ же касается довольно банальнаго анекдота о рисункахъ Лестока, показанныхъ, будто-бы, имъ Елизаветѣ въ рѣшительную минуту и положительно на нее повліявшихъ, то странно было бы строить на этомъ крайне сомнительномъ фактѣ важное значеніе придворнаго врача въ дѣлѣ Елизаветы [1]). Мы не отнимаемъ у Лестока вовсе значенія, но не видимъ въ его дѣятельности, основываясь на большинствѣ наиболѣе правдивыхъ источниковъ, того значенія рѣшающаго фактора, какое иногда ему приписывается. Нѣтъ сомнѣнія, что Лестокъ, какъ смѣлый авантюристъ, говорилъ Елизаветѣ о возможности для нея вступленія на

[1]) Этотъ фактъ сомнителенъ потому, что мы не встрѣчаемъ его въ большинствѣ описаній елизаветинскаго переворота; его разсказалъ аббату Шаппу самъ Лестокъ въ частномъ разговорѣ, въ которомъ у веселаго ганноверца этотъ лестный для него мнимый фактъ могъ вырваться незамѣтно даже для него самого въ пылу увлеченія своимъ разсказомъ о быломъ, безвозвратно прошломъ. Шаппъ однако его записалъ; упоминается онъ и у Манштейна; но и только: послѣднимъ, вѣроятно, онъ повторенъ. Затѣмъ, если Лестокъ и дѣйствительно выкинулъ «штуку» съ рисунками, то едва ли такому ничтожному обстоятельству можно придавать значеніе рѣшающаго фактора.

престолъ; но онъ не зналъ, когда это можно сдѣлать безопасно. Есть извѣстіе, что Лестокъ совѣтовалъ цесаревнѣ явиться предъ гвардіей, лишь только узнали о смерти Петра II-го, увѣряя ее, что она будетъ провозглашена императрицей [1]). Елизавета не согласилась, лучше его понимая, что это было бы безуміемъ. Дѣйствительно, въ то время за нее еще не было того сочувствія, которое создалось впослѣдствіи, благодаря недовольству иноземнымъ правительствомъ. „Партія ея была почти безсильна", свидѣтельствуетъ Манштейнъ [2]).

Участіе французскаго посланника въ дѣлѣ переворота не оправдало по результатамъ его ожиданій.

Проспавъ фактъ революціи, онъ долженъ былъ ѣхать во дворецъ съ поздравленіемъ и выказывать радость, въ которой замѣчалась натянутость, свидѣтельствовавшая, что маркизъ не ожидалъ случившагося во время его сна.

Разбуженный Шуваловымъ, онъ не могъ не выразить своего изумленія относительно того, что̀ ему было разсказано.—Елизавета вступила безъ его помощи на престолъ своего отца! Гр. Панинъ описываетъ его душевное состояніе въ этотъ моментъ такъ: „Принявъ на себя личину, посланникъ изъявилъ притворную радость и поспѣшно поѣхалъ въ цесаревинъ дворецъ. Толпы волнующагося по улицамъ народа, съ восторгомъ увидѣвшаго на тронѣ дщерь незабвеннаго въ сердцахъ нашихъ монарха, стоявшіе подъ ружьемъ гвардейскіе полки, раздававшіяся въ воздухѣ громогласныя восклицанія: „да здравствуетъ наша матушка императрица Елизавета Петровна!" *приводили маркиза въ сильное смущеніе*. Внезапно совершенный Елизаветою ударъ разрушилъ всѣ его зловредные замыслы." Послѣдніе, по мнѣнію гр. Панина, заключались въ томъ, чтобы Шведы, воевавшіе съ

---

[1]) Манштейнъ, стр. 21. Манштейнъ думаетъ, что, только вслѣдствіе слабости и нерѣшительности, Елизавета не могла исполнить великаго предпріятія. Но тотъ же Манштейнъ нѣсколько ниже свидѣтельствуетъ о томъ, «что партія ея въ ту пору была почти безсильна».

[2]) Ibid., 21.—Можно также, вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ, думать, что въ послѣднее время Лестокъ торопилъ Елизавету по той причинѣ, что ежеминутно могъ ожидать ареста.

Россіей, успѣли приблизиться къ берегамъ Невы и предписывали бы Елизаветѣ „законы въ ея столицѣ", „и тогда-то маркизъ мечталъ безпрепятственно и самовластно господствовать при Россійскомъ дворѣ." [1])

Соображеніе гр. Панина имѣетъза собой основаніе. Мы видѣли выше, что Шетарди (объ этомъ говоритъ и гр. Панинъ) желалъ самъ руководить исполненіемъ заговора. Во всякомъ случаѣ, французскій посланникъ мечталъ о томъ, что Елизавета, обязанная Шведамъ и особенно его собственной предусмотрительности и ловкости, согласится съ тѣми требованіями, которыя черезъ него предъявляла ей иностранная политика. Теперь, по совершеніи переворота самой Елизаветой, былъ другой разговоръ.

Война шведская прекратилась только на время. Елизавета, прекративъ тотчасъ же по восшествіи на престолъ военныя дѣйствія Русскихъ со Шведами, тѣмъ не менѣе дала обѣщаніе соблюдать только условія Ништадтскаго мира Она твердо рѣшилась не дѣлать уступки изъ отцовскихъ завоеваній ни одной пяди земли. [2]) Въ этомъ нельзя не видѣть, кромѣ патріотизма и уваженія, питаемаго къ памяти отца, того соображенія, что неуступкой завоеваній, стоившихъ Россіи много крови и денежныхъ затратъ, она тѣмъ скорѣе укрѣпитъ въ Русскихъ расположеніе къ себѣ. Маркизъ де-ля Шетарди всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ не успѣлъ склонить Ели-

---

[1]) Рус. Стар. 1879 г., т. XXVI, стр. 595: Замѣч. гр. Панина на Записки Манштейна.

[2]) Елизавета объявила маркизу: «если иностранная принцесса, мало заботившаяся о пользѣ Россіи, предпочла войну стыду уступить что-нибудь, то не дочери Петра I, для прекращенія той же самой войны, соглашаться на условія, противорѣчащія столько же благу Россіи, сколько славѣ ея отца и всему, что было куплено цѣною крови ея подданныхъ для окончанія его трудовъ. «Когда же Шетарди повторилъ и ей извѣстный намъ софизмъ объ уступкахъ, какія намѣревался сдѣлать Петръ въ критическое для послѣдняго время, то Елизавета отвѣчала: «если Петръ I находился въ положеніи отказаться отъ того, что было пріобрѣтено, то этого еще не достаточно, чтобы, особенно послѣ трехъ царствованій, удержавшихъ завоеванія этого государя, она могла сдѣлать то же, что онъ; она сочла бы нарушеніемъ уваженія къ его памяти, когда бы... уклонилась отъ этого взгляда». (Шетарди, стр.. 515 и 516.)

завету къ уступкамъ; поэтому перемиріе снова обратилось въ войну, кончившуюся, какъ извѣстно, въ пользу Россіи. [1])

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ Елизаветы иностранная политика въ отношеніи Швеціи потерпѣла неудачу; но вмѣшательство въ это дѣло французской дипломатіи нужно отмѣтить рядомъ съ тѣмъ фактомъ, что въ царствованіе Елизаветы при Русскомъ дворѣ начинаетъ преобладать до извѣстной, впрочемъ довольно умѣренной, степени политическое вліяніе Франціи; но это вліяніе было далеко не столь умѣреннымъ въ отношеніи нравовъ. И то и другое, впрочемъ, не было слѣдствіемъ обворожительности маркиза де ля Шетарди, названнаго впослѣдствіи при Петербургскомъ дворѣ простымъ плутомъ, а явилось естественной реакціей нѣмецкому вліянію: изъ подъ одной преобладающей струи западно-европейскаго вліянія Россія подпала подъ другую—и только. Самое же вліяніе было неизбѣжнымъ, вслѣдствіе переживанія Россіею подражательнаго періода, который, осмѣливаемся думать, совершенно еще не кончился и по-нынѣ. Однако каждый шагъ въ развитіи русскаго общества является шагомъ къ его самобытности и оригинальности. Съ восшествіемъ Елизаветы на престолъ это движеніе дѣлается наиболѣе очевиднымъ, почему нашъ философъ - историкъ К. Д. Кавелинъ имѣлъ основаніе сказать: „съ воцареніемъ Елизаветы Петровны начинается медленная убыль господства европейскихъ элементовъ, что *продолжается и до сихъ поръ*".

Воцареніе Елизаветы повлекло за собой еще слѣдующія обстоятельства.

Елизавета, занявъ престолъ при помощи солдатской силы и видя расположеніе къ себѣ въ войскахъ, приказала, между прочимъ, тѣмъ изъ послѣднихъ, которыя были размѣщены въ Петербургѣ, выдать денегъ—по рублю на человѣка—и въ изобиліи водки и вина. [4]) Это обиліе очень вредно отозвалось на общественномъ спокойствіи. Секретарь саксонскаго посольства пишетъ: „гвардейцы и въ особенности гренадеры, которые еще не отрезвились почти отъ сильнаго пьян-

---

[1]) **Шетарди, стр. 515 и 516.**

[2]) **Арх. кн. Воронцова, IV, с. 161—162.**

[3]) **«Мысли и замѣтки о русской исторіи». Вѣстн. Евр. 1866, т. II, с. 332.**

[4]) **Манштейнъ, стр. 252.**

ства, предаются множеству крайностей. Подъ предлогомъ поздравленій съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы ходятъ они по домамъ, и никто не смѣетъ отказать имъ въ деньгахъ, или въ томъ, чего они желаютъ". Тутъ Пецольдъ приводитъ фактъ убійства гвардейцемъ продавца хлѣбами за то, что тотъ не уступилъ ему булку за цѣну, которую гвардеецъ давалъ,—и заключаетъ: „не говорю уже о другихъ насиліяхъ въ особенности противъ Нѣмцевъ". Это Пецольдъ пишетъ 23-го Декабря (нов. стил.). 1741 г. [1])

Солдаты чувствовали, чѣмъ имъ обязаны. Они были довольны собой; какъ у людей грубыхъ, это самодовольство выражалось у нихъ въ пьянствѣ и въ насиліяхъ обывателямъ. Участники въ переворотѣ превосходили другихъ. Ихъ самодовольство увеличилось еще больше, когда указомъ 31-го Декабря ихъ рота была наименована лейбъ-компаніей, и нижніе чины ея были пожалованы потомственнымъ дворянствомъ (не имѣвшіе, конечно, таковаго прежде) и деревнями. [2]) Въ 1742 году на ихъ дворянскихъ гербахъ приказано было выбить надпись: *за вѣрность и ревность.*

На первыхъ же порахъ новые дворяне возомнили, что теперь имъ все можетъ быть позволено. По сообщенію Манштейна, „они входили въ дома самыхъ знатныхъ лицъ съ угрозами, требуя денегъ, и безъ церемоніи брали то, что приходилось имъ по вкусу".

Наиболѣе наглые были исключены изъ Лейбъ-компаніи и опредѣлены офицерами въ армейскіе полки. [3])

Какъ всегда бываютъ недовольные, такъ и теперь, при вступленіи на престолъ Елизаветы, нашлись таковые. [4]) Недовольство укрѣплялось поведеніемъ торжествующихъ гвардейцевъ.

Тѣ немногіе, которые симпатизировали иноземному пра-

---

[1]) Шетарди, стр. 413.

[2]) П. С. З. XI, 8491; XI, 8666.

[3]) А Грюнштейнъ, бывшій пропагандистомъ въ пользу Елизаветы въ своей ротѣ, въ пьяномъ видѣ и относительно самой императрицы говорилъ непристойныя рѣчи, за что и былъ сосланъ въ пожалованную ему деревню. Манштейнъ, стр. 242 и 243.

[4]) Шетарди 413.

вительству, начали поговаривать отрицательно о новой императрицѣ, которая, въ первое время, по занятіи престола, естественно не могла быть равнодушна къ толкамъ. При такомъ настроеніи, просто выражаясь, изъ мухи былъ созданъ слонъ, и изъ неосторожныхъ словъ подгулявшаго молодаго Лопухина выросъ цѣлый заговоръ. Участниковъ его постигало наказаніе, хотя и не смертью, но вполнѣ однако соотвѣтствовавшее нравамъ эпохи. [1])

Елизаветѣ на самомъ дѣлѣ нечего было бояться. Огромное большинство общества было за нее. И самое поведеніе гвардейцевъ носило не только характеръ простаго пьянаго буйства, но оно также было реакціей правленію иноземцевъ.

Мы уже слышали отъ Пецольда, что насилія гвардейцевъ касались преимущественно людей иностраннаго происхожденія. Въ другое время (12 Декабря) онъ пишетъ: „мы, бѣдные иноземцы, трепещемъ и дрожимъ здѣсь, особенно когда извѣстно, *что за враги намъ были Долгорукіе и прочіе возвращенные*“ [2]). Это послѣднее рельефно обозначаетъ другую сторону буйствъ гвардіи: она сознавала, что ею совершено національное дѣло, сознавала, что Русскіе одолѣли Нѣмцевъ. Ненависть къ послѣднимъ проявилась также въ нападеніи гвардейскихъ солдатъ въ Петербургѣ на офицеровъ—иноземцевъ и въ бунтѣ гвардейцевъ въ лагерѣ подъ Выборгомъ, когда толпа солдатъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, въ количествѣ отъ 3-хъ до 4-хъ сотъ человѣкъ, кричала: „нужно убить всѣхъ иноземныхъ офицеровъ, находящихся въ арміи; послѣ этого будемъ повиноваться офицерамъ своей націи“ [3]). Наказывая излишества своей партіи, Елизавета наградила своихъ приверженцевъ за ихъ услуги ей. Кромѣ извѣстнаго намъ награжденія солдатъ гренадерской роты, были сдѣланы императрицей пожалованья и ближайшимъ ея приверженцамъ.

Такъ, камергеръ Алексѣй Разумовскій былъ пожалованъ должностью оберъ-егермейстера, графскимъ достоин-

---

[1]) Манштейнъ, стр. 289 и 290.
[2]) Шетардя, стр. 413,
[3]) Манштейнъ, стр. 251 и 252; 254 и 255.

ствомъ и голубою лентою; Воронцовъ, два брата Шуваловы и Балкъ получили званіе камергера; Лестокъ былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіемъ перваго лейбъ-медика; не былъ оставленъ и маркизъ де-ля Шетарди, получившій богатые подарки, портретъ Елизаветы и орденъ [1]. Значительное количество крестьянъ, прежде свободныхъ, дѣлаются, по восшествіи Елизаветы на престолъ, крѣпостными, будучи розданы ею своимъ приверженцамъ.

На ряду съ наградами приверженцамъ шли наказанія членамъ побѣжденной партіи.

Сдѣлаемъ краткій обзоръ фактовъ и этого порядка, начавъ съ судьбы Брауншвейгской фамиліи.

Сначала было рѣшено отправить её за границу, съ каковою цѣлью она 12-го Декабря 1741 г., подъ прикрытіемъ большаго конвоя, выѣхала изъ Петербурга въ Ригу, куда и прибыла 9-го Января 1742 года. Но опасенія Елизаветы измѣнили ея намѣреніе на счетъ свергнутой фамиліи. Почти черезъ годъ, 13-го Декабря, Антонъ Ульрихъ съ женою и дѣтьми былъ перевезенъ въ крѣпость Дюнаминде, а въ Январѣ 1744 г. отсюда — въ городъ Раненбургъ (Рязанской губ.). Здѣсь семейство пробыло до Сентября того же года, когда бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ былъ отдѣленъ, по высочайшему указу, отъ родителей барономъ Н. А. Корфомъ: послѣднихъ повезли въ Соловецкій монастырь. Но родители императора не доѣхали до Соловецкаго монастыря: по прибытіи ихъ въ Холмогоры, 9-го Ноября послѣдовало повелѣніе содержать ихъ здѣсь въ тѣсномъ заключеніи Такова была на первыхъ порахъ участь этого семейства. Чѣмъ дальше, тѣмъ она дѣлается безотраднѣе, но это уже не входитъ въ предметъ нашего изложенія, имѣющаго въ виду указать только на ближайшія слѣдствія переворота [2]).

Остальныхъ арестованныхъ во время „дѣйства" въ ночь

---

[1]) Ibid., стр. 242 и 243.

[2]) Рус. Стар. 1879 (статья неизвѣст. автора «Импер. Іоаннъ Антоновичъ») Въ П. С. З. напр., XI, 8641; XI, 8494.

на 25-е Ноября прежде всего постигъ судъ, обвинившій ихъ во множествѣ преступленій и приговорившій къ разнымъ родамъ смерти. Такъ, гр. Остермана присудили къ колесованію, фельдмаршала Миниха къ раздробленію членовъ и къ отсѣченію головы; гр. Головкина, Менгдена, Левенвольде и Темирязева также къ отсѣченію головы [1]). Такой приговоръ состоялся послѣ слѣдствія, которое велось мѣсяцъ съ небольшимъ [2]). 18 января 1742 года приступили къ исполненію приговора.

Остерманъ и Минихъ, люди недюжинные, съ сильной волей, казались спокойными. Уже одинъ палачъ держалъ за волосы перваго, а другой приготовлялся нанести ударъ, какъ сенатскій секретарь, вынувъ бумагу, прочиталъ: „Богъ и императрица дарятъ тебѣ жизнь". По сообщенію Пецольда „близь стоявшіе" не замѣтили въ немъ никакой перемѣны, когда онъ услыхалъ о помилованіи [3]); по свидѣтельству Финча, онъ только произнесъ: „прошу васъ возвратить мнѣ мой парикъ и шапку".

Минихъ держалъ себя очень бодро: шутилъ съ солдатами и говоритъ имъ, что до конца останется такимъ же храбрецомъ, какимъ они привыкли считать его. Левенвольде старался не выказывать своего безпокойства. Этихъ двухъ, а равно и другихъ осужденныхъ не клали на плаху.

Вмѣсто смертной казни, всѣ эти лица были приговорены къ ссылкѣ: гр. Остерманъ—въ Березовъ, Минихъ—въ Пелымь, гр. Головкинъ—въо тдаленный *Германгскій* острогъ [4]) гр. Левенвольде — въ Соликамскъ, баронъ Менгденъ—въ Кольскій острогъ, секретарь Темирязевъ—въ Сибирь [5]). До отправленія всѣ они были помѣщены въ Петропавловскую

---

[1]) Шетарди, стр. 519 и 520.

[2]) Ibid., стр. 520.

[3]) Когда его клали на плаху, у него лицо было спокойно, только руки немного дрожали.

[4]) Иначе *Ермангскій* острогъ, за Якутскомъ, на р Колымѣ, подъ 67° сѣв. широты, въ 11, 278 верст. отъ Петербурга. См. Хмырова, гр. Е. И. Головкина, с. 216. Въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева этотъ фактъ вовсе опущенъ: отмѣченъ только фактъ самой ссылки.

[5]) Шетарди, стр 521—524; Былъ изданъ особый манифестъ объ отмѣнѣ этимъ приговореннымъ къ смерти. казни. (П. С. З., XI, 8506).

крѣпость. Для исполненія сказаннаго приговора былъ назначенъ нѣсколько разъ уже встрѣчавшійся въ нашемъ изложеніи кн. Шаховской.

Остермана онъ нашелъ „лежащаго и громко стенящаго, жалуясь на подагру".

Бывшій первый министръ встрѣтилъ однако кн. Шаховскаго „своимъ краснорѣчіемъ", которое теперь употребилъ для того, чтобы изъявить „сожалѣніе о преступленіи своемъ", что, впрочемъ, Кн. Шаховскій считаетъ излишнимъ описывать. Остерманъ также просилъ, чтобы кн. Шаховскій „представилъ" государынѣ „о милостивомъ и великодушномъ покровительствѣ дѣтей его". Кн. Шаховскій приказалъ записать всѣ рѣчи гр. Остермана, ибо ему такъ было предписано. Тутъ же находилась супруга гр. Остермана, которая заливалась слезами.

Левенвольде, по описанію кн. Шаховскаго, былъ жалокъ въ своемъ отчаяніи: онъ обнималъ колѣни князя и при этомъ такъ тихо „въ смятенномъ духѣ" говорилъ, что добродушный князь не могъ ничего разслышать.

Противоположностью Левенвольде оказался Минихъ, хотя кн. Шаховскій и предполагалъ найти его „горестью и смятеніемъ пораженнаго": но „онъ болѣе досаду, нежели печаль и страхъ на лицѣ своемъ являлъ". Минихъ просилъ только о томъ, чтобы съ нимъ, „для сохраненія отъ вѣчной погибели души его" былъ отправленъ въ ссылку пасторъ.

Гр. Головкина кн. Шаховской нашелъ „въ печальномъ и прискорбномъ видѣ".

Первый „жалостно взглянулъ" на князя и сказалъ, что „тѣмъ онъ болѣе нынѣ несчастливѣйшимъ себя находитъ, что воспитанъ въ изобиліи, и что благополучія его, умножась съ лѣтами, взвели на высокія степени, не вкушая до нынѣ прямой тягости бѣдъ, коихъ теперь сносить силъ не имѣетъ".

Князь Шаховской, слушая такія рѣчи, готовъ уже былъ заплакать, какъ внезапно явившійся гвардейскій офицеръ помѣшалъ ему проявить такое участіе къ арестанту.

Объ остальныхъ заключенныхъ кн. Шаховской не имѣетъ „ничего описать [1])". Они всѣ были имъ отправлены въ ссылку 19-го января.

Ссылка, вмѣсто смертной казни, явилась результа-

---

[1]) Зап. кн. Шаховскаго, стр. 12—18.

томъ обѣщанія, даннаго Елизаветой, что она никого въ продолженіе своего царствованія не казнитъ смертію.

По вступленіи на престолъ въ числѣ важнѣйшихъ ея заботъ было стремленіе, чтобы всѣ поскорѣе забыли объ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ, вслѣдствіе чего начинается гоненіе на это злополучное имя, которое тщательно повсюду уничтожается, выскабливается [1]).

На первыхъ порахъ также издаются новымъ правительствомъ распоряженія, служащія противодѣйствіемъ направленію иноземнаго правительства. То, что рачительно взыскивалось до вступленія Елизаветы на престолъ, какъ напр., недоборы и начеты съ 1719 г. до 1730, всемилостивѣйше теперь прощается вмѣстѣ съ оставленіемъ винъ преступникамъ [2]). 31-го Декабря (1741) закрывается доимочная канцелярія [3]). 15-го іюля 1741 г. уничтожается коллегія экономіи, завѣдывавшая архіерейскими и монастырскими имѣніями, а также—судомъ между духовными и состоявшая подъ вѣдѣніемъ и контролемъ сената. Множество ссыльныхъ новое правительство возвращаетъ изъ Сибири... [5])

Всѣ перечисленныя мѣропріятія и подобныя имъ дѣлались несомнѣнно и для того, чтобы подданные благословляли Елизавету, забывъ погибшее иноземное правительство. Въ этомъ особенно усердно помогало новому правительству духовенство, болѣе другихъ общественныхъ элементовъ Россіи недовольное правленіемъ иноземцевъ. Со всѣхъ сторонъ начали раздаваться ожесточенныя нападенія на погибшее правительство. Кириллъ Флоринскій говорилъ: „Доселѣ дремахомъ, а нынѣ свѣтъ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссары дьявольскіе" и т. п. Амвросій Юшкевичъ ему вторилъ: „Елизавета преславная побѣдительница

---

[1]) Шетарди, стр. 617 и 618.

[2]) П. С. Зак. XI, 8501.

[3]) Ibid., XI, 8481.

[4]) Ешевскій, с. 572.

[5]) И въ томъ числѣ возвращается герцогъ Биронъ, относившійся къ Елизаветѣ наиболѣе внимательно изъ членовъ иноземнаго правительства. Его однако не пустили въ Петербургъ, отведя ему для мѣстожительства городъ Ярославль. См. также относит. ссыльныхъ П. С. З. XI, 8492.

избавила Россію отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ". Они желали искоренить благочестіе и вѣру, „будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ". Далѣе проповѣдникъ сѣтуетъ на то, какъ много иноземцы перемучили и переказнили духовныхъ лицъ. „Кратко сказать—всѣхъ добрыхъ, простосердечныхъ" и т. п. искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственной похитителей весьма любили, ублажали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали". Отъ этихъ двухъ проповѣдниковъ не отставалъ и Дмитрій Сѣченовъ, который тоже жалуется на „гоненіе", воздвигнутое иноземцами на „благочестивую вѣру", и на самое благочестіе, и на „защитителей благочестія", „священныхъ служителей". Вслѣдствіе этого гоненія, „проповѣдники Слова Божія молчали и устъ не смѣли о благочестіи отверзти." Елизавета освободила ихъ отъ такого неестественнаго положенія [1]).

Такъ высшія духовныя лица привѣтствовали вступленіе Елизаветы на престолъ и совершенно узаконили въ сознаніи всего Русскаго народа этотъ фактъ.

Н. Ѳирсовъ.

---

[1]) Чистовичъ, стр. 668—670.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007041846